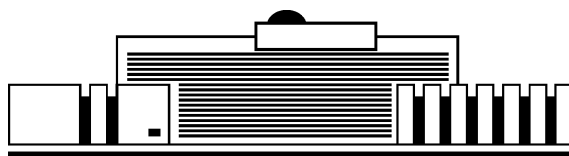

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2005 № 4(38)

В Е С Н І К

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2005 № 4(38)

З м е с т

Сацыялогія. Філасофія

Русецкий А.В., Гащенко Л.А. Изучение спецкурса «Великая Отечественная война» (в контексте Второй мировой войны) – одна из главных идеологических составляющих патриотической социализации студенчества 3

Табачков А.С. Онтологические основания метатеоретического анализа историографии 11

Г і с т о р ы я

Варивончик И.В. От кризиса к обществу «всеобщего благоденствия»: формирование массового среднего класса в послевоенной Америке (40–60-е годы XX века) 16

Буевич Т.В. История создания партархивов обкомов КПБ и источники их комплектования 23

Иванова Т.П. Органы управления и периодическая печать Витебской губернии в 1917–1924 гг. 30

Шорац Л.Ф. Школьнае гістарычнае краязнаўства Беларусі ў 20–30-я гады XX ст. 36

Косов А.П. Проблемы изучения внешней политики США второй половины XX века в советской американистике 40

Педагогіка. Псіхалогія

Якубенко О.И. Знания о человеке как категория педагогической антропологии ... 46

Федорова Е.В. Социокультурные, политические и экономические предпосылки развития педагогического образования в Германии во второй половине XX века 50

Гончарова А.В. Идеи Я. Корчака в контексте современности: признание прав ребенка 55

Рыбакова Т.И., Михлюк Е.И. Обучение выполнению чертежей деталей в графической подготовке студентов 59

Чеснокова А.А. Роль психологических защит и копинг-стратегий в адаптации личности 64

Мовазнаўства

Голуб Е.М. Историко-лингвистическая концепция П.А. Бузука	70
Кураш И.Я. Фонетическая адаптация личных собственных имен старообрядцев	75
Рудая С.Н. Комплексная методика исследования конверсии (на примере английского языка)	79
Да XIV Міжнароднага кангрэса славістаў (Македонія – 2008)	83

Літаратуразнаўства

Даніленка С.І. Мастацкая дэманізацыя фашысцкіх захопнікаў у лірыцы беларускіх паэтаў часоў Вялікай Айчыннай вайны	85
Шчука Ю.А. Вобраз нацыянальнага інтэлігента ў тэатралогіі Вячаслава Адамчыка..	90
Бароўка В.Ю. Спецыфіка мастацкага этнаграфізму ў беларускай прозе першага пасляваеннага дзесяцігоддзя	95

Матэматыка. Інфарматыка

Гойко В.И. Исследование свойств f-профраттиниевых подгрупп конечных групп..	101
Васильев А.Ф. О факторизуемых инъекторах конечных разрешимых произведений	108
Шандриков А.С. Алгоритм разрезания графа методом последовательного назначения вершин в формируемые куски	111

Фізіка. Механіка

Трубников Ю.В., Трубникова Н.Е. Квазишаровые решения уравнения Шредингера	119
Толочко Н.К. Механизмы зародышеобразования в пересыщенных растворах...	125

Біялогія

Пискунов В.И., Солодовников И.А. Новые и малоизвестные для фауны Беларуси виды выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae)	129
Лешко Г.А. Экология лужанки речной (Viviparus viviparus L.) в Западной Двине	134

Геалогія. Геаграфія

Галкин А.Н. Особенности строения и пространственной изменчивости рельефа Беларуси как фактора формирования инженерно-геологических условий	140
Шаматульская Е.В. Сельская местность как социально-экономическая система и ее проблемы	148

Кароткія паведамленні

Рупасова Ж.А., Игнатенко В.А., Варавина Н.П., Рудаковская Р.Н., Яковлев А.П. Накопление углеводов в плодах голубики высокорослой при разном уровне минерального питания в Белорусском Полесье	154
Венгер Ю.И. Социальная помощь государственными структурами пострадавшим от аварии на ЧАЭС	157
Крытыка	160
Бібліяграфія	161
Хроніка	162
Памяці калегі	163
Рэфераты	164
Звесткі пра аўтараў	171
Пэралік артыкулаў, змешчаных у часопісах «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» (№№ 35–38)	173

Рэдактар	А.М. Фенчанка
Камп'ютэрны набор	Г.У. Разбоева
Карэктар	Л.В. Прыстаўка

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.

Падпісана ў друк 19.12.2005. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.

Ум. друк. арк. 30,98. Ул.-выд. арк. 13,35. Тыраж 100 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

© УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2005

А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко

Изучение спецкурса «Великая Отечественная война» (в контексте Второй мировой войны) — одна из главных идеологических составляющих патриотической социализации студенчества*

Празднование 60-й годовщины освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне высветило одну из важнейших сторон нашей общественной жизни — необходимость сохранения преемственности поколений и утверждения в сознании молодежи (в том числе и студенческой) величия подвига советского народа. Весь опыт предшествующей истории с очевидностью свидетельствует о том, что утрата преемственности поколений может привести (и зачастую приводит) к деградации и распаду общества, несет угрозу государственности, особенно в период социальных трансформаций. Поэтому далеко не случайно Министерство образования Республики Беларусь по указанию Президента А.Г. Лукашенко, начиная с 2004–2005 учебного года, организовало преподавание в вузах спецкурса «Великая Отечественная война советского народа»

(в контексте Второй мировой войны).

Для чтения данного спецкурса было выделено 34 учебных часов (6 часов за счет учебного времени, предусмотренного в учебных планах на изучение дисциплины «История Беларуси», и 28 часов — за счет вуза). Вузовской администрации также было рекомендовано отслеживать качество его преподавания. Главная цель спецкурса заключается в том, чтобы глубоко и всесторонне ознакомить студенческую молодежь с героической борьбой советского народа против фашистских завоевателей, сформировать у нее более уважительное отношение к истории своей Родины.

В этой связи нами проведено пилотажное (пробное) социологическое исследование, предваряющее основное и предназначенное для проверки качества проводимой работы. Всего было опрошено 200 студентов II курса четырех факультетов (математического, филологического, социальной педагогики и практической психологии, физической культуры и спорта) ВГУ им. П.М. Машерова.

Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Способствовало ли изучение спецкурса «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны)** более глубокому

* По результатам пилотажного (пробного) социологического исследования.

** Для экономии страничного материала будем употреблять аббревиатуру «ВОВ».

осознанию подвига белорусского народа в разгроме фашистской Германии?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 1.

Цифровой материал данной таблицы фиксирует, что лишь 45% студентов достаточно твердо осознают тот огромный вклад предшествующих поколений, который они внесли в дело защиты СССР. К сожалению, у 55% опрошенных (суммарный показатель 2, 3, 4, 5 индикаторов) такой определенной твердости не наблюдается. Эти результаты сопоставимы с данными социологического мониторинга, проведенного нами в 2004 г. по теме «Патриотическое мировоззрение молодежи: состояние и динамика», в процессе которого опрашивалось 2322 респондента. Из них: 1522 студента II–V курсов трех государственных и одного коммерческого вузов г. Витебска и 800 учащихся 10 и 11 классов г. Витебска и Витебской области.

Таблица 1

Способствовало ли изучение спецкурса «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны) более глубокому осознанию подвига белорусского народа в разгроме фашистской Германии?

Ответы	В среднем (%)
1. Да, со всей определенностью	45
2. Скорее да, чем нет	36
3. Скорее нет, чем да	9
4. Нет	6
5. Затрудняюсь ответить	4

Им был задан весьма конкретный вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 2, из которой видно, что почти 56% старшеклассников и 45,5% студентов (также суммарные показатели) гордятся великими достижениями своего народа и испытывают моральное удовлетворение за приобщенность к истории Беларуси.

Таблица 2

Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стаци- онар	Заочн ики	
1. Чувство гордости за великие свершения народа	26,4	31,7	41,6	31,4	32,8	31,2	27,1	29,5
2. Испытываю чувство морального удовлетворения за приобщенность к истории Беларуси	22,3	26,3	20,6	22,6	23,0	12,9	20,4	16,0
3. Чувство национальной ущемленности, горечи за постоянные бедствия народа	28,9	18,6	24,4	31,0	25,7	34,1	38,8	36,0

4. Затрудняюсь ответить	23,4	33,4	23,4	25,0	28,5	31,8	23,7	28,5
-------------------------	------	------	------	------	------	------	------	------

К огорчению, только 55,8% старшеклассников и 45,5% студентов (суммарные показатели) гордятся великими достижениями своего народа, испытывают моральное удовлетворение за приобщенность к истории Беларуси, которая богата своими историческими событиями (участием белорусов в Грюнвальдской битве 1410 года, разгроме наполеоновских полчищ, национально-освободительном движении 1862–1863 гг., которое возглавил К. Калиновский, героической борьбой с фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны).

Причем между ответами старшеклассников и студентов наблюдаются ощутимые расхождения. Они составили свыше 11%, что в социологии является существенным артефактом, который высвечивает весьма определенную негативную тенденцию: сложившиеся еще в средней школе историко-ценностные, гражданско-патриотические ориентации будущих абитуриентов в процессе их дальнейшей социализации не претерпевают должных позитивных трансформаций, адекватным современным реалиям.

Вуз принимает их как своего рода «готовый продукт» и практически очень слабо корректирует патриотические ценности студенческой молодежи. Об этом со всей очевидностью говорят ответы респондентов на такой вопрос: «Позволило ли Вам изучение спецкурса «ВОВ» острее ощутить усилия Президента и правительства Республики Беларусь, направленные на сохранение социально-экономической, политической, национальной и конфессиональной стабильности в нашем обществе?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Позволило ли Вам изучение спецкурса «ВОВ» острее ощутить усилия Президента и правительства Республики Беларусь, направленные на сохранение социально-экономической, политической, национальной и конфессиональной стабильности в нашем обществе?

Ответы	В среднем (%)
1. Да, совершенно отчетливо	17
2. Скорее да, чем нет	26
3. Скорее нет, чем да	15
4. Нет	28
5. Затрудняюсь ответить	14

В целом лишь сорока трем процентам респондентам (также суммарный показатель) изучение спецкурса позволяет иметь более четкое представление о деятельности президентских и правительственных структур, которая направлена на устойчивое развитие и процветание белорусского государства. Безусловно, это невысокий показатель. Как прошлые исследования [1], так и нынешний социологический мониторинг высвечивают не только слабую разъяснительную работу со стороны профессорско-преподавательского корпуса, но и неумение значительной части преподавателей увязать историю с современностью, проследить связь времен между прошлым и будущим.

В итоге к полноценному обсуждению философских проблем, исторических закономерностей или нынешних политических процессов такая аудитория

оказывается не готовой. Происходит вынужденная примитивизация учебного материала, составляющая у студента искаженное представление о гуманитарном знании как наборе простеньких расхожих сентенций.

А ведь гуманитарное знание выполняет не только информационную функцию, но и ценностно-мировоззренческую. В этой связи респондентам был задан комплекс взаимосвязанных вопросов: «Повлияло ли освоение спецкурса «ВОВ» на формирование Вашей гражданско-патриотической позиции?»

(Блок А); «Удовлетворены ли Вы преподаванием спецкурса «ВОВ»? (Блок Б); «Если Вы не удовлетворены преподаванием спецкурса «ВОВ», то почему?» (возможно несколько вариантов ответа (Блок В). Мнения опрошенных приведены в табл. 4.

Таблица 4

Ответы	В среднем (%)
<i>Блок А. Повлияло ли освоение спецкурса «ВОВ» на формирование Вашей гражданско-патриотической позиции?</i>	
1. Безусловно, да	27
2. Скорее да, чем нет	32
3. Нет, гражданско-патриотические проблемы мне безразличны	12
4. Затрудняюсь ответить	29
<i>Блок Б. Удовлетворены ли Вы преподаванием спецкурса «ВОВ»?</i>	
1. Да	43
2. Скорее да, чем нет	30
3. Скорее нет, чем да	22
4. Определенно, нет	4
5. Затрудняюсь ответить	1
<i>Блок В. Если Вы не удовлетворены преподаванием спецкурса «ВОВ», то почему? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	
1. Материал излагается неинтересно, монотонно	24
2. Очень много цифрового материала без его достаточного комментария	20
3. Отсутствовала наглядность в преподавании данного курса	11
4. Недостаточно было живых, эмоциональных примеров, раскрывающих подвиг белорусских людей	21
5. Отсутствовала должная критика современных западных и оппозиционных СМИ, искажающих результаты исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне	30
6. Не использовались электронные средства обучения (компьютер, Интернет, телевизор, видеоманитофон)	9
7. Что еще, укажите	2

Цифровой материал табл. 4 совершенно отчетливо коррелируется с предыдущими ответами студентов. Так, показатель 43% респондентов однозначно удовлетворенных преподаванием спецкурса «ВОВ», коррелируется с таким же количеством опрошенных (см. табл. 1, индикатор 1), отметивших что его изучение способствует более глубокому осознанию подвига белорусского народа в разгроме фашистской Германии. Таким образом, ответы респондентов

высвечивают еще одну очень важную тенденцию в патриотической социализации будущих специалистов: эффективное и действенное формирование их гражданско-патриотической позиции во многом зависит от качества преподавания социально-гуманитарных дисциплин, в том числе и от изучения спецкурса «ВОВ».

И далеко не случайно, что студенты совершенно отчетливо отметили те недостатки, которые препятствуют успешному его освоению. Прежде всего, одна треть опрошенных указала на то, что отсутствовала должная критика современных западных и оппозиционных СМИ, искажающих результаты исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне. Нет смысла перечислять все измышления западных и «прозападных» идеологов, историков, публицистов и т.п., направленные на пересмотр ее исторических итогов. Это не является целью нашего исследования.

Конспективно отметим лишь следующие. Рядом исследователей не только ставится под сомнение значение Великой Победы, но даже ответственность за развязывание войны возлагается почти исключительно на СССР, который стал союзником фашистской Германии. Западная историография и пропаганда преувеличивает значение поставок союзников по ленд-лизу, видя в них «главный фактор победы»; замалчивает наступательные операции советских войск 1944–1945 годов, хотя они в плане военного искусства выше перевозимого ими германского наступления 1941–1942 годов и тем более англо-американского. В юбилейные 2004–2005 годы в западных и наших СМИ вспоминают в основном события 1941–1942 годов, а блестящие победы 1944 и 1945 годов обходят молчанием, хотя они – наша гордость и пример для современников [2–4]. Именно на эти и другие значимые события Великой Отечественной войны преподавателям-обществоведам следовало бы больше уделять внимание, а не увлекаться чисто цифровым материалом (см. табл. 4, Блок В, индикатор 2). Содержание спецкурса «ВОВ» необходимо излагать интересно, живо, эмоционально, а не монотонно, сухо и не без наглядных примеров, раскрывающих подвиг белорусских людей (см. табл. 4, Блок В, индикатор 1, 3, 4).

Таким образом, преподавание спецкурса «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны), наряду с познавательной, методологической, мировоззренческой, аксиологической и воспитательной функциями, выполняет также и идеологическую функцию. Ведь патриотизм как общегражданская ценность опирается не только на мировоззренческие, культурно-исторические, религиозно-нравственные основания, но и на политико-идеологические, которые надстраиваются над ними и более доступны для прямого воздействия со стороны государственно-политических структур, более управляемы [5].

В этой связи среди опрошенных респондентов одновременно был проведен социологический мониторинг по определению качества преподавания спецкурса «Основы идеологии белорусского государства». Изначально им задавался такой вопрос: «Позволило ли Вам изучение курса «Основы идеологии белорусского государства» составить достаточно полное представление о социально-экономических, политических и духовных направлениях нашего общества?». Мнения студентов (в %) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Позволило ли Вам изучение курса «Основы идеологии белорусского государства» составить достаточно полное представление о социально-экономических, политических и духовных направлениях нашего общества?

Ответы	В среднем (%)
1. Да, совершенно определенно	9
2. Да, в какой-то мере	74
3. Нет	10
4. Затрудняюсь ответить	7

Как видно из ответов респондентов, лишь 9% из числа опрошенных имеют четкое представление о перспективах развития Республики Беларусь. В объективности мнений студентов мы не сомневаемся, поскольку они сопоставимы с результатами социологического мониторинга по изучению патриотического мировоззрения молодежи, на которые мы уже ссылались. Так, на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о происходящих событиях в Республике Беларусь и за ее пределами?» только 11,5% опрошенных ответило – от преподавателей на учебных занятиях (см. табл. 6, индикатор 2).

Таблица 6

Из каких источников Вы получаете информацию о происходящих событиях в Республике Беларусь и за ее пределами

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		в среднем	Вузы г. Витебска		в среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стационар	Заочники	
1. СМИ (телевидение, радио, печать)	59,0	69,8	64,3	58,8	63,0	91,7	95,3	93,2
2. От преподавателей на учебных занятиях	13,1	16,3	11,9	17,6	14,7	14,2	7,6	11,5
3. Собственный опыт, товарищи и друзья	17,5	8,8	9,5	14,8	12,6	6,4	5,5	6,0
4. Семья, родственное окружение	10,4	5,1	14,3	8,8	9,6	8,6	9,4	9,0

В свою очередь, слабая информированность студентов не позволяет им осознать в полном объеме и самой сущности идеологической концепции нашего общества, если хотите, ее квинтэссенцию. Так, на вопрос «Осознали ли Вы содержание национальной идеи белорусского государства?» лишь 16% респондентов ответили, что имеют о ней вполне определенное представление (см. табл. 7).

Таблица 7

Осознали ли Вы содержание национальной идеи белорусского государства?

Ответы	В среднем (%)
1. Да, вполне	16
2. Скорее да, чем нет	44

3. Скорее нет, чем да	28
4. Нет	6
5. Затрудняюсь ответить	6

И студентов в этом нельзя винить, поскольку среди ученых-методологов, преподавателей-обществоведов и практиков-организаторов воспитательной работы нет единого подхода в трактовке национальной идеи.

Так, одни авторы рассуждают о национальной идее чрезмерно абстрактно, не выдвигая никаких конструктивных концепций, другие рассматривают ее вне связи с патриотической идеей. Третьи – анализируют национальную идею как целое, а патриотическую в качестве ее составляющей. Четвертые – национальную идею отождествляют с патриотической.

Некоторые ученые эту идею понимают как интегративную, как систему «взглядов и ценностей, приверженность к которым превращает некую совокупность людей в народ».

В конце концов, в качестве методологического основания для разработки государственной идеологии выдвигается общенациональная идея.

Нет смысла подробно рассматривать все обозначенные подходы в трактовке национальной идеи (они достаточно полно освещены в наших предыдущих исследованиях [1, с. 28–56; 6, 7]). Отметим лишь следующее.

Сегодня никакая идея, сколь бы красивой и многообещающей она ни была, не превратится в объединяющую и мобилизующую силу, если не будет исходить из приоритета общечеловеческих идеалов, жизненных потребностей и интересов всего населения. И такой идеей, думается, должна стать подлинно патриотическая идея: идея сохранения и развития в нашем многонациональном государстве каждого этноса, его культуры, традиции, обычаев, языка, письменности и т.п. Именно патриотическая идея должна выступать в качестве идеологического основания. Только в этом случае студенты (да и не только они) будут испытывать потребность в изучении спецкурса «Основы белорусского государства» (см. табл. 8).

Таблица 8

Ваше отношение к необходимости изучения спецкурса «Основы идеологии белорусского государства»?

ОТВЕТЫ	В среднем (%)
1. Однозначно необходимо: каждый гражданин должен знать идеологию своего государства	48
2. Скорее необходимо, чем нет	37
3. Скорее нет, чем да	5
4. Думаю, что в изучении данного спецкурса нет никакой необходимости	7
5. Затрудняюсь ответить	3

Завершая социологический мониторинг, мы задали респондентам традиционные вопросы: «Удовлетворены ли Вы преподаванием спецкурса «Основы идеологии белорусского государства?» (Блок А);

«Если Вы неудовлетворены преподаванием спецкурса «Основы идеологии белорусского государства», то почему?» (возможно несколько вариантов ответа) (Блок Б). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 9.

Лишь 35% студентов отметили, что курс идеологии читался интересно (см. Блок А, индикатор 1). Одновременно респонденты указали и на те

недостатки, которые не позволяют им освоить его в полном объеме. В сущности, они оказались такими же, что и при изучении спецкурса «ВОВ».

Анализ проведенного социологического мониторинга закончим следующими выводами. Изучение спецкурсов «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны) и «Основы идеологии белорусского государства» в основном способствуют дальнейшей патриотической социализации будущих специалистов. Вместе с тем, эффективное и действенное освоение обозначенных спецкурсов в значительной степени зависит от качества их преподавания, от того насколько глубоко преподаватель владеет излагаемым материалом. Известно, что содержание лекции определяется составом лекторов. Следовательно, для чтения этих спецкурсов необходимо привлекать наиболее опытных и подготовленных преподавателей социально-гуманитарных дисциплин. Это во-первых.

Таблица 9

Ответы	В среднем (%)
<i>Блок А. Удовлетворены ли Вы преподаванием спецкурса «Основы идеологии белорусского государства»?</i>	
1. Да, курс идеологии читался интересно	35
2. Лишь некоторые темы были интересны	48
3. Непонятно, для чего вообще весь этот спецкурс	10
4. Нет	4
5. Затрудняюсь ответить	3
<i>Блок Б. Если Вы недовольны преподаванием спецкурса «Основы идеологии белорусского государства», то почему? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	
1. Давалось много непонятной информации	25
2. Идеологический материал слабо увязывался с современными проблемами нашего общества	30
3. Была недостаточна критика идеологических концепций оппозиции и оппозиционных СМИ (телевидение, газеты, радио и др.)	14
4. Учебники и учебно-методические пособия написаны сложным языком	29
5. По некоторым темам нет списка литературы	4
6. Что еще, укажите	5

Во-вторых, субъектам воспитательного процесса (проректору, деканам факультетов и их заместителям по воспитательной работе, воспитательному отделу, кураторам академических групп, преподавателям) в своей информационной деятельности следует постоянно разъяснять усилия Президента Республики Беларусь и правительственных структур, направленных на создание устойчивых экономических, социально-политических и духовных основ для единства всех наций и народностей, проживающих на его территории; ликвидацию отживших производственных отношений и потребительских ориентаций, которые еще присутствуют в сознании и поведении абсолютного большинства молодых людей [8] (и не только у них).

Причем, при освещении деятельности Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко субъектам воспитательного процесса необходимо раскрывать не только (и не столько) его мотивацию поступков, сколько их историческое значение, которые оказывают огромную позитивную роль в трансформации всех сфер жизнедеятельности нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Русецкий А.В., Гащенко Л.А.** Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска): Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.06. – социология культуры, духовной жизни. – Витебск, 2002. – 220 с.
2. **Ольштынский Л.И.** Победа в Великой Отечественной войне – наше героическое и славное наследие // Высшее образование сегодня, 2005, № 4. – С. 10–15.
3. **Отстоять Великую Победу** // Высшее образование сегодня, 2005, № 5. – С. 10–13.
4. **Серебрянников В.В.** Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарные знания, 2005, № 3. – С. 42–67.
5. **Осинов А.** Наша сила в подлинном патриотизме // Беларуская думка, 2005, 1. – С. 18.
6. **Кто-то должен учить, как Отечество любить** // Беларуская думка, 2003, № 4. – С. 99–107.
7. **Гащенко Л.А.** Патриотическая идеология и ее составляющие // Веснік ВДУ, 2004, №2(32). – С. 9–15.
8. **Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А.** Патриотические идеалы современного студенчества: актуальность и современность // Социология, 2004, № 1. – С. 72–82.

S U M M A R Y

The problems of teaching such special courses as «The Great Patriotic War of the Soviet People» (in the context of the World War II) and «The Bases of the Belorussian State Ideology» are analyzed in this article.

Поступила в редакцию 26.08.2005

УДК 111.1:930

А.С. Табачков

Онтологические основания метатеоретического анализа историографии

Каким бы искусственным не признавалось членение философии на дисциплины, оно, тем не менее, оказывает существенное влияние на характер создаваемых в этой области познания дискурсов. Так, анализ феноменов социокультурной реальности не предполагает более обращения к их онтологической стороне. В полной мере эта тенденция проявилась в проектах философского осмысления истории, которая, по сути, лишилась в современных дискурсах своего онтогносеологического базиса. Думается, что стоит взглянуть на историю и историографию «со стороны» конститутивного для них обоих феномена.

Время, безусловно, относится к числу тех «первофеноменов», удивление перед которыми, по известному выражению М. Хайдеггера, породило саму

философию. Но по мере углубления человеческого познания, в частности, мироустройства, образ времени постепенно утрачивал свою целостность.

С ростом степени рационализации всего феноменально явленного возникали все новые и новые абстрактные системы координации последовательности событий, имевшие уже мало общего с передавшим им свое имя фундаментальным феноменом. Появилось время механики и астрономии, время биологических и химических процессов, наконец, время личного экзистенциального проживания в искусстве и близких к нему течениях философии.

Параллельно с этим, время постепенно сделалось предметом повседневного обихода попавшего в ненатуральные условия промышленного производства человека: рабочее время, время отпуска, обеденный перерыв. В иерархии суетной повседневности горожанина время стало почти вещью, собственностью, за которую нужно бороться, которую можно накапливать или тратить. Ученые раздробили время на удобные им абстракции, обыватели превратили его в соразмерную себе обиходную конкретность.

Можно, казалось бы, было надеяться, что первоначальное понимание важности феномена времени сохранится в историографии. Этого, однако, не произошло; время было вытеснено выросшим из обыкновения писать хроники деяний людей власти концептом хронологии. Причем, само это потенциально весьма богатое смыслами – если исходить из его греческих корней – понятие стали трактовать чрезвычайно одномерно. По сути, все было сведено к простой системе координат, призванной помогать выстраивать, иногда простые до примитивности, причинно-следственные связи событий. В пространстве такой хронологии вполне закономерно претерпели редукцию и сами события. Они стали просто фактами, при этом основной смысл деятельности историка стали видеть в максимально точном и не порождающем противоречий помещении события-факта в хронологическую мозаику.

Еще хуже всегда было с теми историографическими дискурсами, которые изначально предназначались широким слоям населения и транслировались системами образования и пропаганды. Здесь редукция события пошла еще дальше, мы встречаем тут уже не только события-факты, но и события-даты; к дате в чисто идеологических дискурсах искусственно, но далеко не всегда искусно, прикреплялась ценность. Судьба и хранимые смыслы сложного, долго и трудно формировавшегося локуса бытия заменялись и заменяются здесь до сих пор, несколькими цифрами, неким «адресом» события в изначально искусственной системе хронологических координат*.

Немецкая философия XX столетия** попыталась обратить внимание всех, на то, что что-то случилось с великим Временем, но, возможно, было уже слишком поздно. Это, однако, не мешает исследователям, в том числе, и нам, хотя бы пытаться приблизиться к подлинному образу времени «того времени», когда оно еще не было раздроблено и неподобающе упрощено агрессивными рационализациями феноменального мира.

* Здесь, по-видимому, проявилось влияние столь долго имевшей место в Европе династической формы правления, при которой день восшествия на престол или день смерти правителя действительно часто означал начало важных перемен в социуме.

** Стоит отметить, что более ранние философы – онтологи, часто проявляли по отношению этого феномена некоторое пренебрежение, так Гегель по существу вообще не включил время в свою фундаментальную триаду «бытие – небытие – становление»; его самозамкнутая панлогическая модель мира, вероятно, совсем не нуждалась в этом феномене.

Мы попытаемся представить роль феномена времени в историческом процессе, сопоставить время и процесс событийной эволюции сущего. Конечно, существует краткий и даже не лишенный некоторого изящества, правда, несколько софистического толка, ответ на интересующий нас здесь вопрос, а именно: «Время событийно, а события временны». Мы, однако, несколько сомневаемся в эвристическом потенциале этого и подобных ему «простых» ответов.

Хайдеггер, а, конечно, его, а не автора обычной, по большому счету, концепции «осевого времени», мы имели в виду, когда говорили о несомненных заслугах немецкой философии в деле возвращения к истинной проблематике времени, тем не менее, слишком близко, почти неразличимо, «свел» в своем дискурсе время личного проживания и время мирового целого. Такое сильное сближение представляется несколько неверным, характерные модальности личного времени – ожидание, страх, ужас осознания конечности индивидуального бытия – во многом, чужды миру, как целому. Для нас, в контексте данной конкретной статьи, это означает, что время Хайдеггера не годится для истории, оно попросту не способно ее вместить.

Однако одной из многих заслуг этого философа является то, что он, пусть и в несколько прямолинейном и достаточно схематическом ключе, тем не менее, сумел эксплицировать проблемы движения времени и движения сущего внутри времени своей судьбы. Напомним, у него все три темпоральные модальности сущего движутся, подталкивая друг друга, по некой первичной топографии бытия. И, хотя в такой короткий «железнодорожный состав» многомерная история человечества вряд ли поместится, на одну важную закономерность Хайдеггер указал, с нашей точки зрения, абсолютно верно – переставшее, по тем или иным причинам, быть миросоответствующим сущее «выталкивается» из горизонтов актуального бытия*. Это значит, что с частью сущего может произойти нечто такое, что сделает его дальнейшее непосредственное актуальное присутствие несовместимым с миропорядком остального бытия.

Подобная часть сущего, в нашем случае, представляет собой определенный комплекс материального и духовного, дискурсивного и результатов его реификации. Это, буквально, сложившееся со-бытие комплементарных элементов, некое относительно замкнутое, самоподдерживающееся при помощи внутренних и внешних реферативных (каузальных) связей, целое. Оно, в своем генезисе и последующем развитии, скорее всего, поглотило немалое «количество» материальной и духовной энергии мира и, хотя бы только поэтому, имеет немалую ценность. Это значит, что отказ от него, вытеснение его в прошлое, не случайность. Он, этот отказ в дальнейшем пребывании – разумеется, в парадигме рационалистического толкования бытия** – обусловлен какой-то весьма серьезной причиной.

Нам кажется, что такой причиной может быть лишь превращение того или иного комплекса сущего в кардинальное препятствие общему развитию мира. В какой-то момент та или иная целостность сущего перестает, если воспользоваться хайдеггеровско-бибихинским наречием, «временить» в такт с остальным актуальным бытием. Эта дисгармония распознается

* Мы, для краткости, пользуемся обобщенной концепцией времени М. Хайдеггера, которая, на самом деле, конечно сложнее и менялась достаточно сильно в процессе творчества философа.

** Нужно честно признать, что и в нашем подходе можно усмотреть некие панлогические интенции, так сказать, еще одно подтверждение известного тезиса Батая о «неизбежности» дискурса гегелевской философии.

механизмами культуры, и ее источник изымается, пусть и частично (об этой частичности несколько ниже), из актуального миропроцесса.

Таким образом, мы уже сейчас можем предположить, что для исторического процесса время выступает локусом целесообразного, пусть зачастую и крайне жестокого – с лично-человеческой точки зрения, депонирования не согласующегося с доминантой развития актуального бытия, сущего.

Время, та его ипостась, что инкорпорирует человеческую историю, не является примитивно-линейным, однонаправленным феноменом; это не помеченная литерой «Т» стрела из курса школьной физики. В этом времени единомоментно пребывает и только рождающиеся проекты будущего и изъятое из мирового процесса, не проявляющее более прямой актуальности, сущее прошлого. Время^{***}, благодаря своей все вмещающей «протяженности», предоставляет возможность совместного присутствия и, как мы увидим ниже, взаимодействия, всем модальностям бытия.

Совместное присутствие предполагает связь, пусть даже в форме отрицания таковой, и связь, а, вернее, связи, действительно имеют место. Третий, располагающийся в темпоральном пространстве род комплексов сущего, его актуальная модальность, в своих непрекращающихся метаморфозах постоянно соединяет прошлое и будущее. В культуре это постоянное соединение протекает в актах интерпретации и реинтерпретации, осуществляемых всегда в целях перспективного развития.

Можно даже сказать, что актуальное бытие культуры разворачивается в пространстве между двумя этими полюсами, областью бывшего, но сохраняющего важные смыслы, засвидетельствовавшего опыт чего-то перманентно важного, и областью еще только формирующихся комплексов сущего, того, чему еще предстоит сбыться. Вся протяженность времени, все его горизонты, пронизаны ретро- и перспективными связями, соединяющими все модальности сущего в единый креативный процесс развития.

Формулируя в духе несколько физикалистской стилистики известной метафоры Куайна [1], можно сказать, что эти связи конституируют «силовое поле» реального, эволюционирующего бытия сущего. Вдоль этих связей координируются все процессы затронутого феноменом рациональности и единственно доступного нашему наблюдению мира.

На время несколько изменив «оптику» рассмотрения данной проблематики, мы можем предположить, что в перспективе семиотического анализа вытесненные из активного бытия событийные комплексы сущего претерпевают обратимую символическую трансформацию. Можно, по-видимому, утверждать, что прошлое пребывает, в том числе, и в форме символических структур разной степени сложности и разного уровня организации. Первичное движение познания, что легко проверяется интроспективно, всегда направлено именно к символической ипостаси

*** Именно время, поскольку только этот феномен может быть признан универсальным атрибутом любого мироустройства; даже бытие сущего – вспомним «вопрос Шеллинга» – может быть подвергнуто сомнению. Это важное обстоятельство нашло свое отражение и в способах рационализации реальности: мы можем, произвольно наделяя сущее бытием или, наоборот, лишая его такового, конструировать самые разные «контрафактические ситуации», в то время как вечность, этот единственный значимый продукт работы мышления над феноменом времени, является, в конечном итоге, просто уходом от рефлексии о неизбежной конечности экзистенции, конструктом психологической, эмоционально-мотивационной адаптации человека.

исторического, и лишь затем, на более поздних этапах, из символов вновь продуцируются все необходимые для конкретного проекта смыслы, тут же модифицируемые культурным контекстом современности. Семиотические техники могут быть весьма полезными в работе с некоторыми специфическими видами нарративов актуального прошлого, например, с «историей» репрезентируемой контролируемой властью аудиовизуальными СМИ.

Нужно, однако, заметить, что подобные семиотические подходы к анализу феноменов прошлого, при всем богатстве «игровых» возможностей, которые они предоставляют исследователю (структура символа, его генезис, связи и взаимодействия, и так далее), редко дают что-то в серьезной, нацеленной на поиск не лишенных действительной актуальности результатов, работе. Чаще всего, сущностно те же феномены и проблемы просто приобретают иные названия. Тотальная семиотическая репрезентация прошлого может поставить под сомнение саму возможность трактовки исторического как процесса эволюции сущего. Символы, хотя некоторые их виды, как думал, например, Ч. Пирс, и нуждаются в некоем временном локусе для своей принципиально бесконечной индивидуации, сущностно атемпоральны, они не нуждаются во времени, по крайней мере, как конституирующем факторе. Меняющимся во времени является лишь их прочтение.

Таким образом, в этой парадигме всегда сохраняется опасность оказаться в итоге в весьма малопривлекательной онтогносеологической ситуации, с двумя плохо связанными друг с другом планами реального: неизменным, застывшим в символических структурах, прошлым и планом его едва ли не произвольных, никак не могущих повлиять на судьбу своего предмета как сущего, толкований. Историограф, в случае такого развития, вновь превратился бы из активного участника процессов трансформации бытия, в некоего «мудреца», пытающегося читать и толковать, на этот раз, семиотические, скрижали минувшего. Мы оказались бы в ситуации «до Ницше», если вообще не в малоинтересных пространствах профанных представлений о времени, историческом прошлом и способах их познания.

Возвращаясь к основному направлению нашего анализа, заметим, что связью частично утративших свою актуальность событийных сущностей прошлого и, находящихся еще только в процессе становления, феноменов будущего, фундируется, в конечном итоге, человеческая память и ее социальный аналог, историография. Мировой процесс эволюции сущего «не может себе позволить» полностью утратить связь с ушедшими из горизонта актуального бытия событиями.

Но прошлое, будучи однажды востребованным, не может просто вернуться в динамику настоящего, оно уже сущностно иное, по сравнению с ним. Элементы прошлого, коль скоро настоящее/будущее нуждается в них, должны быть адаптированы к новым условиям актуального мира, что непосредственно осуществляется в актах интерпретации и реинтерпретации.

Интерпретация и реинтерпретация являются, по сути, механизмами движения времени в рационалистическом, культурном бытии. Следовательно, сущее обретает качество подлинной историчности только благодаря непрерывным метаморфозам культуры, все, «что «имеет историю», пребывает во взаимосвязи становления» [2]. При этом везде, где имело место грубое вмешательство власти в этот естественный и эволюционный по своему характеру процесс, мы можем встретить дискурсивные и материальные анахронизмы, оставленные неизменными из

соображений политико-идеологической целесообразности фрагменты миров прошлого. Нужно сказать, что подобные «окаменевшие» артефакты далеко небезопасны, они вполне способны влиять на актуальное развитие общества. Что бы убедиться в этом, не нужно далеко ходить за примерами: кризис культурно-исторической идентичности, столь характерный для многих европейских стран, нездоровая эклектичность современной российской идеологии и многие другие негативные моменты и тенденции сегодняшней социокультурной ситуации генетически связаны с этим произвольно остановленным прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Quine W.V.O.** From a logical point of view. – N. Y., 1961. – P. 44.
2. **Хайдеггер М.** Бытие и время. – М., 1997. – С. 73.

S U M M A R Y

The article is an analysis of some ontological and epistemological aspects of history.

Поступила в редакцию 8.12.2004

И.В. Варивончик

От кризиса к обществу «всеобщего благоденствия»: формирование массового среднего класса в послевоенной Америке (40–60-е годы XX века)

Содержание социально-экономического развития США в первой и второй половинах XX века, в довоенный и послевоенный периоды определялось контрастными, противоположными по своей сути характеристиками. Экономический подъем 20-х гг. сменился глубочайшим экономическим кризисом 1929–1933 гг. и депрессией. По причине безработицы в период кризиса не менее 40 миллионов американцев не имели постоянных источников дохода. Несмотря на все усилия в рамках политики «нового курса» ликвидировать безработицу, преодолеть депрессию вплоть до вступления страны во Вторую мировую войну не удавалось.

С другой стороны, послевоенный период, вторая половина 40-х – 60-е гг. характеризовались практически бескризисным экономическим подъемом, небывалым ростом благосостояния американцев. С 1945 по 1970 г. число субъектов хозяйственной деятельности увеличилось в 7 раз, стоимость экспортировавшихся товаров возросла с 4 до 180 миллиардов долларов. Реальный доход американских семей увеличился в 2 раза. Безработица постоянно уменьшалась, инфляция была незначительной. Валовой национальный продукт увеличился в 2 раза.

В начале 60-х гг. производительность труда в стране была в 4 раза выше, чем в Японии, и в 2 раза выше, чем в Германии [1]. К концу 60-х гг. более 60% американских семей относили себя к среднему классу, имели доходы, позволявшие оплачивать хорошее жилье, автомобиль, товары длительного пользования, расходы на ежегодный отдых, образование детей. Было ликвидировано положение, при котором голод, нищета, невежество, болезни носили характер реальной социальной угрозы. Пределы бедности ограничивались 15–20% населения, но и в положении этой части населения произошли позитивные изменения, связанные с появлением многочисленных программ социальной помощи, которые обеспечили уровень доходов, позволявший удовлетворять основные жизненные потребности. Число бедных неуклонно сокращалось. В 40–60-е гг. в жизни американцев произошел решительный перелом, были заложены основы благосостояния на весь последующий период. Что лежало в основе разительных перемен в жизни американского общества?

В основе происходивших изменений лежали три взаимосвязанных и взаимообусловленных явления – реализация достижений научно-технической революции (НТР), рост роли государства в экономике и формирование кейнсианской модели социально-экономического регулирования, изменение

социальной структуры общества и появление массового среднего класса.

С началом Второй мировой войны американское общество вступило в период постоянных, революционных по своему характеру, экономических и социальных изменений. Важнейшей особенностью развития американского общества была реализация плодов научно-технической революции. Капиталовложения в сферу науки и образования росли быстрее, чем капиталовложения в целом. Произошла прямая интеграция науки и производства путем создания научных центров и лабораторий на производстве, посредством тесного сотрудничества вузов и предприятий. На этапе НТР наука стала частью производства и самостоятельной производительной силой. Сократилось время освоения и внедрения в жизнь новых достижений. Возникли новые средства труда: автоматизированные системы производства, промышленные роботы, станки с программным обеспечением. Это повысило производительность труда. Резко возросло использование нефти и газа, появились АЭС, что расширило возможности роста производства. Происходило расширение сырьевой базы производства (главным образом за счет химизации и внедрения пластмасс). Изобретение и внедрение ЭВМ привело к росту производительности труда и расширило возможности контроля и планирования производства. Революционные изменения произошли в сельском хозяйстве. Механизация, электрификация, химизация, широкое использование селекции привели к сокращению затрат живого труда и производству изобилия продуктов питания небольшим количеством работников. Рост производительности труда, расширение сферы управления, информационного обеспечения и образования привели к росту нематериальной сферы производства.

Комплекс всех этих изменений означал постепенный переход от экстенсивного к интенсивному типу экономического роста, то есть в основном за счет использования достижений НТР, за счет увеличения доли сложного, умственного труда, за счет совершенствования организации и управления.

Другим, связанным с НТР процессом, стало усиление роли государства и создание кейнсианской модели социально-экономического регулирования. Потребности развития НТР требовали гораздо большего, чем прежде, участия государства в организации производства и потребления, так как небывалый рост производительных сил был бы невозможен без обеспечения большей планомерности и пропорциональности их развития. На решающих направлениях НТР требовалась мобилизация финансовых, материальных, людских ресурсов в масштабах всей страны. Опыт показал, что организационным центром в освоении ЭВМ, создании реактивной авиации, АЭС, космических программ и тому подобных наукоемких проектов неизменно выступало государство. Оно же должно было позаботиться о создании соответствующей требованиям НТР системы образования и подготовки кадров. Были и другие причины. Ускорение темпов экономического развития вело к росту международной конкуренции, делало необходимым усиление роли государства в экономической деятельности. Рост крупных монополий требовал регулирования конкурентной борьбы, что выразилось в принятии соответствующих антимонопольных законов. Рост роли государства был вызван также увеличением в экономике доли использовавшего в своих целях новейшие достижения науки и техники военно-промышленного комплекса. Наконец, совершенно новую роль должно было сыграть государство в деле создания необходимых социальных амортизаторов бурно развивавшегося общества.

Объективная необходимость усиления позиций государства была реализована в 40–50-е гг. Этому способствовали опыт «нового курса» Ф.Д. Рузвельта и потребности военной экономики. К середине 1941 г. проблемы

30-х гг. – безработица, дефляция, невысокие темпы промышленного роста – ушли в прошлое, разрушительные последствия кризиса 1929–1932 гг. были окончательно преодолены. Страна вступала в период динамичного развития, результаты которого предопределили как ее положение в современном мире, так и качественные изменения в жизни самих американцев.

Ведущую роль в происходивших изменениях играло государство. Оно создавало мощные вооруженные силы, руководило военным производством, рекрутировало необходимую рабочую силу, контролировало инфляцию, планировало производство и потребление основных товаров на внутреннем рынке.

Через месяц после вступления страны в войну решением президента

Ф. Рузвельта был создан Комитет военного производства (War Production Board), призванный координировать перевод американской экономики на военные рельсы. Правительство обеспечило тесное сотрудничество с крупным бизнесом, основанное на выгодных для последнего условиях. Они предусматривали сокращение налоговой нагрузки, приостановление деятельности антитрестовских законов и щедрое государственное финансирование. С 1940 г. по сентябрь 1944 г. сумма государственных военных контрактов с частными корпорациями составила 175 миллиардов долларов. 75% этой суммы досталось 100 крупнейшим монополиям [2]. Доходы американских корпораций с 1939 г. по 1943 г. удвоились и составили 70 миллиардов долларов [3; 2, с. 79].

Расширилось государственное финансирование науки и высших учебных заведений. Наиболее ярким примером совместного проекта правительства армии и университетов стало создание ядерной бомбы. С 1942 г. необходимые исследования финансировались в Чикагском университете. Университет в Беркли стал базой для создания центра в Лос-Аламосе и реализации знаменитого Манхэттонского проекта. Активное участие в разработке радарной техники принимали ученые Массачусетского технологического института, Гарварда, Колумбийского университета. Американские университеты становились важнейшей составной частью складывавшегося военно-промышленного комплекса [2, с. 790].

С 1940 г. государственные капиталовложения в экономику в течение одного года превысили сумму всех капиталовложений в программы «нового курса».

Государственный бюджет страны вырос с 9 миллиардов долларов в 1939 г. до 100 миллиардов в 1945 г. [4]. В 1942 г. конгресс согласился с предложением президента о создании Управления ценами (Office of Price Administration), основной задачей которого была борьба с угрозой инфляции путем регулирования цен и зарплат и создание сложной системы rationирования дефицитных товаров потребительского рынка. Расширение регулятивных функций государства привело к беспрецедентному росту государственных ведомств, федерального правительства. За период войны с 1941 г. по 1945 г. расходы правительства составили 321 миллиард долларов, что было в два раза больше его расходов за все предыдущие 150 лет. Государственный долг вырос с 49 до 259 миллиардов долларов [4, с. 730]. С 1940 г. по 1945 г. число государственных служащих увеличилось с 1,1 до 3,4 миллиона человек [2, с. 791].

Вместо многолетней безработицы возник дефицит рабочей силы. 15 миллионов мужчин и женщин служили в армии. В то же время растущее производство требовало притока новых рабочих рук. Работу получили те, для кого в прошлом это было трудно разрешимой задачей – национальные меньшинства, женщины, молодежь без высшего образования. Число работающих американцев возросло на 20% [4, с. 729].

Годы войны стали благоприятны для роста и укрепления профсоюзов. Стремясь обеспечить мир в промышленности, правительство устранило препятствия на пути кооптации профсоюзами новых членов. Ему удалось добиться договоренности о 15%-ном потолке ограничения роста заработной платы и фактического отказа профсоюзов от забастовок как средства давления на правительство. В обмен на это с согласия правительства тысячи новых работников военных заводов автоматически становились членами профсоюзов. Для пресечения незаконных забастовок в 1943 г. был принят закон Смита-Конноли, вводивший тридцатидневный охлаждающий период и дававший право исполнительной власти взять в случае необходимости под свой контроль забастовавшее предприятие. С 1940 г. по 1945 г. численность профсоюзов возросла с 8,5 до 14,75 миллиона человек. Экономический бум и борьба профсоюзов приносили свои плоды. Уровень заработной платы в 1945 г. составил 135% от уровня 1940 г. С 1942 по 1945 г. банковские сбережения американцев выросли с 32,4 до 51,4 миллиарда долларов [2, с. 791].

Опыт прошлого, потребности реконверсии экономики после войны убеждали прагматически настроенные деловые круги в целесообразности усиления государства как гаранта стабильности, эффективного экономического регулятора, создателя необходимых социальных амортизаторов дальнейшего развития. Важно подчеркнуть, что создание и успешное функционирование кейнсианской модели регулирования были тесно связаны с НТР, которая обеспечила небывалый рост производительности труда и высокие темпы экономического роста. Высокие темпы экономического роста в свою очередь позволяли перераспределять часть ресурсов в сферу социальных услуг. Предприниматели, с таким трудом в прошлом шедшие на уступки требованиям о росте социальных трат, получили возможность безболезненно отдавать часть прибыли наемным работникам, рассматривая это как определенные гарантии успешного развития в будущем.

Национальный продукт США с 1945 г. по 1960 г. вырос на 250%, расходы на строительство увеличились в 9 раз, объем сферы услуг вырос в 3 раза.

В 1960 г. реальный доход американцев вырос в сравнении с 1945 г. на 35%. Результатом послевоенного экономического бума стало обретение более чем 60% американцев уровня доходов среднего класса (от 3000 до 10000 долларов), в то время как до Великой депрессии средний класс составлял лишь 31% [1, с. 112–113].

НТР создала качественно новую ситуацию на рынке труда. Ни государство, ни бизнес не могли в своей деятельности обходиться без массовой, сложной и научно-технической рабочей силы, что повлекло за собой снижение органического состава капитала корпораций, реальный рост инвестиций в подготовку кадров, рост заработной платы наемных работников. Учет вложений в человеческий капитал показывал, что к 1960 г. в таких ведущих корпорациях, как «Дженерал электрик» и «Дженерал моторз», органическое строение капитала было соответственно 1:1 и

2:1. Реальная заработная плата в обрабатывающей промышленности с 1910 по 1970 г. выросла в 8 раз [5]. Параллельно росла величина затрат на подготовку к работе молодого поколения работников. В 1972 г. средняя стоимость воспитания ребенка до 18 лет оценивалась в 35000 долларов, в 1978 – 64000, в 1982 – 80000, а в середине 1990-х гг. – 150000 долларов. Затраты на последующую учебу в университете или колледже и сопутствующие этому расходы составляли суммы в два раза большие [5, с. 13; 6]. Суть произошедшего политэкономического переворота сводилась к тому, что «годовое пополнение совокупного работника являлось главной формой завершенных капиталовложений общества,

определявшей последующую динамику его рынков сбыта и производственных возможностей, национального дохода и уровня жизни... Главным источником развития и накопления богатства общества в эпоху НТР является не прибавочная стоимость, а прежде всего огромный труд людей в семьях, школах, университетах, год за годом готовящих новое поколение работников, повышающих культуру и эффективность производства» [5, с. 15]. Иными словами в условиях НТР квалифицированная рабочая сила, представленная в основном средним классом, объективно являлась главным национальным достоянием и основным ресурсом последующего развития.

На протяжении второй половины XIX – первой половины XX века главным содержанием изменения социального состава американского общества стал постепенный рост среднего класса за счет «белых воротничков» или нового среднего класса. К 1940 г. 80% американцев зарабатывали себе на жизнь, работая на 2–3% американцев, обладавших 40–50% всей собственности. Положение входивших в эти 80% нового среднего класса, «белых воротничков», их доходы, положение в обществе, уровень, образования и квалификации определялись не обладанием собственностью, как это было со старым средним классом, а рынком труда [7].

Из трех условных социальных групп – старого среднего класса, «синих воротничков» и «белых воротничков» – число последних росло быстрее остальных. С 1870 г. по 1940 г. старый средний класс увеличился на 135%, «синие воротнички» – на 225%, «белые воротнички» – на 1600%. Новый средний класс не составлял однородную социальную группу. Его представители могли находиться на вершине или у подножия социальной лестницы американского общества. В 1940 г. управленцы, менеджеры составляли 10%, наемные специалисты, профессионалы – 25%, торговые работники – 25%, административные работники офисов 40% нового среднего класса. Наиболее многочисленными группами были школьные учителя, офисные работники, работники торговли. В целом «белые воротнички» составляли половину всего среднего класса. С 1870 г. по 1940 г. процент «белых воротничков» в составе среднего класса вырос с 15 до 56%, в то время как процент старого среднего класса сократился с 85 до 44% [7, с. 191].

В основе процесса быстрого роста сферы занятости «белых воротничков» лежали рост производительности труда на производстве, рост организационных и распределительных функций государства и бизнеса. Индустриальная революция, технологический прогресс, НТР уменьшили потребности физического труда. В условиях массового, поточного производства функции непосредственной организации и планирования осуществлялись инженерами и управленцами. Полуквалифицированные работники составляли основную массу работников конвейерного производства.

Экономия живого труда на транспорте, в торговле, коммуникациях, финансах не была столь же эффективна, как в промышленности. Ввиду этого росло число работников, занятых в сфере распределения. К 1940 г. там было занято 25% самодеятельного населения страны. Этому способствовали производства огромного вала товаров и всемирное расширение потребительского рынка, сферы маркетинга и рекламы. К 40-м годам торговля оказалась третьей по количеству занятых в ней работников сферой занятости после сельского хозяйства и промышленности. В 1940 г. 12 из 100 работавших американцев работали в торговле. При этом 41% этих работников были «белыми воротничками». Развитие финансовой сферы в направлении расширения всех видов потребительского кредита повлекло за собой еще более быстрый рост вакансий для «белых воротничков».

К тому же, в 1940 г. 70% всех занятых в торговле недвижимостью и финансовых учреждениях составляли «белые воротнички» [7, с. 195].

Важнейшей причиной роста «нового среднего класса» был рост бюрократических организационных структур в бизнесе и государстве. Во всех отраслях хозяйственной деятельности происходил рост мощных монополистических корпораций, деятельность которых в решающей степени зависела от успешной планирующей, координирующей, административной работы многочисленной армии специалистов, менеджеров, офисных работников. На производстве этому способствовали всемерное распространение и развитие массового, поточного, конвейерного производства потребительских товаров. Его специфика позволяла создать многоярусную, иерархическую систему принятия решений, которая в основных своих чертах соответствовала цели производства товара заданного качества, в определенном количестве, в данный период времени, при известных затратах труда, финансов и материалов.

К 1940 г. клерки разного уровня составляли 10–11% занятого в народном хозяйстве населения страны [7, с. 195].

Еще большее количество новых рабочих мест для нового среднего класса появлялось в связи с ростом регулятивных, координирующих функций государства. Большое государство было вызвано к жизни разнообразными причинами, в числе важнейших из которых были кризис 1929–1933 гг. и «новый курс» Ф. Рузвельта, потребности военного времени, научно-техническая революция и связанные с ней необходимость развития образования науки и образования, создание кейнсианского государства и новой системы социального обеспечения населения, рост военно-промышленного комплекса, рост роли государства в обеспечении благоприятных для американской экономики международных условий и некоторые другие. Особенно быстро росла в наибольшей степени ответственная за социально-экономическое развитие страны исполнительная ветвь власти.

Приведенные данные свидетельствовали о переходе к новому типу социальной стратификации среднего класса, в основе которой лежало не обладание собственностью, а профессиональная принадлежность. При этом суть деятельности нового среднего класса сводилась не к производству конкретного товара, а к манипулированию символами, людьми и деньгами, организации, обучению тех, кто занимался производством.

За период войны выросли доходы всех социальных групп. К концу 40-х гг. средний доход семьи «белых воротничков» составлял 4000 долларов, семьи «синих воротничков» – 3300 долларов. Разрыв в доходах между этими социальными группами сокращался [7, с. 199]. Число американцев, получавших доходы меньше 3000 долларов (в долларах 1968 г.) сократилось на половину. С 50 до 140 миллиардов возросли финансовые средства, находившиеся в распоряжении американцев и их сбережения в банках [1, с. 112].

Действительно массовый средний класс появился лишь после Второй мировой войны. В 1929 г. только 2,3% американских семей имели годовой доход больше 10000 долларов в год, 8% – больше 5000 долларов, 71% – меньше 2500 долларов, 60% – меньше 2000 долларов, 42% – меньше 1500 долларов, 21% – меньше 1000 долларов [8]. К 1950 г. положение изменилось. По данным экономического комитета конгресса, в то время как уровень цен в стране превысил уровень 1929 г. на одну треть, процент семей с уровнем доходов в 1000 долларов уменьшился на половину и составил 10,6%. Процент семей, получавших доход от 1000 до 2000 долларов, сократился с 40 до 14,5%. 20,6% американцев получали от 2000 до 3000 долларов, а 33,6% –

от 3000 до 5000 долларов в год [9]. Наконец, процент семей, имевших доходы более

5000 долларов в год, увеличился почти в 3 раза с 8% до 20,8%. При этом группа наиболее состоятельных американцев, имевших доходы больше 10000 долларов в год, увеличилась с 1948 г. незначительно с 2,3% до 2,9% в 1948 г. В то время как группа с доходами от 5000 до 10000 долларов в год, то есть группа, представлявшая наиболее состоятельную и стабильную в экономическом отношении часть среднего класса, увеличилась с 5–7 до 17,9%

[8, с. 184–186; 9]. К 1973 г. с учетом инфляции реальный средний доход американской семьи вырос в два раза. Численность среднего класса увеличилась в два раза. В этом отношении США далеко обогнали самые богатые европейские страны [10]. Число сверхбогатых семей с доходами, превышавшими

5 миллионов долларов в год, сократилось с 600 в 1929 г. до 130 в 1948 г. [9].

Прогрессивное налогообложение привело к тому, что доля национального дохода, достававшаяся 1% семей с доходами больше 516000 долларов в год сократилась с 13 до 7% [10, с. 18]. Произошло перераспределение национального дохода в пользу среднего класса и бедных слоев населения. В период с 1945 по 1970 г. разница в доходах между богатыми, бедными и средним классом оставалась сравнительно стабильной. Наименее состоятельные 20% американцев в 1950, 1960 и 1970 гг. получали 5% всех доходов. Наиболее богатые 20% – соответственно 43%, 41% и 41%. Процент доходов, которые получали оставшиеся 60% американцев, существенно не менялся, и составлял 52%, 54% и 54%. Коэффициент Джини, тем не менее, снижался.

В 1950 г. он был равен 0,379, в 1960 г. – 0,364, в 1970 – 0,353 [11–13].

Таким образом, средний класс не представлял однородную группу с точки зрения социального статуса, властных полномочий, дохода, образования и профессиональных навыков, выполняемой им социальной функции или каких-либо других показателей социальной стратификации. Новый средний класс не являлся однородным социальным слоем, его представители могли находиться как у подножия, так и на вершине социальной лестницы. С точки зрения получаемого дохода и обладания собственностью его положение было сравнимо с «синими воротничками». Социальный статус «белых воротничков» был выше, чем у «синих воротничков». Это было связано, во-первых, с высокой степенью автономности их как работников, во-вторых, с тем, что они имели более высокий уровень образования, в-третьих, они часто представляли в отношениях с другими работниками те организационные структуры, в которых они работали, обладали делегированными им властными функциями, в-четвертых, сам характер и условия их труда сближали их со старым средним классом.

Средний класс продолжал расти и в 60-е гг. Это происходило в основном в новых районах, урбанизированных штатах Юга страны, штатах Золотого пояса. 1960-е гг. также были отмечены студенческими протестами, движением за гражданские права негров, подъемом антивоенного движения, сексуальной революцией. Тема среднего класса перестала быть модной. Жизнь в пригородах подвергалась критике со стороны активистов всех массовых движений протеста. Но сам средний класс продолжал расти и богатеть. Конец этому был положен порожденной вьетнамской войной инфляцией, ростом цен на нефть и экономическим кризисом середины 70-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Chafe W.H.** The Unfinished Journey. America Since World War II. – N. Y., 1999. – P. 445.

2. **Norton M., Katzman D., Escott P., Chudacoff H., Paterson Th., Tuttle W.** A People and a Nation. A History of the United States. – Boston, 1999. – P. 790.
3. **Historical Statistics of the United States.** Colonial Times to 1957. – Washington, 1960. – P. 580.
4. **Brinkley A.** The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. – N. Y., 1993. – P. 729.
6. **Васильчук Ю.** «Дорогой человек» эпохи НТР // Мировая экономика и международные отношения, 1991, № 11. – С. 9, 13.
7. **Lind M.** Expenditures on Children by Families. 1997 Annual Report, U.S. Department of Agriculture, Center for Nutrition Policy and Promotion. – Washington, 1998. – P. 1528–1997.
8. **Mills W.C.** White Collar: The American Middle Classes. – N. Y., 1951. – P. 190.
9. **Allen F.** The Big Change: 1900–1950. – N. Y., 1961. – P. 127.
10. **The New Rich** // Fortune, January, 1952. – P. 62.
11. **Philips K.** Boiling Point. Republicans, Democrats and the Decline of Middle Class Prosperity. – N. Y., 1993. – P. 15.
12. **Beeghly L.** The Structure of Social Stratification in the United States. – Boston, 2000. – P. 187.
14. **U.S. Bureau of Census.** 1995 Annual Report, p. xii. – Washington D.C., 1995. – P. xxi.
15. **U.S. Bureau of Census.** 1998 Annual Report, p. xvii – Washington D.C., 1998. – P. xvii.

S U M M A R Y

The article is devoted to the main trends of social developments in American society in the 40's and 60's. Diverse factors that played decisive role in the formation of contemporary America – technological revolution, Keynesian state and the emergence of mass middle classes are tackled and discussed.

Поступила в редакцию 22.04.2004

Т.В. Буевич

История создания партархивов обкомов КПБ и источники их комплектования

Наряду с государственными архивами в Государственной архивной службе (ГАС) СССР существовал ряд ведомственных архивов (например, Архив Министерства иностранных дел СССР, Всесоюзный геологический фонд СССР и др.), осуществлявших постоянное хранение документов. Они являлись составной частью Государственного архивного фонда (ГАФ) СССР и действовали на основе нормативно-методической базы, разрабатываемой как отраслевыми министерствами, так и Главным архивным управлением (ГАУ) при Совете Министров СССР [1–3]. Документальные материалы, возникавшие в деятельности КПСС и ВЛКСМ, в том числе и документы КПБ и ЛКСМБ, в состав ГАФ СССР не входили. Их совокупность составляла Архивный фонд КПСС. Они передавались на хранение не в государственные, а в партийные архивы, научно-методическое руководство которыми осуществлял Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ^{*}) при ЦК КПСС по согласованию с секретным отделом (впоследствии – Общим отделом) ЦК КПСС. В 1992 г. партийные документы были включены в состав Национального архивного фонда Республики Беларусь.

Целью данной работы является, с одной стороны, изучение нормативно-методической базы, разрабатывавшейся ИМЛ, а с другой – применение ее положений в деятельности партархивов. Автор анализирует документы, отражающие практику их работы (отчеты, планы, переписку). Данные документы отложились как в фондах самих партархивов обкомов КПБ, так и в фонде ЦПА, хранящемся сегодня в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также в фонде Партархива ЦК КПБ, вошедшем в состав Национального архива Республики Беларусь. Такой анализ позволяет выявить общие подходы в определении источников комплектования^{**} партархивов и эволюцию критериев определения научной ценности документов КПБ, принимавшихся на постоянное хранение. Владение этой информацией позволит исследователям более целенаправленно осуществить поиск архивных источников.

* В декабре 1920 г. ЦК РКП(б) принял постановление о создании музея марксизма, который 11 января 1921 г. был преобразован в Институт Маркса-Энгельса при Социалистической Академии как автономное учреждение. 31 марта 1923 г. было принято решение о создании в Москве при Московском Комитете РКП(б) Института Ленина.

В октябре 1923 г. по Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) он перешел в ведение ЦК партии на правах отдела. В 1928 г. Институт Ленина и Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Всероссийской коммунистической партии (большевиков) (Истпарта) при ЦК ВКП(б), слились в одно учреждение – Институт Ленина при ЦК ВКП(б), а в 1931 г. Институт Маркса-Энгельса и Институт Ленина были преобразованы в Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Впоследствии он был переименован в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ).

** Источниками комплектования архивов называется круг организаций и комитетов, которые должны сдавать свои материалы на хранение в архив.

Начало созданию Архивного фонда КПСС было положено 28 июня 1929 г., когда ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о Едином партийном архиве ВКП(б)» (ЕПА), где было сказано, что в состав ЕПА входят все утратившие значение для текущей работы документы партийных и комсомольских организаций, фракций, советских, профсоюзных и др. учреждений и организаций, а также контрольных комиссий. После принятия Положения о ЕПА (1929 г.) все материалы, касающиеся деятельности партии, стали изыматься из госархивов, поскольку объявлялись собственностью ВКП(б). С этого момента госархивы не должны были принимать партийные документы на хранение. Использование их в любых целях без согласия соответствующего парткомитета запрещалось. Доступ к партийным документам не членов ВКП(б) стал не возможен [4–6].

Для концентрации и хранения документов ЕПА, а также создания единой системы их учета при ЦК ВКП(б) одновременно с созданием ЕПА в 1929 г. был образован Центральный партийный архив (ЦПА) и его филиалы при ЦК компартий союзных республик (в частности – при ЦК КП(б)Б), которые представляли собой единую систему [7; 6, Оп. 1. Д. 2. Л. 4]. Партархивы определялись как научно-исследовательские учреждения партии, формировавшие источниковую базу для изучения ее истории [7, Ф. 4-п. Оп. 94. Д. 321а. Л. 136, 309; Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 56. Л. 22; Д. 332. Л. 282; Д. 455. Л. 107–108].

Проводившиеся в 1934 г. проверки Центральными Комитетами ВКП(б) и КП(б)Б работы с документами в районных и городских партийных организациях констатировали, что правила хранения и работы с ними в большинстве организаций КП(б)Б не соблюдаются, что приводило к утрате большого количества документальных материалов и их гибели [8; 6, Ф. 71. Оп. 1. Д. 232. Л. 63–65;

7, Ф. 4-п. Оп. 3. Д. 171. Л. 92].

В 1935–1938 гг. проблемы работы текущих (ведомственных) архивов* и состояние делопроизводства в парткомитетах и первичных парторганизациях анализировались как в ЦК ВКП(б), так и среди работников партархивов

[6, Ф. 71. Оп. 1. Д. 232. Л. 3–16, 28–29, 55–56; 7, Ф. 4-п. Оп. 21. Д. 1595. Л. 5].

В результате на прошедшем 19–23 июня 1939 г. совещании зав. партархивами был поднят вопрос о том, что партархивы должны стать составной частью комитетов партии [6, Ф. 71. Оп. 6. Д. 2. Л. 2–7, 17–47]. Итоги совещания были рассмотрены в ЦК ВКП(б), и в результате 2 декабря 1939 г. было принято постановление о подчинении партийных архивов местным партийным органам [9; 6, Ф. 71. Оп. 6. Д. 2. Л. 30]. В соответствии с ним 3 марта 1940 г. ЦК КП(б)Б обязал Минский, Витебский, Гомельский, Могилевский, Полесский обкомы партии до 15 марта 1940 г. организовать партархивы обкомов КП(б)Б

[7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 50. Л. 6]. Основная задача созданных архивов заключалась в обеспечении сохранности документов областных парторганизаций. Контроль за их работой был возложен на Партархив ЦК КП(б)Б, научно-методическое руководство осуществлял ИМЛ [6, Ф. 71. Оп. 6. Д. 2. Л. 29].

Структура партархивов КПСС, окончательно сложившаяся в 1940 г., оставалась неизменной до 1991 г. Она состояла из ЦПА при ИМЛ, Партархивов ЦК компартий союзных республик (в частности, Партархива ЦК

* Имеются в виду архивы, создававшиеся в райкомах, горкомах и обкомах партии и хранившие документы после окончания их в делопроизводстве и до передачи на постоянное хранение в партархив обкома КПБ.

КПБ), а в краевых и областных парторганизациях действовали партархивы крайкомов и обкомов партии. На территории Беларуси действовали партархивы обкомов КПБ, находившиеся в ведении областных комитетов партии. На момент их образования партийные комитеты всех уровней обязывались до 1 мая 1940 г. сдать на хранение в Партархив при ЦК КП(б)Б все документы, возникшие в деятельности городских и районных парторганизаций до 1936 г. Материалы же, появившиеся после 1936 г., передавались в партархивы обкомов КПБ. При передаче документов райкомов и горкомов партии для постоянного хранения в партархивы одновременно должны были сдаваться и материалы первичных парторганизаций данного района или города [10; 6, Ф. 71. Оп. 6.

Д. 2. Л. 30; 7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 417. Л. 1]. Передача на хранение документов областных организаций КПБ* в партархивы была приостановлена в связи с началом Великой Отечественной войны и возобновлена после 1947 г. [11; 7, Ф. 4-п. Оп. 61. Д. 449. Л. 20–21; Ф. 511-п. Оп. 5. Д. 45. Л. 4; 8, Ф. 520-п. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. К этому времени партийные архивы были объявлены составной частью системы идеологических учреждений ВКП(б) [6, Ф. 71. Оп. 5. Д. 310.

Л. 2; 7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 331. Л. 126].

Особенностью функционирования областных партархивов на территории БССР в сравнении, например, с партархивами обкомов ВКП(б), действовавшими в РСФСР, являлось правило, в соответствии с которым документы и материалы областных партархивов, партийных и комсомольских организаций Беларуси, существовавших до Великой Отечественной войны, были сконцентрированы в Партархиве ЦК КП(б)Б во время эвакуации в 1941 году (первоначально по 1935 г., а позднее – по 1941 г.) [10, Ф. 4322. Оп. 2. Д. 5. Л. 48–51; 11,

Ф. 2270-п. Оп. 1. Д. 232. Л. 1]. Практика деления фондов на две самостоятельные части, хранящиеся в разных архивах, не нашла отражения ни в одном нормативно-методическом документе. Согласно Постановлению Секретариата ЦК КПБ от 4 февраля 1982 г. документы довоенного периода были возвращены в состав местных партархивов. При этом документы ликвидированных на момент передачи губернских, окружных и областных парторганизаций передавались в партархивы, сосредотачивавшие материалы областных парторганизаций, на территориях которых они действовали в период своего существования. Если ликвидированная парторганизация распространяла свою деятельность на несколько существовавших областей, то документы входивших в ее состав и продолжавших действовать районных и городских парторганизаций передавали в партархив обкома КПБ, под руководством которого они стали функционировать. Чаще всего, фонды ликвидированных обкомов партии передавались в партархив того обкома КПБ, который контролировал деятельность большинства районных или городских парторганизаций. Были и исключения. Например, фонд Молодечненского обкома КПБ был передан в партархив Минского обкома партии, а материалы практически всех районных и городских парторганизаций бывшей Молодечненской областной организации КПБ переданы в партархив Витебского обкома партии.

Документы и материалы подпольных, комсомольских и антифашистских организаций, партизанских отрядов и бригад, действовавших на территории

* Областные организации КПБ объединяли в своем составе городские и районные парторганизации, действовавшие в пределах области. На территории Беларуси существовали с 1938 по 1991 г.

Беларуси в 1941–1944 гг., также поступили на хранение в Партархив ЦК КП(б)Б согласно его решению от 11 сентября 1945 года [7, Ф. 4-п. Оп. 61.

Д. 197. Л. 23; Оп. 144. Д. 138. Л. 6].

Первоначально в нормативно-методических документах, разрабатываемых ИМЛ в 1920-е гг., перечислялись только виды партийных документов, подлежащих постоянному хранению (протоколы, стенограммы, ведомости и т.д.). В период организации партархивов при обкомах партии появилась инструкция «О постановке областных партийных архивов БССР» от 26 февраля 1940 г. В ней было подчеркнуто, что партархивы комплектуются материалами всех партийных и комсомольских организаций и фракций, за исключением политотделов воинских частей.

До 1953 г. вопрос о хранении документов первичных организаций МГБ и МВД должен был решаться совместно с местными управлениями данных органов [10, Ф. 4322. Оп. 1. Д. 11. Л. 56; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; Д. 10. Л. 4]. Партийные архивы не должны были требовать сдачи их материалов в партархив [7, Ф. 511-п. Оп. 7. Д. 37. Л. 46; Д. 35. Л. 16; 11, Ф. 2270-п. Оп. 1. Д. 226. Л. 2]. Но в соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПБ от 22 января 1954 г. данные организации уже в обязательном порядке стали передавать свои материалы в областные партархивы [7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 35. Л. 6; 10,

Ф. 2070. Оп. 7. Д. 1. Л. 23]. При этом документы, возникшие до 1941 г., передавались в Партархив ЦК КПБ [10, Ф. 2070. Оп. 8. Д. 1. Л. 2]. Это правило с 1963 г. стало распространяться и на первичные парторганизации КПБ. Их предлагалось хранить при тех условиях, которые обеспечивали сохранность и доступ к материалам с грифом «совершенно секретно» [7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 275. Л. 4]. В марте 1991 г. было разрешено передать их на хранение в архивы КПБ [9, Ф. 89. Перечень № 4. Д. 21. Л. 2]. Политотделы, созданные на железнодорожном транспорте, первоначально также сдавали свои материалы не в партархивы, а в архивы управлений (отделений) железных дорог. Однако, с 1952 г. данные политотделы были приравнены к райкомам партии и в период с 1952 по 1956 г. в соответствии с указанием ИМЛ их документы были приняты в партархивы [10, Ф. 2070. Оп. 8. Д. 1. Л. 11; Оп. 2. Д. 1. Л. 16, 17]. Самостоятельные архивные фонды должны были составлять документы партийных комитетов, функционировавших в период существования КПБ по производственному принципу в 1962–1964 гг. Интересен тот факт, что в госархивы предлагалось передавать материалы, например, Частей особого назначения (ЧОН), действовавших в 1920-х гг. Однако часть из них попала в партархивы. То же самое касается материалов органов партийно-государственного контроля. Подлежали приему в партархивы и документы, возникавшие в деятельности редакций и издательств. В первое послевоенное десятилетие было решено, что совместные партийно-советские печатные издания подлежат приему не в партийные, а в государственные архивы. С 17 ноября 1956 г. партархивы обкомов КПБ начали комплектоваться газетами, являвшимися совместными печатными органами облисполкомов и обкомов партии.

Реорганизации административно-территориального деления в 1940-х – начале 1960-х гг. и, соответственно, появление большого количества ликвидируемых областных парторганизаций (например, в рамках КПБ в 1940–

1964 гг. их было 7) вызвали необходимость уточнения места хранения архивных материалов КПБ. Так, в «Основных положениях о составе документов партийных архивов областей, краев, автономных республик, институтов истории партии – филиалов ИМЛ при ЦК КПСС и правилах

определения архивного фонда», появившихся в 1963 г., уточнялось, что в партархивах обкомов КПБ хранятся архивные документальные материалы партийных и комсомольских органов, учреждений и организаций, действовавших и действующих на территории данной области в пределах последних административно-территориальных границ [12; 7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 280. Л. 30, 52, 53].

В системе госархивов существует деление фондов на категории (1-ю, 2-ю и 3-ю). Категория фондов определяется его информативностью, т.е. содержанием в фонде информации, создающей возможность использовать данный фонд в большем или меньшем количестве направлений, с большей или меньшей интенсивностью. В системе партархивов такое деление не применялось. Фонды в партархивах делились на фонды парткомитетов (обкомов, горкомов и райкомов КПБ) и первичных организаций КПБ. Фонды парткомитетов именовались «основными фондами». Они в первую очередь подлежали учету, описанию и научно-технической обработке. На них были заведены все необходимые учетные документы и научно-справочный аппарат, проходили каталогизацию. На документы же первичных партийных организаций составлялись только описи дел.

До 1959 г. документы (независимо от их количества) каждой первичной организации КПБ образовывали самостоятельный фонд. Включать их в опись райкома или горкома партии не разрешалось [7, Ф. 511-п. Оп. 7. Д. 24. Л. 72; Оп. 8. Д. 12. Л. 8; Д. 56. Л. 19; Д. 331. Л. 93; Д. 332. Л. 144–150]. Исключение составляли документы первичных организаций, существовавших менее года.

В первой половине 1960-х гг. в системе партийных архивов произошли серьезные изменения в принципах определения источников комплектования. Правда, они затронули только первичные парторганизации. В основе данных изменений лежали наблюдения архивистов о том, что исследователи, работавшие в читальных залах партархивов, редко запрашивали для работы документы малочисленных первичных партийных организаций, поскольку в большинстве случаев на хранение оставлялись протоколы и ведомости об уплате членских взносов. Практическое значение в них могла иметь информация по вопросам приема в партию и рассмотрению персональных дел. Но для партийной работы необходимы были только сведения, которые были утверждены вышестоящим парторганом, а значит данная информация дублировалась в протоколах райкомов (горкомов) партии, а также в делах по приему в члены партии, персональных делах коммунистов. Ведомости же в

1960-х гг. вообще стали подлежать уничтожению [13]. Следует отметить, что похожие процессы имели место и в областных госархивах. До ноября 1959 г. они хранили материалы большинства учреждений, организаций и предприятий. Затем Научный Совет ГАУ рекомендовал не принимать в государственные архивы как не имеющие научного значения документы небольших предприятий. В ходе выполнения рекомендаций научного совета были уничтожены фонды артелей, кооперативов, заготовительных контор и т.д.

В системе партархивов в решении данного вопроса можно выделить несколько этапов. Первоначально пересмотрели принципы определения фондовой принадлежности: документы малочисленных первичных организаций стали в обязательном порядке включаться в состав фонда соответствующего райкома КПБ [10, Ф. 2070. Оп. 10. Д. 1. Л. 48–49]. Затем сотрудникам партархивов вообще было рекомендовано проанализировать возможность отказа от приема на хранение документов малочисленных первичных парторганизаций

[7, Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 272. Л. 64-65; Д. 275. Л. 14; 10, Ф. 2070-п. Оп. 12. Д. 6. Л. 2]. Окончательно же данный вопрос был решен в 1965 г., когда ИМЛ принял решение о том, что партархивы будут принимать на хранение документы только крупных первичных парторганizations [14]. Основной упор при этом предлагалось делать на то, что предпочтение должно отдаваться тем организациям, которые образовывались на предприятиях, т.к. определяющим фактором развития советского общества считалось производство материальных благ. Приему в партархивы были рекомендованы и документы наиболее крупных первичных парторганizations, организовавшихся в органах госвласти и управления, а также в учреждениях науки, культуры, торговли, здравоохранения, образования.

В результате резко сократилось число первичных организаций КПБ – источников комплектования партархивов. Так, например, партархив Гродненского обкома КПБ стал принимать документы от 1178 первичных организаций КПБ (из 1718, действовавших в составе областной организации), Могилевского – 1074 (из 1275), Гомельского – 737 (из 1695) и т.д. [10, Ф. 2070. Оп. 12.

Д. 6. Л. 79]. Ранее принятые на хранение документы малочисленных первичных парторганizations уничтожались полностью. С 1965 г. и до начала

1980-х гг. их документы, после окончания в делопроизводстве, хранились в течение 5 лет в текущих (ведомственных) архивах соответствующих партийных комитетов, а затем уничтожались. В 1980-е гг. и этот порядок был отменен. Документы хранились в самих первичных организациях до уничтожения. Для первичных организаций КПБ, избиравшие парткомы

(т.е. объединявших большое количество коммунистов), сохранялся прежний (обязательный) порядок передачи документов на постоянное хранение в партархивы обкомов партии.

Таким образом, в период создания Архивного фонда КПСС (1929–1940 гг.) и формирования системы партархивов постоянному хранению подлежали все документы, образовывавшиеся в деятельности парторганizations. В то же время в ГАС уже в 1920-е гг. стала широко внедряться экспертиза ценности и разрабатываться нормативно-методическая база ее проведения. Скорее всего, требования к обеспечению сохранности всего комплекса партийных документов были связаны, во-первых, с наличием ограниченного количества первичных организаций КП(б)Б; во-вторых, с низким уровнем ведения делопроизводства в парткомитетах и отсутствием должного внимания к учету документов, что приводило в конечном итоге к формированию небольшого комплекса партийных документов той или иной организации (комитета). Документы отражали в большинстве своем деятельность парторганizations по реализации основных направлений развития общепартийной жизни.

В 1938–1940 гг., когда практически на каждом предприятии, в учреждении и в организации действовали первичные парторганizations, а руководство не только политической, но и хозяйственной деятельностью переходит к партийным комитетам КП(б)Б, речь идет уже не о составе документов, а об источниках комплектования партархивов. Интерес стали представлять не только материалы деятельности партийной организации, но и информация о деятельности государственных и производственных структур. Место парткомитета в общей структуре организации определяло и состав его документов. Так, в деятельности бюро первичной организации КПБ откладывались документы, отражавшие не только ее деятельность, но и работу учреждения, предприятия и организации, в которой она действовала. В фондах комитетов КПБ откладывались комплексы документов,

содержащих, наряду со сведениями о деятельности первичных парторганизаций, данные о функционировании госучреждений, общественных организаций и промышленных предприятий. Партия по-прежнему была заинтересована в сохранности наиболее полного комплекса документальных материалов, т.к. это помогало обеспечивать контроль за развитием региона в целом.

Такое положение вещей существовало до 1965 г. Затем из источников комплектования были выведены малочисленные первичные организации. Причиной изменения в подходах к определению источников комплектования партархивов называлась неостребованность документов данных фондов в научной и справочной работе. С другой стороны, именно в 1965 г. окончательно были выработаны подходы в проведении экспертизы ценности партийных документов, которые ставили своей целью формирование состава документов, отражающего историю именно партии, а не того или иного региона. Кроме того, к этому периоду повышается уровень ведения делопроизводства, что способствует созданию достаточно большого количества высоко информативных документов, включающих в себя сведения, поступающих в парткомитеты извне. Организационное оформление текущих (ведомственных) архивов и регулярная передача материалов организаций всех уровней на постоянное хранение практически исключали утрату партийных документальных материалов. Все это позволяло осуществлять комплектование

партархивов комплексами документов, меньшими по объему, но полноценными и важными для партийно-исследовательской и справочной работы. Вслед за этим ограничивается и количество партийных организаций, документы которых подлежали постоянному хранению. В партархивы начинают приниматься документы, в деятельности которых создаются наиболее значимые по своему содержанию комплексы документов.

Таким образом, работая с партдокументами, следует иметь в виду, что они раскрывают в первую очередь историю той или иной партийной организации и характеризуют ее деятельность по реализации поставленных перед ней задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР.* – М., 1942. – С. 9–11.
2. *Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР.* – М., 1958. – С. 4–15.
3. *Положение о Государственном архивном фонде СССР.* – М., 1980. – С. 1–14.
4. *Положение об архивном фонде КПСС // Основные правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии и филиалов ИМЛ при ЦК КПСС.* – М., 1970. – С. 12–13.
5. *РСФСР*, 1938. – С. 7.
6. *Российский государственный архив социально-политической истории.* Ф. 71. Оп. 5. Д. 66. Л. 18 (об).
7. *Национальный архив Республики Беларусь.* Ф. 4-п. Оп. 40. Д. 59. Л. 37-39;
8. Ф. 511-п. Оп. 8. Д. 417. Л. 1.
9. *Учреждение «Государственный архив Витебской области».* Ф. 1-п. Оп. 1 а. Д. 91. Л. 3, 6–15, 33–34; Д. 46. Л. 97.
10. *Российский государственный архив новейшей истории.* Ф. 5. Оп. 26.
11. Д. 52. Л. 58.
12. *Государственный архив общественных объединений Гомельской области.* Ф. 2070. Оп. 1а. Д. 5. Л. 11; Д. 7. Л. 1–12.
13. *Государственный архив Минской области.* Ф. 4632-п. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

14. *Основные положения о составе документов партийных архивов областей, краев, автономных республик, институтов истории партии – филиалов ИМЛ при ЦК КПСС и правилах определения архивного фонда.* – М., 1963. – С. 3.
15. *Научно-методическое учреждение «Государственный архив общественных объединений Гродненской области».* Ф. 6126. Оп. 7. Д. 20. Л. 72.
16. *Перечень документальных материалов партийных органов и первичных организаций, подлежащих хранению в партийных архивах.* – М., 1965. – С. 2.

S U M M A R Y

The approaches to defining the ways of structuring the Communist Party archives changed in the period of 1929–1965. They developed through different stages, beginning with the stage when the documents of all Communist party organisations were subjected to storage until the stage, when the Communist Party Archives were accepted only from those Party organisation, which create the most important document complexes in their activities.

Поступила в редакцию 6.06.2005

Т.П. Иванова

Органы управления и периодическая печать Витебской губернии в 1917–1924 гг.

Во все периоды истории XX века средства массовой информации, так называемой «четвертой власти», придавалось особое значение. Это относится и к периоду установления и укрепления большевистской власти.

Вопрос о печати Витебщины в названный период рассматривался, в частности, в рамках региональной конференции «Письменства і друк на Віцебшчы-не: гісторыя і сучаснасць», проходившей 15–16 октября 1996 г. Прежде всего следует отметить статью В.В. Акуновича «Перыядычны друк Віцебска на пераломе часу: 1917». Здесь рассматривается периодика «года великих потрясений, бурного политического всплеска»; отмечается, что в 1917 г. в Витебске действовало более 20 политических партий и групп, и практически каждая была представлена своими печатными изданиями; указывается время существования и дается характеристика этим изданиям. Статья В.А. Космача посвящена прессе Витебщины о Германии и советско-германских отношениях в 1919–1932 гг. Р.В. Тимофеев исследует периодическую печать Витебщины как источник в изучении торговли Беларуси периода нэпа. М.В. Гудов избрал объектом своего исследования листовки «Народного союза спасения Родины и свободы», распространяемые в Полоцком уезде весной 1921 г. Е.С. Лученкова рассматривает деятельность потребительской кооперации Беларуси в 20-е годы на страницах периодической печати. Она отмечает, что в 20-е гг. в печати широко обсуждались проблемы кооперативной жизни. Потребительские общества на свои деньги выписывали газеты и журналы для изб-читален и красных уголков. В частности, Витебский союз потребителей выписал

12 наименований периодических изданий. Наибольшей популярностью среди членов кооператива пользовались газеты «Кооперативный путь», «Белорусский кооператор» и «Кооперативный листок». Причем, в случае отсутствия необходимых денежных средств на периодические издания можно было подписаться на зерно [1].

Представляют интерес и материалы разных лет, опубликованные в периодической печати. Это статьи И. Хазеева «Узнікненне рабочага друку ў Віцебску», К. Колосова «Першы рэдактар», А. Чанчина «Насценгазеты РОСТА ў Віцебску», О. Рыбаковой «Витебская пресса на срезе времени» и др.

Репрессивному характеру декрета о печати, подписанному В. Лениным

27 октября (9 ноября) 1917 г., посвящена статья Е. Тепловой «Временно на 74 года... и далее?». Здесь также отмечается, что основная волна репрессий против широкого фронта печатных изданий прокатилась в 1917–1918 гг. и особое рвение проявляли местные органы власти. Ими было запрещено подавляющее большинство газет. Декретами же ВЦИК и СНК в 1917–1920 гг. было закрыто всего 7 печатных изданий. Но какова сила примера! [2].

В предлагаемой статье рассматривается деятельность печатных органов в контексте деятельности местных властей Витебской губернии в 1917–1924 гг.

Использование документов Госархива Витебской области позволяет ввести в научный оборот новые исторические факты и использовать иные ракурсы для рассмотрения данной проблемы.

Центральные власти уделяли особое внимание идеологической поддержке советской власти на местах. В первые дни после октябрьского переворота большевистские газеты, листовки и политическая литература распространялись бесплатно. В начале ноября 1918 г. в Витебской губернии работало

80 агитаторов-организаторов. Телеграммой из Москвы от 10 декабря 1918 г. предлагалось в двухнедельный срок на местах создать «аппарат информации», «используя циркуляры, листовки, местный печатный орган (печатание обязательных постановлений), издание информационных бюллетеней, выработать план широкого оповещения населения и толкования всех декретов и распоряжений» [3].

Рупором новой власти на Витебщине стала с 29 октября 1917 года газета «Известия военно-революционного комитета г. Витебска», с ноября 1917 г. – «Известия Витебского революционного совета солдатских и рабочих депутатов». В этом же 1917 г. она меняет название на «Известия Витебского Совета рабочих и солдатских депутатов» и, по сути, является главным официальным печатным органом Витебщины. С 1918 г. эта же газета именовалась «Известия Витебского губернского комитета РКП(б) и губернского исполкома», в годы гражданской войны – «Известия Витебского военно-революционного комитета», с апреля 1924 г. – «Известия Витебского уездно-городского комитета КП(б) и угорисполкома», с августа 1924 г. – «Известия Витебского окружного комитета КП(б) и окрисполкома, с декабря 1924 г. – «Заря Запада» [3, Ф. 1947. Оп. 1. Д. 19. Лл. 96, 170]. За 1917–1924 гг. газета девять раз меняла свое название и была широко известна на Витебщине как «Витебские известия».

Первым редактором газеты был В.П. Грабеник, тираж «Витебских известий» в это время составлял 13 тыс. экземпляров. Редакция располагалась по адресу: Витебск, ул. Смоленская, 27. Газета выходила 2 раза в неделю. Подписка на месяц стоила 20 руб., на 2 месяца – 35 руб. В штате Витебской губернской типографии и редакции газеты «Известия» были регистратор, типограф, конторщик, хроникер, экспедитор, помощник экспедитора, фальсовщик и 6 курьеров [3, Ф. 7. Оп. 1. Д. 500. Л. 2; Ф. 1821. Оп. 1. Д. 295. Л. 11].

На данный печатный орган, равно как и на другие большевистские газеты, существовала разнарядка по распределению. Приказом № 12 от 3 апреля 1919 г. по Витебскому агентству по снабжению и распространению печати был установлен минимум периодических изданий, обязательный для продажи всеми витебскими газетчиками, а именно: «Витебских известий» – 100 номеров, «Известий ЦИК» – 86, газет «Правда Московская» – 30, «Правда Петроградская» – 30, «Беднота» – 10, «Коммунар» – 15, «Северная коммуна» – 30, «Красная газета» – 15, всего не менее 250 экземпляров в месяц. Примечание к приказу гласило, что газетчики, не продающие указанный минимум, считаются неспособными и немедленно увольняются от занимаемой должности. В Витебске газеты распространялись 18 газетчиками и «сиделицами» 16 киосков [3, Ф. 56. Оп. 6. Д. 41.

Л. 122; Ф. 1821. Оп. 1. Д. 317. Л. 4 об.].

Распространялись также газеты «Жизнь национальностей», «Труд», «Экономическая жизнь», «Коммунист», «Профсоюзное движение», «Гудки», «Красный балтийский флот», «К оружию», «Исполком учащихся», «Вечерняя», «Власть Советов». «Власть Советов» – периодическое издание Наркомата внутренних дел, в котором печатались постановления съездов

Советов, различные инструкции и комментарии к ним по вопросам государственного строительства. В 1919 г. распространялась газета «Дерштерн» – орган Витебского губернского партийного комитета и еврейской коммунистической секции. Губернский информационный отдел получал в обмен на витебские издания газеты из 35 городов.

Но это разнообразие прессы не было подобным широкому спектру изданий 1917 года. Печатных изданий, альтернативных советским государственным изданиям, к 1919 году уже практически не существовало. Вслед за буржуазными были закрыты все небольшевистские газеты. Идеологические штампы препятствовали демократическому развитию прессы.

Центральные и местные власти уделяли значительное внимание изданию газет и в уездных центрах. Так, осенью 1919 г. только на издание «Известий Ревкома» в Полоцке израсходовано 90 тыс. руб. Газета «Известия» Полоцкого уездного совета печаталась по адресу: Полоцк, ул. К. Маркса, 8 и выходила ежедневно по понедельникам (цена 1 номера газеты составляла 40 коп., подписка – 8 руб. в месяц). Здесь печатались сводки с фронтов, новости из городов Советской России и из-за границы (которые носили явно тенденциозный характер), уездные события. Подобного содержания придерживалась и газета «Известия» Лепельского уездного совета [3, Ф. 2262. Оп. 1. Д. 10.

Л. 784; Ф. 1821. Оп. 1. Д. 349. Лл. 8–22 об.]. В Сенно издавалась газета «Факел», в Орше – «Набат».

При информационном отделе Витебского губернского агентства по распространению печати с 12 июня 1919 г. начало функционировать губернское бюро Роста. В его задачу входило широкое освещение для центра работы местных советских учреждений. Ежедневная газета Роста разносилась по всем фабрикам и заводам города. Архивные документы донесли до наших дней фамилии первых наборщиков этой газеты, издававшейся во 2-ой государственной типографии г. Витебска по улице Смоленской: Бабушкин, Самович, Микушкин, Яункольн. В уездных городах Витебской губернии издавались еженедельные официальные листки – издания отделений РОСТА.

Согласно телеграмме Наркомата внутренних дел Витебский губернский отдел распространения печати был организован 16 октября 1918 г. Первым заведующим отдела был назначен Цветков (затем Треболев). В январе

1919 г. отдел был преобразован в губернское агентство в связи с декретом ЦИК об организации Центрального агентства по снабжению и распространению произведений печати.

Агентство по снабжению и распространению печати располагалось в Витебске по Консistorской набережной. При нем существовали должности журналистки, хроникера, архивариуса, курьера. Заведующими были М. Левинтов, И. Шейкман, Бодрицкая. Отделения агентства были созданы в 9 уездах и 151 волости Витебской губернии. Согласно предписанию губисполкома агентство сформировало 100 волостных библиотек, на что было ассигновано 150000 руб.

Губагентство состояло из следующих отделов: общего, отдела снабжения, счетно-хозяйственного и информационного отделов. Книжные склады и издательская деятельность были в ведении общего отдела. Отдел снабжения, или «экспедиция», решал вопросы доставки газетной продукции. Задачей информационного отдела являлось всестороннее освещение жизни губернии. Деятельность отдела распадалась на: 1) непосредственно связанную с распространением печати; 2) общеполитическую. Отдел имел несколько

подотделов, в том числе статистический и бюро вырезок. В целях быстрой доставки газет в уезды была организована «ночная экспедиция», работавшая с 1 часа ночи до 9 часов утра. Что же касается снабжения газетами фабрик и заводов Витебска, то город был разделен на 4 района, и в каждый из них агентство направляло своего сотрудника. Распространители газет исходили из следующего принципа: на 3 рабочих должна была приходиться 1 газета. Представитель агитационного поезда «Октябрьская революция» Новицкий посетил Витебское губагентство и приобрел все местные издания с начала 1919 года; представитель губагентства закупил в поезде литературы на 33000 рублей [3, Ф. 56. Оп. 6. Д. 41. Лл. 92, 301, 440, 226, 758. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 317. Лл. 4, 4 об., 11 об., 18, 22].

Бумажные фабрики в 1919 г. остро испытывали недостаток сырья, и отдел утилизации ВСНХ рекомендовал местным органам власти и управления предпринять сбор отходов всех сортов и видов использованной бумаги. Витебский губернский отдел управления издал приказы № 26 в 1918 г. и № 34 в 1919 г. об экономии бумаги. С этой целью местные органы власти выдавали печатные издания в виде вестников. 6 мая 1919 г. циркуляром Наркомата внутренних дел РСФСР предлагалось «принять меры к возможному сокращению тиража этих изданий».

С 17 октября 1919 г. количество экземпляров распространяемой в уездах газеты «Известия Витебского губисполкома» увеличилось на 25%. Но уже в ноябре 1919 г. в связи с бумажным кризисом тираж «Известий» сократился с 15 до 7 тыс. экземпляров. За первую половину декабря 1919 г. со склада губернского агентства было отпущено продукции всего на 35 руб. С 1 января 1920 г. на газету была прекращена индивидуальная подписка, подписчикам предлагалось посещать читальни. Газеты «Беднота» и «Деревенская коммуна» распространялись только на фабрике «Двина», где среди рабочих преобладал крестьянский элемент.

На совещании представителей уездных агентств Витебской губернии, состоявшемся 21 декабря 1919 г., говорилось, что в связи с «бумажным голодом» через розничную торговлю предлагается не более 10% печатной продукции. «Все же остальное количество следует распространять между рабочими и красноармейскими организациями, главным образом бросать в деревню, причем газеты эти должны распространяться бесплатно (красноармейцам – за счет политпроса, рабочим и крестьянам – за счет агитационных средств)» [3, Ф. 1821. Оп. 1.

Д. 317. Лл. 28, 34, 37, 41].

В 1919 г. изменился порядок распределения газет в уезды: ранее газеты распределялись через губернский отдел снабжения, теперь же в уезды они доставлялись непосредственно из центра.

В доставке советской литературы Витебским губагентством большое значение придавалось местному пароходству (начальник речной флотилии – Серебренников). На отрезке от Бешенковичей до Старого Села это был до закрытия навигации единственный способ почтовой связи.

Особое внимание придавалось распространению литературы среди красноармейцев прифронтовой полосы, к которой относилась и Витебская губерния. Приказом председателя Реввоенсовета республики от 21 июня 1919 г. коменданты станций и начальники военных санитарных поездов должны были принимать и отправлять грузы советской литературы наравне с военными грузами. Неисполнение приказа влекло строгую ответственность перед Революционным трибуналом.

Газетами и агитационной литературой снабжались проходившие через Витебск воинские эшелоны. Решение об этом было принято на совещании

представителей губисполкома, агитпросвета губвоенкома, губагента по распространению печати и других организаций Витебщины 21 мая 1919 года [З, Ф. 56. Оп. 1. Д. 41. Л. 262]. Циркуляром Центрального агентства ВЦИК 1919 г. было предложено «всем губернским отделам озаботиться немедленным получением из местных военных учреждений необходимого количества лошадей для более скорой и успешной развозки получаемой литературы и газет и др., исходя из того, что всякого рода агитационные грузы, газеты, литература и проч. в настоящее время являются для строительства социалистической России первоочередными» [З, Ф. 56. Оп. 6. Д. 41. Л. 115].

Взаимосвязь местных органов власти и управления и печатных органов была непосредственной. В обязанности информационно-инструкторских отделов Витебского губернского и уездного исполкомов входило «обнародование законов и распоряжений центральной власти и постановлений местного совета, распространение популярной литературы и издание листовок, разъясняющих действия центральной и местной власти». Из уездов Витебской губернии заведующие информационно-инструкторскими отделами исполкомов командировались в Москву за приобретением литературы. В уезды губернии на постоянную работу прибывали коммунисты, окончившие шестидневные курсы при школе агитаторов и инструкторов ВЦИК в Москве. В 1919 г. школа агитаторов открылась и в Витебске. Местная власть, сообразуясь с вышестоящими директивами, считала, что «в деле информации необходимы прежде всего аккуратность, внимательность и добросовестное отношение к новому строительству жизни отдельного учреждения, ... совершенно ясно, что всякая неаккуратность и попустительство в деле информации являются преступлением» [З, Ф. 2279. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2, 3, 247].

Так называемый «добровольно-принудительный» принцип подписной кампании, характерный для советских времен, утверждался с самых первых лет существования этой власти. Коллегия управления Витебского уездного исполнительного комитета 27 апреля 1919 г. приняла постановление, предписывавшее домохозяйствам крестьянского населения выписывать газету «Известия губисполкома».

Руководство официальной периодической печатью советской властью было непосредственным и в силу того, что редактором ее официального органа, как правило, был представитель этой же власти. Уже упомянутый В.П. Грабеник, являясь редактором, был одновременно и членом губкома, комиссаром телеграфа, заместителем председателя секции юстиции губисполкома, затем заведующим народного образования, заведующим земельного отдела губисполкома.

VII Витебский губернский съезд советов, проходивший с 18 по 21 марта

1920 г., в целях упрощения госаппарата постановил слить губернское агентство по распространению печати с отделом снабжения народного образования. На протяжении 1920 г. утвердилась структура губернского отдела народного образования, в соответствии с которой в составе отдела существовали 15 подразделов и 19 секций, и одной из секций являлось названное агентство.

В начальный период нэпа некоторые типографии губернии (Сенненская и др.) сдавались в аренду из-за некупаемости.

В Витебской губернии распространялись и газеты на польском, латышском и еврейском языках. Так, на общем собрании кустарей-одиночек г. Витебска, созданного еврейским бюро Витебского губернского комитета РКП(б) в помещении клуба им. Хайкина (Бибкин переулок, 1) 6 октября 1923 г. был

заслушан доклад Фарбера о еврейской прессе. В резолюции, принятой по этому вопросу, отмечалось: «Газета «Эмес» – есть единственный орган, понятный еврейскому кустарю и сможет поднять политический уровень их и ввести в курс политических событий еврейского кустаря. Поэтому общее собрание предлагает президиуму немедленно приступить к распространению абонементов на газету «Эмес» среди кустарей». Среди еврейского населения популярностью пользовались печатные издания «Векер» и «Комфон» [3, Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. Л. 34 об].

Надо заметить, что опасности, которые тотальное подавление свободы слова сулило самим же властям, понимали многие большевики. Но они нашли выход из создавшегося положения. Отсутствие межидейной борьбы, отсутствие соперничества между газетами они заменили борьбой внутриидейной. Речь идет и о возрастании требований к журналистам, их печатным статьям; газета «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)» в

№ 108 напечатала «десять заповедей красного журналиста».

Официальная печать Витебщины 1920-х гг. (несмотря на далеко не полную ее сохранность) является важным источником для изучения деятельности местных органов управления. Газета «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)» печатала материалы об организации губернской комиссии по изъятию церковных ценностей (согласно постановлению губисполкома от 3 марта 1919 года в составе Сперанского, Тихонова, Майлина, Даубе); объявление о работе бюро жалоб при Наркомате Рабоче-Крестьянской Инспекции и его отделениях на местах; постановление губисполкома об отмене видов на жительство и установление правил об удостоверениях личности. Вопросам городского управления была посвящена статья Каценелебогена; «Райкомы и домкомы надо упразднить, а вместо них нужно создать райквартиркомы, которым следует заниматься жилищным вопросам и... Этот аппарат должен быть подведомственен исполнительной власти» [4]. Целый ряд напечатанных в феврале 1924 г. статей был посвящен теме присоединения Витебской губернии к Беларуси, было опубликовано и постановление президиума губисполкома о ликвидации губисполкома от 23 марта 1924 года.

Таким образом, средства массовой информации в 1920-е гг. не были полноправным субъектом политической деятельности, были придатком существующей административной системы. Источниковедческая база большевистской печати была довольно узкой, факты подгонялись под заранее намеченные схемы. Не пресса была рычагом воздействия на власть, а власть использовала прессу в своих целях. Пресса регулировала отношения людей в повседневной жизни, играла роль в формировании общественного мнения, разъясняла сущность государственных решений, давала информацию, удобную для государственной власти, и с ведома этой власти помогала конструировать новую модель государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Письменства і друк на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць*. – Віцебск, 1996.
2. **Теплова Е.** Временно на 74 года... и далее? (о репрессивном характере ленинского декрета о печати 1917 г.) // Журналист, 1992, №№ 11–12. – С. 23–25.

3. **Государственный архив Витебской области.** Ф. 1821. Оп. 1. Д. 254. Л. 41; Д. 215. Л. 25.
4. **Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б),** 1922, 12 марта. –
5. С. 4; 2 апреля. – С. 3; 1924, 2 февраля. – С. 6.

S U M M A R Y

The functioning of Vitebsk publishing bodies in a context of local controlling activity in 1917–1924, the mechanism of their mutual relation are examined in this article.

It is noted that Soviet authority gave significant attention to creation of «the department of the information» in province and to realization of the wide notification of the population and interpretation of all decrees and orders.

The documents of the State Archive of Vitebsk region are used widely and this allows to give new facts on the theme.

Поступила в редакцию 28.01.2004

Школьнае гістарычнае краязнаўства Беларусі ў 20–30-я гады XX ст.

Ва ўмовах пераходу ад грамадзянскай вайны да грамадзянскага міру Камуністычная партыя і савецкае кіраўніцтва павінны былі перайсці да абнаўлення сваёй нацыянальнай палітыкі, што ў дачыненні да Беларусі знайшло сваё адлюстраванне ў палітыцы беларусізацыі. Адным з яе накірункаў стала перабудова сістэмы школьнай адукацыі. У яе аснову была пакладзена сямігадовая працоўная школа з двума канцэнтрамі. Адначасова са зменай структуры школьнай адукацыі ставілася задача з дапамогай разнастайных метадаў навучання, у тым ліку і краязнаўства, сфарміраваць у моладзі любоў і павагу да роднай культуры і мовы, гісторыі і традыцый беларускага народа. Менавіта таму краязнаўства было ўключана ў школьныя праграмы, пачалася праца па выпрацоўцы метадыкі краязнаўчай працы, стварэнні школьных краязнаўчых гурткоў, раённых і акруговых таварыстваў. Агульнае кіраўніцтва краязнаўчым рухам было ўскладзена на Цэнтральнае Бюро Краязнаўства (ЦБК), створанае 1 студзеня 1924 г. на правах пастаяннай камісіі Інстытута Беларускай Культуры.

ЦБК, каб вырашыць арганізацыйныя пытанні, наладзіць жывую сувязь с краязнаўчымі арганізацыямі, накіравала ім у дапамогу сваіх прадстаўнікоў, адозвы, інструкцыі, анкеты, праекты статутаў, наладзіла выданне спецыяльнага часопіса – «Наш край», на старонках якога прапагандаваліся ідэі краязнаўства, змяшчаліся парады, метадычныя распрацоўкі, друкаваліся справа-здачы аб працы краязнаўчых арганізацый.

З мэтай павышэння эфектыўнасці школьнага гістарычнага краязнаўства рашэннем Прэзідыума ЦБК 13 кастрычніка 1926 г. была створана Школьная Краязнаўчая Камісія, у склад якой ад ЦБК увайшлі М. Каспяровіч і Г. Аляксандраў [1]. Адпаведна пры акруговых і раённых краязнаўчых таварыствах былі ўтвораны школьна-краязнаўчыя секцыі. Праведзеная праца дала свае станоўчыя вынікі. Краязнаўчы рух на Беларусі ўвогуле, у тым ліку і школьнае гістарычнае краязнаўства набылі масавы характар. На пачатак 1928 г. у краязнаўчай працы ў рэспубліцы прымалі ўдзел больш за 10 тыс. чалавек супраць 9637 і 4314 у 1927 г. і 1926 г. адпаведна. У БССР дзейнічала 301 краязнаўчая арганізацыя, у тым ліку 8 акруговых, 100 раённых таварыстваў, 193 краязнаўчыя гурткі. З агульнай колькасці ўдзельнікаў краязнаўчага руху 87% складалі настаўнікі і вучні. Пры непасрэдным удзеле школьных краязнаўцаў толькі за 1927 г. было сабрана звыш за 62,3 тыс. картак-слоў, 18,3 тыс. фальклорных запісаў, 98 калекцый, зроблена 207 апісанняў, запоўнена 446 анкет, сабрана звыш 1 тыс. іншых матэрыялаў, праведзена 68 экскурсій. Былі выдадзены краязнаўчыя зборнікі «Магілёўшчына», «Горацкі раён», надрукаваны Барысаўскі і Смалявіцкі раённыя краязнаўчыя часопісы, здадзена ў друк другая частка зборніка «Віцебшчына», падрыхтаваны да друку школьна-краязнаўчая хрэстаматыя «Магілёўшчына», зборнікі «Полаччына», «Гомельшчына», «Міншчына», «Бабруйшчына» і «Мазыршчына» [2–3].

Плённа працаваў краязнаўчы гурток пры Уздзенскай сямігадцы Мінскай акругі. Ён налічваў у сваім складзе 70 членаў. Агульныя сходы гуртка

адбываліся штотыднёва. На кожным сходзе чыталіся даклады інфармацыйнага характару, вызначаліся канкрэтныя заданні для кожнага члена гуртка. Такі падыход да арганізацыі працы даў станоўчыя вынікі. Члены гуртка разгарнулі шырокую працу па зборы матэрыялаў аб паўстанні 1863 г., рэвалюцыйных падзеях 1905 г. на Уздзеншчыне, гістарычным апісанні вёсак. Вынікі працы членаў гуртка змяшчаліся на старонках школьнага рукапіснага часопіса «Вір» [4]. Сярод краязнаўчых гурткоў прыкметна сваёй зацікаўленасцю да краязнаўчай працы выдзяляўся гурток пры Мінскай 4-й Савецкай сямігадовай школе. Зместам краязнаўчай працы вучняў школы стала даследаванне прамысловасці г. Мінска і бліжэйшых пасёлкаў. Вучні зрабілі апісанне мылаварнага, ганчарнага, шкіпінарнага, смалакурнага заводаў. Зробленыя апісанні, а таксама матэрыялы, якія тычыліся шлюбных звычак яўрэяў, свят татар, іх гісторыі, былі надрукаваны на старонках школьнага краязнаўчага часопіса «Наш край». У школьна-краязнаўчым часопісе друкаваліся толькі тыя матэрыялы, якія былі прызнаны найбольш каштоўнымі і апрацаванымі. Незакончаныя працы размяшчаліся на старонках «Архіва» краязнаўчага гуртка. Адзначаныя поспехі краязнаўчага гуртка ў многім тлумачацца добрым кіраўніцтвам з боку настаўніка М.Я. Валасевіча, які працаваў з вучнямі з 1923 г., падтрымкай дырэктара школы А.М. Станкевіча, які забяспечыў фінансаванне яго дзейнасці [5]. Стварыць школьны краязнаўчы музей у бліжэйшы час – такое рашэнне прынялі сябры гуртка Асіповіцкай чыгуначнай школы. Была абрана музейная камісія ў складзе Г. Акановіча, Н. Рэменя, В. Сідарчука, А. Шафраноўскага. Камісія клапацілася аб зборы матэрыялаў для музея, яго сістэматызацыі. Да працы былі прыцягнуты не толькі вучні, але і выпускнікі школы – Альховік, Гміра, Ляхоўскі. Аддзел адукацыі Заходніх чыгунак выдзеліў на арганізацыю музея 60 рублёў. Былі закуплены неабходныя матэрыялы, складзена экспазіцыя. У аддзеле побыту былі размешчаны ўзоры тканін, коўганка, мадэлі сельскагаспадарчых прылад, апісанні кірмашоў, планы вёсак, хат, якія былі зроблены пад час экскурсій. Экспазіцыя культурна-гістарычнага аддзела складалася з фотаздымкаў, якія адлюстроўвалі гісторыю Асіповіч з пачатку XX стагоддзя, з грашовай калекцыі, каменных сякер і скрабкоў, знойдзеных на тэрыторыі Ясенскага сельсавета і Жужлянскага гарадзішча, у вусці ракі Сіняй. Рукамі гурткоўцаў былі створаны макеты Зборскага і Жужлянскага гарадзішч. Адначасова з працай па стварэнні музея члены гуртка прынялі актыўны ўдзел у апісанні раёна. Сабраны матэрыялы быў выкарыстаны пры падрыхтоўцы да друку краязнаўчага апісання «Асіповіцкі раён». Частка матэрыялаў, сабраных членамі гуртка, была размешчана ў школьным рукапісным часопісе «Наш раён». У кожным яго нумары друкаваліся таксама матэрыялы аб новых экспанатах, набытых для музея, давалася хроніка працы краязнаўцаў, справаздачы аб экскурсіях, планы працы. Кожны артыкул быў ілюстраваны фотаздымкамі, планами, замалёўкамі [6].

Аднак у другой палове 1920-х гг. выкананне рашэнняў, якія тычыліся разгортвання краязнаўства, у тым ліку і школьнага гістарычнага, становілася ўсё больш праблематычным. Работа краязнаўцаў праходзіла ў формах дэмакратычнай самадзейнасці, самаарганізацыі жыцця, што не адпавядала курсу на бюракратызацыю грамадскага жыцця, які быў узят у ўмовах фарміравання культу асобы Сталіна. Як вынік, ад краязнаўчых арганізацый патрабуюць змяніць прыярытэты ў працы: замест гісторыка-этнаграфічнага ўхілу акцэнт перанесці на вывучэнне сучаснасці, гаспадарчага і эканамічнага становішча горада і вёскі. У выступленнях на краязнаўчых канферэнцыях дзяржаўных і палітычных дзеячаў, публікацыях у перыядычным друку

краязнаўцы абвінавачваюцца ў нацдэмаўшчыне, польскім нацыяналі-фашызме, скажэнні марксісцка-ленінскай ідэалогіі. Вось як, напрыклад, было сказана пра працу краязнаўцаў у 20-я гады XX ст. на старонках першага нумара часопіса

«Савецкая краіна» – афіцыйнага органа ЦБК з лістапада 1930 г.: «ЦБК пры БАН не ў прыклад іншым інстытуцыям – замкнутым, нямасавым – было трыбунай для масавай прапаганды контррэвалюцыйнай справы сярод вясковай інтэлігенцыі, студэнцкай і вучнёўскай моладзі і інш. праз мясцовыя края-знаўчыя таварыствы... У абсалютнай большасці краязнаўчыя арганізацыі знаходзіліся пад уплывам нацдэмаў, праводзілі варожую рабочаму класу лінію» [7]. У сувязі з адзначаным пачаліся арышты актыўных удзельнікаў краязнаўчага руху. АДПУ былі арыштаваны: тры былыя члены ўрада БССР, якія мелі непасрэднае дачыненне да разгортвання краязнаўчага руху ў 1920-х гг. – наркам працы, гісторык і пісьменнік, удзельнік I Усебеларускага краязнаўчага з'езда В.Л. (Язэп) Дыла, наркам асветы А.В. Баліцкі, наркам земляробства –

Дз.Ф. Прышчэпаў; актыўныя ўдзельнікі і арганізатары краязнаўчай працы – У.І. Пічэта, М.В. Азбукін, В.Ю. Ластоўскі, М.І. Каспаровіч, А.А. Шлюбскі, С.М. Мялешка, С.М. Некрашэвіч, П. Пяцэвіч, М.А. Ламака, М.М. Улашчык, Я.І. Васілевіч і іншыя [8].

Адначасова была абвешчана пераарыентацыя краязнаўчай працы на выкананне непасільных задач: даследаванне прыродных багаццяў, барацьбу за рацыянальнае і эфектыўнае іх выкарыстанне, рацыяналізацыю вытворчасці і г.д. Пачалася рэарганізацыя кіруючых органаў краязнаўчага руху. Пастановай Прэзідыума Беларускай Акадэміі навук ад 13 жніўня 1930 г. былі ліквідаваны акруговыя таварыствы краязнаўства. Замест аўтарытэтных вучоных у склад ЦБК былі прызначаны асобы, якія мелі пераважна вопыт партыйнай ці дзяржаўнай работы. Так, старшынёй ЦБК стаў В.С. Серафімаў, а навуковым сакратаром – В.А. Самцэвіч. 1 чэрвеня 1932 г. СНК БССР прыняў спецыяльную пастанову «Аб мерапрыемствах па разгортванні краязнаўчага руху», у якой перад ЦБК, мясцовымі краязнаўчымі арганізацыямі была пастаўлена задача падпарадкаваць працу краязнаўцаў канкрэтным задачам сацыялістычнага будаўніцтва, узмацніць краязнаўчую працу ў школах, разгарнуць падрыхтоўку настаўнікаў-краязнаўцаў праз курсы і канферэнцыі. Выконваючы патрабаванні СНК БССР, ЦБК разам з НКА БССР распрацавалі «Кароткую праграму краязнаўчай падрыхтоўкі настаўніка масавай школы». Былі праведзены даследаванне і інструктаж па разгортванні краязнаўчай працы ў Койданаўскім, Дубровенскім, Аршанскім, Шклоўскім, Рагачоўскім, Жлобінскім, Лёзненскім, Суражскім і Гарадоцкім раёнах, абвешчаны двухтыднёвік агляду краязнаўчай працы [9]. Аднак справа па разгортванні краязнаўчага руху на месцах, наданні яму адпаведнага накірунку рухалася марудна. Распрацаваныя мерапрыемствы не выконваліся, сітуацыю спрабавалі выправіць з дапамогай адміністрацыйных мер. У жніўні 1932 г., напрыклад, стан краязнаўчай працы быў разгледжаны на пасяджэнні сакратарыята Аршанскага РК КП(б)Б. Пад час абмеркавання сакратарыят прыйшоў да высновы – Аршанскае раённае краязнаўчае бюро, нягледзячы на наяўнасць двух штатных супрацоўнікаў, бяздзейнічае. Рашэннем сакратарыята краязнаўчае бюро было распушчана, а справа перададзена на разгляд РК і РСІ [10].

Меры далі пэўныя вынікі, але яны не адпавядалі намечаным планам. Так, на канец 1932 г. у БССР дзейнічалі толькі 43 раённыя бюро краязнаўства,

103 краязнаўчыя ячэйкі, у тым ліку 46 пры школах [11]. Лічбы сведчаць, што краязнаўчы рух паступова ішоў на спад. У наступны час пасля шэрага рэарганізацый ЦБК было распушчана, перастаў выдавацца і часопіс «Савецкая краіна». Кіраўніцтва краязнаўчай працы перайшло да НКА БССР. 17 лютага 1937 г. СНК БССР выдаў пастанову «Аб развіцці музейнай і краязнаўчай справы БССР». Адзначыўшы, што краязнаўчыя арганізацыі не змаглі адолець задачы вывучэння прыродных багаццяў, СНК БССР запатрабаваў перабудаваць працу краязнаўчых арганізацый у плане забеспячэння сувязі з канкрэтнымі задачамі сацыялістычнага будаўніцтва. Прадугледжвалася наступная пабудова краязнаўчых арганізацый: краязнаўчыя ячэйкі на прадпрыемствах, саўгасах і калгасах, школах і ўстановах; пры раённых і акруговых цэнтрах – раённыя і акруговыя бюро. Пастанова прадугледжвала дапамогу школьным краязнаўчым арганізацыям з боку адміністрацыі школ [10, Ф. 175. Воп. 1.

Спр. 11. Л. 1–3]. Аднак, 25 красавіка 1938 г. НКА СССР лістом-дырэктывай «Аб пастаноўцы і арганізацыі краязнаўчай работы давёў да ведама, што няма ніякай патрэбы ў стварэнні спецыяльных і асобных краязнаўчых арганізацый. Было прадпісана ўсю працу праводзіць пад навукова-метадычным кіраўніцтвам мясцовых музеяў.

Такім чынам, праведзены аналіз дае магчымасць выдзеліць у развіцці школьнага гістарычнага краязнаўства два перыяды: першы – 1920-я гады – час, калі краязнаўчы рух набыў масавы характар. Краязнаўства разглядалася як грунт агульнаадукацыйнай школы, як сродак набліжэння адукацыі і выхавання да жыцця. Быў назапашаны станоўчы вопыт мэтанакіраванага комплекснага вывучэння рэгіёнаў, адміністрацыйных адзінак, асобных населеных пунктаў. На мяжы 1920–1930-х гг. пачынаецца другі перыяд, пад час якога краязнаўчы рух страчвае свой грамадскі характар і прыстасоўваецца да патрэб адміністрацыйна-каманднай сістэмы.

ЛІТАРАТУРА

1. *НАН Рэспублікі Беларусь. Цэнтральны навуковы архіў*. Ф. 67. Воп. 1.
2. Арх. № 16. Л. 30.
3. *Справаздача Цэнтральнага Бюро краязнаўства* // Наш край, 1928, № 5. – С. 58, 59.
4. *Працы Другога Усебеларускага Краязнаўчага З'езду*. 10–13 лютага 1927 г. – Мн., 1927. – С. 18.
5. *Краязнаўчы гурток пры Уздзенскай сямігодцы* // Наш край, 1927, № 8–9. – С. 81.
6. *Выстаўка прац краязнаўчага гуртка пры Мінскай 4-й Савецкай сямігадовай школе* // Наш край, 1928, № 6–7. – С. 86–87.
7. *Музей Асіповіцкай чыгуначнай школы* // Наш край, 1929, № 4. – С. 63–64.
8. *Садоўскі Ф.П.* «Савецкая краіна» – барацьбіт за савецкае краязнаўства;
9. *Серафімаў В.* За савецкае краязнаўства // Савецкая краіна, 1931, № 1–2. – С. 3, 6.
10. *Гужалоўскі А.А.* Музеі Беларусі (1918–1941 гг.). – Мн., 2002. – С. 93–94.
11. *Хроніка* // Савецкая краіна, 1932, № 10. – С. 110–111.
12. *Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці*. Ф. 2. Воп. 1а. Спр. 109. Л. 108–109.
13. *Хроніка* // Савецкая краіна, 1933, № 1. – С. 79.

S U M M A R Y

The article deals with the process of establishment and developing of school historic local lore studies in Belarus in 1920's, its role in organizing the training and education of schoolchildren. The article shows how in 1930's the local lore studies

movement loses its social character and adapts to the needs of the administrative order system.

Поступила в редакцию 30.08.2005

Проблемы изучения внешней политики США второй половины XX века в советской американистике

Область научных знаний о Соединенных Штатах получила название американистики. За пределами России понятие «American Studies» обычно включает изучение как Северной, так и Южной Америки, тогда как в СССР и России понятие «американистика» традиционно предполагает изучение лишь США. Для исследовательской деятельности по другим регионам Американского континента в обиход введены понятия «канадоведение» и «латиноамериканистика».

Советская американистика являлась сравнительно молодой, но быстро развивающейся отраслью исторической науки. Так, к началу 1980-х гг. по американской тематике ежегодно публиковались многие десятки и даже сотни специальных книг, статей, обзоров и рецензий. Достаточно отметить, что подготовленная Л.М. Струковой аннотированная библиография книг и статей по Соединенным Штатам, опубликованных в СССР в 1945–1970 гг., заняла почти 800 страниц [1].

Такое увеличение печатной продукции стало возможным в результате подготовки в Советском Союзе большого числа специалистов и создания научных центров, занимающихся изучением США. Одним из первых таких центров стал американский сектор Института истории АН СССР, организованный в 1953 г. (с 1968 г. – сектор истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР). В 1968 г. в системе АН СССР был создан специальный институт США, а с 1970 г. стал выходить ежемесячный журнал «США – экономика, политика, идеология». В 1971 г. Институт всеобщей истории АН СССР начал публиковать «Американский ежегодник». Много внимания изучению американской тематики уделялось и в МГУ, где была создана проблемная лаборатория американистики. МГУ сыграл огромную роль в реализации курса на развитие сотрудничества между СССР и США в области исторической науки. Кроме Москвы, наблюдался быстрый рост числа специалистов по истории США и в таких городах, как Ленинград, Киев, Томск, Одесса, Казань и др. Сотни специалистов стали кандидатами и докторами наук.

Самой разработанной в советской историографии областью истории США, безусловно, являлась внешняя политика. Эта тема была весьма актуальной в те годы. Наибольшее внимание исследователи уделяли процессу формирования внешнеполитических и военных доктрин, выявлению роли военно-промышленного комплекса в политике Вашингтона. Региональная внешняя политика США была довольно широко представлена в работах научных центров. Во времена Советского Союза по проблемам внешней политики и дипломатии США опубликована не одна сотня книг и поистине необозримое число журнальных статей. Однако профессиональный уровень и научная значимость этих работ весьма различные. Так, количественный рост работ не сопровождался ростом профессионального и научного уровня.

Итогом отсутствия серьезной критики, стремления издать как можно больше монографий и фундаментальных коллективных трудов стало тиражирование слабых и компилятивных работ. Далеко не все работы сохранили научную ценность. Многие из них утратили свою актуальность и безнадежно устарели. Ведь все труды того времени базировались на идеологической основе. Работа советских американистов велась на основе марксистско-ленинского анализа внутренней обстановки в США, а также объективных и субъективных факторов, определяющих их внешнюю политику. Почти все работы писались по трафарету, выработанному в годы «холодной войны». В трудах, посвященных внешней политике США второй половины XX века, проявилась тенденция обвинять США и их руководство во всем негативном и создавать тем самым у советского читателя устойчивый «образ врага». На протяжении многих лет самые влиятельные и способные американисты, включая политического обозревателя

В.С. Зорина, историка Н.Н. Яковлева, писателя и публициста Г.А. Боровика, с присущим им умением и талантом представляли США как виновника всех бед человечества, врага мира и прогресса [2]. Наиболее характерными для периода «холодной войны» стали заголовки: «Американский империализм – злейший враг народов», или «Американские империалисты – злейшие враги советского народа». Иной раз их пытались даже усилить: «Паразитический разбойничий империализм», «Разбойничий путь американских агрессоров» и т.д.

Таким образом, американская внешняя политика трактовалась лишь в плане нарастающего экспансионизма, усиливающейся враждебности к СССР, своего рода «врожденного антисоветизма», т.е. был характерен элемент предопределенности в подходе к американской внешней политике и изначальное исключение не возможностей другого американского курса. Следует отметить, что критический анализ советской американистики выявляет множество идеологических передержек, тенденциозных и просто неверных оценок роли США в XX веке.

Классовый анализ был помехой для правильного понимания не только отдельных исторических событий, но и общей картины в целом. Хотя такую ситуацию, сложившуюся в советской историографии, нельзя трактовать только в одностороннем порядке. Дело в том, что похожее положение наблюдалось и в американской историографии. Такие историки внешней политики США, как

С. Бимис, Т. Бейли, Д. Перкинс, Дж. Пратт, Р. Леопольд, А. Деконде и другие, оказались удивительно единодушными в своих оценках «советской угрозы» и апологии внешней политики США после Второй мировой войны. Переход авторитетных специалистов в области истории внешней политики на сугубо консервативные позиции, к активной защите действий вашингтонского правительства и резкой критике позиции Советского Союза произошел особенно легко и быстро, поскольку эти историки всегда были близки к официальным кругам и, прежде всего, к госдепартаменту. Конечно, в американской исторической науке всегда наблюдался весьма широкий спектр различных школ и направлений. Однако все они решительно выступали в защиту внешнеполитического курса Вашингтона. Поэтому главным в годы «холодной войны», как и в СССР, было не различие между историками внешней политики, а их конформизм, общая приверженность откровенной защите официальных доктрин и концепций правительства, т.е. имел место социальный и политический заказ [3].

По мере развития советской исторической науки, расширения источниковедческой базы, улучшения условий для исследовательской работы историки-американисты разрабатывали новые, все более сложные

проблемы. Наиболее значительный вклад внесли своими научными трудами Г.А. Арбатов, Г.Н. Севостьянов, А.А. Фурсенко, А.А. Кокошин, Э.А. Иванян, Ю.М. Мельников, Г.А. Агафонова, А.В. Потехин, Г.Н. Цветков, А.В. Березкин, В.А. Вальков, С.С. Григорцевич, Ан.А. Громыко, А.Е. Кунина, Б.И. Марушкин, В.К. Фураев, Н.Н. Яковлев и другие.

В центре внимания советских исследователей находились проблемы внешней политики США в Европе, Африке, Латинской Америке, Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и т.д. Определились и центры изучения американской истории. В Москве это были Институт США и Канады АН СССР, МГУ, МГИМО и т.д. В Ленинграде работа по истории США проводилась главным образом в трех научных центрах: Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР, Ленинградском государственном университете и Ленинградском государственном институте им. А.И. Герцена. Например, кафедра новой и новейшей истории Томского государственного университета под руководством доктора исторических наук профессора С.С. Григорцевича имела преобладающее направление в изучении внешней политики США XX века. Значительное внимание на кафедре уделяли разработке проблем европейской политики США в 1945–1950-е годы. Сравнительно новым направлением в работе кафедры являлось изучение политики США на Ближнем Востоке. Широко была освещена в ТГУ и дальневосточная политика США. Неслучайно, именно в ТГУ постоянно проходили научные конференции, где обсуждались проблемы истории и историографии внешней политики США второй половины XX века. На кафедре новой и новейшей истории Одесского государственного университета во главе с доктором исторических наук профессором С.И. Аппатовым главное внимание уделялось анализу американской историографии. В монографиях и статьях С.И. Аппатова, посвященных анализу западной историографии европейской политики США после Второй мировой войны, рассматривались ведущие направления американской внешнеполитической мысли, прослеживалась эволюция взглядов американских ученых. Вопросами внешней политики США занимались и киевские историки. В Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР под руководством Л.А. Лещенко и Г.Г. Цветкова изучались региональные аспекты внешнеполитической стратегии США [4].

Одним из наиболее успешных направлений советской американистики являлось изучение истории взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. При этом на протяжении длительного времени внешняя политика Советского Союза изображалась в идиллических тонах, без малейшего намека на возможность каких-либо ошибок. Исследования советско-американских взаимоотношений второй половины XX века в советской американистике носили многоаспектный характер. Многие историки изучали начальный период «холодной войны»: причины возникновения конфронтации, крушение атомной монополии США, создание военных блоков и другие аспекты. Большое количество работ было создано и по вопросам советско-американских отношений в 50-60-е годы. Авторы рассматривали вопросы международной жизни, проблему разоружения, Карибский кризис, войны в Корее и Вьетнаме и т.д. Огромное количество статей и монографий было посвящено советско-американским отношениям 70-80-х гг.: периоду разрядки, СОИ, международным кризисам, встречам на высшем уровне и т.д. [5–10].

Большое значение придавалось и научной критике американской историографии внешней политики США [11–13]. Источниковедческая база для изучения послевоенной внешней политики США была довольно обширна.

Опубликованные в США материалы насчитывали сотни тысяч названий, но в Советском Союзе существовали проблемы с переводом работ американских исследователей. Так, до начала 70-х гг. имелись вообще определенные трудности с разбором американской печатной продукции. Рецензии на отдельные работы, опубликованные в научных журналах, охватывали лишь небольшую часть вышедших книг. Историографические обзоры были крайне редки, т.к. не хватало исследований, посвященных анализу концепций американских советологов. При этом бросается в глаза противоречивость в оценках трудов как отдельных американских историков, так и целых направлений, школ и течений. Даже к середине 80-х гг. в Советском Союзе отсутствовали обобщающие историко-ведческие работы по внешней политике США послевоенного периода. Проблема перевода работ американских исследователей способствовала развитию незнания и искажения советскими учеными фактов, касающихся истории внешней политики США.

Не менее важной проблемой советской американистики являлась также проблема отсутствия для исследователей доступа к советским архивным материалам, касающимся отношений с Америкой в XX веке. В большинстве советских и американских работ доминировали американские архивные материалы. Советские же источники в основном ограничивались довольно узким кругом документальных публикаций и газетными материалами.

В существенном улучшении нуждалась и научно-организаторская работа, т.к. крайне редко проводились научные симпозиумы с международным участием. Вплоть до второй половины 80-х гг. изложение исторических проблем продолжало оставаться в подчинении отлаженной системы администрирования и информационных фильтров.

Такое положение в американистике не устраивало прогрессивных исследователей. Оно стало предметом ряда дискуссий, в частности, на Ученом совете Института всеобщей истории АН СССР в январе 1989 г., на международной конференции историков-американистов в Москве 19–21 марта 1991 г. и «круглом столе» в Центре североамериканских исследований в сентябре 1991 г. [14].

Так, основой для всей работы конференции историков-американистов 19–21 марта 1991 г. в Москве стал доклад члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Болховитинова «Советская американистика на переломе: старые догмы и новые подходы», в котором была предпринята попытка анализа состояния изучения истории США в СССР. Выступая на Московской конференции, профессор Э. Песен (Нью-Йоркский университет), цитируя знаменитые слова Джона Куинси Адамса, подчеркнул, что «историк не должен иметь родины» [15]. Так, например, завидную независимость и принципиальность проявили американские историки Л. Гарднер, Д. Горвиц, Г. Колко,

У. Лафибер, К. Лэш, которые еще в 60-е годы подвергли критике официальную американскую версию «холодной войны» [16]. А.О. Чубарьян в докладе «Новое мышление и «холодная война» дал сравнительный анализ советской и американской историографии «холодной войны», выделил общие черты, в частности, идеологизированность, и отличия – отсутствие архивов у советских авторов и гомогенность оценок в отличие от пестроты мнений в западной литературе [14, с. 249].

Эти же проблемы затрагивались и на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации, проходившей в Нью-Йорке в декабре 1990 г. Так, Г.А. Дубовицкий в представленном докладе дал оценку старым работам американистов, охарактеризовав их как «непосредственно подчиненными

нуждам государства и КПСС» и относящимися главным образом к классовой борьбе и внешней политике США в XX веке, рассматриваемой сквозь призму «холодной войны». При этом, по словам докладчика, целые пласты их внешней политики, как бы замазывались черной краской, например, истоки «холодной войны» [17].

Существенные изменения в подходах к изучению истории США, в том числе и американской внешней политики XX века, произошли и в таких профессиональных изданиях, как журнал «Вопросы истории», «США – экономика, политика, идеология», «Международные отношения», «Американский ежегодник» и некоторых других. В это время стали более академично звучать заголовки трудов советских американистов. Впрочем, в большинстве случаев авторы ограничивались чисто редакционной правкой, а основное же содержание работ сохранялось прежним.

В конце 80-х гг. создались благоприятные условия для публикации трудов зарубежных авторов, работы советских американистов в иностранных архивах и библиотеках, а также для организации совместных исследований. Показательно, что в «Американском ежегоднике» стали печатать статьи американских авторов, а в центральных издательствах публиковать не только работы американских коммунистов, но и труды немарксистских историков.

Необходимо отметить, что до конца 80-х гг. советские историки на международных форумах мало прислушивались к аргументам другой стороны. Теперь же они перестали бояться высказывать собственное мнение, хотя иной раз уже наоборот проявляли излишний пиетет перед мнением иностранных коллег.

Однако в результате перемены общественного сознания, связанного с «перестройкой» в СССР, возникла опасность искажения образа Америки уже с другой стороны. Не случайно профессор Э. Фонер из Колумбийского университета, обобщая свои наблюдения во время пребывания в МГУ в 1990 г., заметил, что в СССР возникает «новая история», – история, которая будит мысль и привлекает интерес читателей, но история не менее «политизированная», чем старая [8, с. 8]. Об опасности новой «волны презентизма» в советской американистике предупреждал на Московской конференции и известный радикальный историк Джесси Лемиш (колледж Дж. Джея. Городской университет Нью-Йорка) [10].

Необходимо отметить, что профессиональные американисты оказались явно не подготовлены к столь радикальным переменам. Кроме того, их авторитет был существенно подорван предшествующими работами. Правда, многие американисты довольно быстро «перестроились» и стали активно выступать с разного рода публицистическими статьями. Однако острой проблемой оставалось отсутствие навыков и настоящей творческой исследовательской работы, традиционность мышления и методов исследования у многих историков. Велись интересные дискуссии, печатались острые публицистические статьи, но крайне редко появлялись по-настоящему свежие фундаментальные исследования.

В целом же в конце 80-х гг. у советской американистики наметились условия для успешного развития. Прежде всего, это – отсутствие идеологического давления, плюрализм и свобода дискуссий. Кроме того, существенно пополнились американской литературой и источниками центральные библиотеки, а советские историки стали чаще посещать США и страны Западной Европы для работы в зарубежных научных центрах, архивах и библиотеках.

Таким образом, изучение внешней политики США второй половины

XX века в советской американистике было затруднено, прежде всего, из-за невозможности объективной оценки истории США исследователями, которые находились под идеологическим «прессом» партии и государства, и это во-первых; во-вторых, из-за огромной отрицательной роли конфронтации эпохи второй половины XX в., а в-третьих, из-за невозможности советскими историками сказать правду. Однако, при всех критических замечаниях в адрес американистики советского периода, признавая несправедливость многих оценок истории США и необоснованность, и неправомерность резких суждений о внешней политике этой страны, в целом присущих советской историографии, нельзя все же впадать и в другую крайность, пытаясь утверждать идеалистический образ Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Струкова Л.М.** Внешняя политика и дипломатия США. Аннотированная библиография: в 2 ч. – М., 1972.
2. **Болховитинов Н.Н.** Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы // Вопросы истории, 1991, № 7–8. – С. 3–12.
3. **Болховитинов Н.Н.** Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США // Вопросы истории, 1986, № 9. – С. 70–71.
5. **Агафонова Г.А.** Об изучении истории США в вузах и исследовательских институтах СССР (1976–1985) // Американский ежегодник. – М., 1987. – С. 243–251.
6. **Митяев В.Г.** Ядерная политика США в НАТО. – М., 1973.
7. **США и НАТО: источник военной угрозы.** – М., 1979.
8. **Новоселова Н.Н.** На службе антиразрядки. – М., 1984.
9. **Подлесный П.Т.** Американские концепции развития отношений с СССР. – М., 1980.
10. **Кременюк В.А.** США и конфликты в странах Азии: 70-е гг. XX в. – М., 1979.
11. **Ливень В.А.** Война во Вьетнаме и внутривойсковая борьба в США. – Киев, 1972.
12. **Аппатов С.И.** Школы и направления американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений и внешней политики США. История и историки. – М., 1980.
13. **Егорова Н.И.** Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. – М., 1981.
14. **Попова Е.И.** Внешняя политика США в американской политологии. – М., 1987.
15. **Власова М.А.** Американисты об изучении истории США // Новая и новейшая история, 1992, № 1. – С. 247–249.
16. **Новый взгляд на историю США.** – М., 1993. – С. 12.
17. **Согрин В.В.** Современная американская «радикальная» историография о внутренней и внешней политике США XX века // Новая и новейшая история, 1983, № 3. – С. 66–78.
18. **Лемиш Дж.** Если не рассматривать историю США в розовом свете // Новая и новейшая история, 1992, № 1. – С. 77.

S U M M A R Y

The article lights the study of American foreign policy in Soviet historiography. The author tries to show the evolution of views of the Soviet historians on the problems of American foreign policy of the second half of the XX century.

Поступила в редакцию 20.09.2004

Знания о человеке как категория педагогической антропологии

В современной высшей школе отчетливо прослеживается тенденция антропологизации общественных, гуманитарных и естественных наук. Антропология в настоящее время, занимая самостоятельное место в системе общественных и естественных наук, интегрирует различные знания о человеке.

Рассмотрим понятие «антропология». Оно возникло в конце XVIII в. и трактуется как «знание о человеке», «наука о человеке». Этот термин был использован *И. Кантом* (1724–1804) для обозначения особой автономной области знаний, новой науки о человеке, которой до того времени не было [1].

Безусловно, происходило накопление знаний о человеке, но достаточно долго европейская наука признавала своим основным объектом природу в целом, в единстве с которой как один из ее элементов рассматривался и человек. Первоначально природу человека изучали «извне»: из Космоса, из общества, из природы. Поворот к изучению человека «изнутри» – постижению его телесного, эмоционального, нравственного, духовного, социального бытия – осуществил *Сократ* (469–399 до н.э.). Он и его «коллеги» – софисты и ученики *Аристотель*, *Платон*, *Протагор* заложили основы современных научных представлений о человеке как особом роде сущего.

Несмотря на то, что еще Протагор писал: «Человек есть мера всех вещей, существующих и несуществующих», именно *И. Кант* был первым, кто утверждал, что человек – самый главный предмет науки, конечная цель науки – именно познание самого человека; более того, познание человека является важнейшим условием понимания мира в целом [1].

Следует подчеркнуть, что не существует единой трактовки термина «антропология». Западноевропейские и американские ученые под антропологией понимают комплекс наук о человеке. Изучением же культуры, общественных систем, этнических и социальных особенностей человека занимается антропология социальная и культурная.

В Польше, Чехии, Словакии и некоторых других странах антропологическая наука ограничивается изучением биологической изменчивости человека. Польские антропологи выделяют популяционный (расовый), онтогенетический (изучающий индивидуальное развитие) и филогенетический (изучающий эволюцию человека) разделы. В советской науке содержание антропологии раскрывалось рядом наук, среди которых ведущая роль принадлежала археологии и этнографии.

Следовательно, **антропология** – это специальная наука о человеке как сложном и чрезвычайно значительном феномене [1]. **Антропология** (от греч. *anthropos* – человек и *logos* – слово, учение) – наука о происхождении и эволюции человека, наследственности и изменчивости, структуре и

численности человеческих популяций во времени и пространстве, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека [2]. «Философская энциклопедия» 1960 года дает такое определение: **антропология** – наука о происхождении человека и его рас, об изменчивости строения тела человека во времени и территориально [3]. Из «Философского энциклопедического словаря» 1983 года антропология вообще исключена. В.В. Медушевский дает более глубокий, детальный анализ исследуемого понятия и характеризует его следующим образом: область знания, охватывающая представления о месте человека в бытии, о его природе и свободе, о пути жизни (ибо человек не есть неподвижность, но путь), о великом его призвании, о смерти и бессмертии, о смысле человеческой жизни, – именуется **антропологией**, учением о человеке [4].

На основе использования данных ряда естественных и социальных наук, антропология выступает как интегративная наука. Наиболее тесно связаны с антропологией такие биологические дисциплины, как генетика, сравнительная морфология, сравнительная физиология, общая биология, общая экология; из гуманитарных – археология, этнология, психология, демография и др.

В результате интеграции знаний о человеке появились новые междисциплинарные разделы и субдисциплины. В отечественной науке утвердился термин «антропология культур». Выделяется антропология психологии, педагогическая антропология.

Так, термин **«педагогическая антропология»** стал использоваться в 60-е гг. XIX в. в России. Его впервые употребил Н.И. Пирогов (1810–1881) в статье «Вопросы жизни» (1856), а уточнил, наполнил конкретным содержанием К.Д. Ушинский (1824–1870) в труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869).

Для Н.И. Пирогова, как и для К.Д. Ушинского, термин «педагогическая антропология» обозначал «новую педагогику», в которой отражена тесная связь человека и воспитания, и ее суть они видели в следующем:

- человек и ребенок – основные социокультурные ценности. Так, Н.И. Пирогов считал, что и государство, и народ, и человечество существуют только для человека, а ребенок – цель самого себя, а не средство достижения какой-либо цели;
- воспитание является фундаментом педагогического процесса, цели которого:
 - сделать нас людьми, воспитать не негоциантов, моряков, солдат, юристов, но людей и граждан;
 - открыть средства к образованию в человеке такого характера, который противостоял бы напору всех случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного, растлевающего влияния и давал бы ему возможность извлекать отовсюду только добрые результаты;
 - приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой [1].

Средства своего «воспитательного влияния» новая педагогика должна была «черпать» из природы человека, т.е. исходить из объективных законов человеческого развития. Педагогическая деятельность рассматривалась в педагогической антропологии как целостный процесс, направленный на развитие не только сознания, чувств и воли ребенка, но и на совершенствование его *телесных, душевных и духовных стремлений*, взаимосвязанных между собой. Большое значение придавалось

предоставлению детям возможности для самостоятельной, «вольной и излюбленной», деятельности – физической, умственной и духовной.

Педагогической антропологии потребовался «новый» педагог: не просто хорошо знающий определенную науку, но обладающий фундаментальными знаниями о человеке, о ребенке, о познавательном процессе, с одной стороны, и о реальной жизни детей и взрослых, природы и общества – с другой. Необходим был воспитатель, который творчески мог участвовать в педагогическом процессе и воспринимать ребенка как равноправного его участника. Воспитатель должен был уметь воздействовать на детей без насилия, не «навязывать своих убеждений воспитаннику, но пробуждать в нем жажду этих убеждений и мужество к обороне их как от собственных низких стремлений, так и от других» (К.Д. Ушинский) [1].

Идеи педагогической антропологии активно и творчески претворяли в жизнь многие педагоги, в частности, П.Ф. Каптерев, А.Ф. Лазурский и другие. Однако в силу ряда обстоятельств в XX в. и сам термин «педагогическая антропология», и система педагогических взглядов, обозначенных этим термином, стали восприниматься только как принадлежащие истории отечественной культуры и науки. При этом теоретические и методические идеи педагогической антропологии продолжали жить, принимая вид то педологии, то развивающего обучения, то педагогики отношений.

В настоящее время антропологический принцип признан одним из ведущих в педагогике, а антропологическое знание – стержнем профессиональной подготовки учителя. Стала активно развиваться и сама педагогическая антропология как отрасль человековедения. Ее исторический аспект исследуется Б.М. Бим-Бадом, актуальность – В.А. Сластениным [1].

Специфика данной отрасли человековедения состоит в том, что педагогическая антропология сама не открывает ничего нового, но расставляет акценты в уже известном, актуализирует и интегрирует самую разнообразную информацию, имеющую отношение к ребенку, его физическому и духовному бытию, развитию, воспитанию. Это делает педагогическую антропологию и вечно живой, и постоянно обновляющейся, и актуальной научной дисциплиной.

Современная педагогическая антропология обогащается за счет различных наук, в том числе и за счет таких «отраслевых» антропологий, как философская, религиозная, культурная, социальная, психологическая и пр.

Подход к человеку как целостному, уникальному явлению – один из ведущих принципов современной педагогической антропологии, и он же является неизменной традицией **философской** антропологии. Концепция О. Больнова, трактующая человека как существо, изначально имеющее потребность и способность активно включаться в процесс воспитания, наиболее близка и органично интериоризирована российской педагогической антропологией. В то же время подходы и иных антропологий существенны для педагогического человековедения, поскольку позволяют ярче представить отдельные грани, различные ипостаси человека и ребенка.

Своеобразно рассматривается человек, его сущность, предназначение, смысл бытия и в **религиозной** антропологии. Внутри нее сегодня существуют различные направления: *христианская* (работы Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, А. Меня и др.) и *православная* (работы П. Флоренского, С.Н. Булгакова, А. Кураева и др.) антропология, антропософия (работы Р. Штайнера) и пр. Общими для них являются – высшее творческое начало, нематериальные, «формообразующие» силы создали Космос, «тварный мир», человека. Бог – высшая ценность, нематериальные силы более значимы в развитии человека, чем природные и социокультурные предпосылки (теоцентризм).

Человек выступает как наиболее драгоценное творение Бога, поскольку он богообразен и является посредником между Богом и миром. Человек – существо, принадлежащее не только к видимому, физическому миру, Земле, но и к невидимому, сверхчувственному, сверхъестественному миру, Космосу. Человек – существо не только материальное, но и духовное, он способен понять и охватить микрокосм, который внутри него, макрокосм и признать наличие нематериального мира (дуализм). Цель жизни человека – совершенствование себя в направлении высших сил; только реализовав эту цель, человек может изменить мир к лучшему. Человек – динамичное существо, находящееся на пути приближения к истине. Одно из условий совершенствования человека, уподобления Богу – образование (светское и религиозное) и религиозное воспитание.

В силу этого религиозная антропология, ее течения являются теоретическим фундаментом определенных педагогических систем. Одной из популярных нетрадиционных педагогических систем является так называемая вальдорфская педагогика. Она реализует, воплощает антропософские взгляды

Р. Штайнера, который ввел в научный оборот термин «антропософия» (мудрость, знание, рассуждение о человеке).

За последнее время происходит несомненное возвращение к христианской антропологии и различные авторы стремятся объединить, органически синтезировать данные современных наук и современной философии под углом христианского учения о человеке. Например, В.В. Медушевский утверждает, что адекватное познание человека как умной Божией красоты, как образа Божия, открыто иной антропологией – религиозной, христианской, святоотеческой. Ее не списывал с себя, как свой автопортрет, плотской человек, подобно Фрейду или Марксу. И она не писалась по воображению, мечтательно. Она была открыта святым подвижникам свыше, благодатью Святого Духа [5].

Культурная антропология воспринимает человека в связи с окружающей его культурой, социальными отношениями, традициями, в том числе и воспитательными. Ее интересы лежат в области взаимодействия человека и культуры, человека и группы и пр.

Психологическая антропология изучает человека как индивида (и тогда ее интерес – нейродинамические особенности психической деятельности людей) и как личность (и тогда она обращается к тем аспектам психики человека, которые позволяют ему жить в обществе).

Педагогическая антропология в процессе интеграции естественно-научных, философских, психологических, собственно педагогических и других представлений о человеке, создает целостный образ не только ребенка, но и воспитания, анализирует прецеденты и условия эффективности практического воплощения своих идей в деятельности педагогов, практических психологов, социальных педагогов, родителей.

Это позволяет констатировать, что и само словосочетание «педагогическая антропология», и ее идеи достаточно широко проникли в педагогику. Как отмечает В.А. Сластенин, антропологическое знание все более признается ядром профессиональной компетентности учителя, педагога, поскольку именно оно связывает цели, задачи, содержание, технологию образования в целостную гуманистическую систему. Именно антропологические знания позволяют осознанно использовать личностно-ориентированные педагогические технологии, приоритет субъектно-смыслового стиля деятельности учителя над информационным и добиваться результатов в обучении и воспитании учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Максакова В.И.** Педагогическая антропология. – М., 2001. – 208 с.
2. **Антропология:** Учеб. пособие / **Л. Тезако, Е. Кметинский.** – М., 2004. – 400 с.
3. **Философская энциклопедия:** в 5 т. – М., 1960. – Т. 1. – С. 78.
4. **Галкин О.А.** Внемлите ангельскому пенью (по страницам трудов профессора В.В. Медушевского). – Мн., 2000. – 320 с.
5. **Медушевский В.В.** Христианская антропология музыки. – М., 2004. – С. 2–3.

S U M M A R Y

In this article it is written about the polycey of the concept of anthropology. Special attention is paid to the questions of pedagogical anthropology. The contents and interconnection between pedagogical anthropology and anthropologies of other branches such as philosophy, religion, culture, psychology are considered.

Поступила в редакцию 25.02.2005

УДК 37(09)(430)

Е.В. Федорова

Социокультурные, политические и экономические предпосылки развития педагогического образования в Германии во второй половине XX века

Генезис современных инновационных процессов в образовании Германии базируется на ряде предпосылок социокультурного, политического и экономического характера. Различные аспекты данной проблемы рассматриваются в работах немецких и белорусских исследователей З. Блемеке, Х. Деберта,

Э. Глумплер, Т. Зандера, У. Зандфухса, Х. Кемниц, М. Лидтке, Х. Отто, Э. Терхарта, У. Уцерли, К.-Л. Фурка, Э. Фурманн, В. Штадельмана, Д. Шульца, Й. Шуценмайстера, В.И. Андреева, М.Ф. Арсентьевой, С.В. Лабоды, И.Н. Липкиной, В.П. Тарантея и др.

У. Зандфухс анализирует становление современного педагогического образования в Германии, опираясь на историю его развития, начиная с XVIII века. Влияние общественных трансформаций на развитие образования в целом и педагогического в частности исследуют В. Штадельман и Э. Терхарт. В работе К.-Л. Фурка рассматривается влияние на педагогическое образование школьной политики государства. Т. Зандер и Э. Терхарт уделяют особое внимание зависимости педагогического образования от рынка труда и состояния экономики. Процесс выравнивания содержательной подготовки педагогов для различных типов школ анализируется в работах Э. Терхарта и Д. Шульца. Т. Зандер акцентирует внимание на усилении влияния гражданского общества на образовательную политику государства. Й. Шуценмайстер в своем диссертационном

исследовании анализирует становление современных педагогических концепций в контексте изменения социальной роли педагогического образования. Х. Отто выделяет социокультурные предпосылки, определившие развитие педагогического образования в Германии во второй половине XX века. Э. Глумплер, М. Лидтке, З. Блемеке в своих исследованиях уделяют особое внимание развитию университетского педагогического образования. Х. Деберт, Э. Фурманн, Х. Кемниц подробно рассматривают развитие педагогического образования в ГДР, и, соответственно, после объединения Германии – в новых землях ФРГ. В работе У. Уцерли исследуется реформирование педагогического образования с конца 90-х годов в контексте Болонского процесса. В.И. Андреев глубоко анализирует различные компоненты системы образования в Германии в целом и в педагогическом образовании в частности. Этой же теме посвящена работа В.П. Тарантея и И.Н. Липкиной. М.Ф. Арсентьева уделяет особое внимание влиянию школьных реформ на немецкое педагогическое образование в 90-е годы XX века и раскрывает специфику структурных изменений и содержания обучения в его системе. С.В. Лабода акцентирует внимание на инновациях в сфере управления высшим образованием в ФРГ.

Основываясь на анализе работ вышеперечисленных авторов можно выделить следующие основные предпосылки, обусловившие динамику развития педагогического образования в Германии во второй половине XX века:

- реструктуризацию взаимоотношений «гражданское общество – государство»;
- влияние школьных реформ;
- изменение социальной роли высшего образования, в том числе педагогического;
- усиление зависимости педагогического образования от рынка труда;
- европеизацию педагогического образования в контексте Болонского процесса.

Реструктуризация взаимоотношений «гражданское общество – государство». Единство и противостояние гражданского общества и государства характеризует историю современного немецкого общества. Их взаимоотношения нестабильны, однако уже давно наметилась тенденция постепенного вторжения гражданского общества в сферу функций и деятельности государства. По мнению Т. Зандера [1], реструктуризация взаимоотношений «гражданское общество – государство» в сторону увеличения влияния общества и уменьшения влияния государства напрямую повлияла на усиление общественной составляющей в секторе образования, не исключая и педагогическое. В качестве подтверждения данного тезиса рассмотрим различные проекты реформирования системы образования, и, в частности, педагогического с 60-х годов XX века по настоящее время:

а) *Эгалитарные реформы* (конец 60-х – начало 70-х годов).

До середины 60-х годов высшее образование в Германии считалось элитным, поскольку только около 5–10% молодых людей имели возможность получить высшее образование, что было результатом жесткого отбора уже на уровне средней школы [1, с. 167]. Однако в середине 60-х годов началась массовая экспансия высшего образования. Процент молодых людей, желающих получить высшее, и в том числе педагогическое образование, стал стремительно расти, что и обусловило интеграцию учреждений педагогического образования (за исключением дошкольного образования и некоторых старейших педагогических колледжей) в университеты. Стоит отметить своеобразность данной интеграции, поскольку ей трудно, если вообще возможно, найти параллели в Европе. Вместо относительно легкого

способа создания при университетах педагогических факультетов, институтов, отделений и учреждений последипломного образования произошла формальная дисперсия педагогического образования в основные университетские факультеты и отделения.

б) *Анти-эгалитарные реформы (70-е – начало 80-х годов).*

После тяжелейшего экономического кризиса 1973/1974 годов на государственном уровне предпринималось множество попыток оградить систему высшего образования от переполнения быстро растущими потоками студентов. К середине 70-х годов количество студентов, желающих стать учителями, превысило все возможные нормы, тогда как количество профессорско-преподавательского состава, обслуживающего персонала, финансовое обеспечение и материально-техническая база университетов остались почти на прежнем уровне. В 1977 году министрами образования и Постоянной конференцией ректоров западно-германских университетов было заключено соглашение, в котором оговаривались основные условия «перегруженности» университетов студентами (вскоре достигшей более 100% !), которую они должны были выдержать в течение десяти лет [2]. Тем не менее, на протяжении данного периода и далее в университеты продолжало прибывать все большее и большее количество студентов. Основным инструментом, избранным правительственными институтами и университетами для решения данной проблемы, стала политика ограниченного набора (*numerus clausus*). Однако данная политика не могла эффективно противостоять потоку выпускников в вузы. И уже в 1977 году она была отменена федеральным правительством и правительствами земель, решившими сохранить прием в высшие учебные заведения открытым.

с) *Реформы в контексте объединения Германии (начало 90-х годов).*

Во время «холодной войны» политическая элита Западной Германии характеризовала свои действия как «ведение титанического сражения демократии против тоталитаризма, плюрализма против монизма, народного правления против партийно-государственного» [1, s. 168]. Подобная политика подразумевала, что население Восточной Европы десятки лет подвергалось угнетению и вводилось в заблуждение, а потому его необходимо было «переучить» по западногерманской модели. При этом после объединения Германии для этого использовался все тот же авторитарный подход: был осуществлен формальный перенос в Восточную Германию структур и норм системы образования Западной Германии, включая педагогическое образование. Правительство и специалисты по сравнительному образованию просто игнорировали факт наличия огромного количества нерешенных проблем в западной системе, которые также автоматически переносились в систему образования Восточной Германии. После объединения Германии всего за несколько лет в системе образования возникло столько новых проблем, сколько не было за все время существования бывшей ГДР [1, s. 169].

Таким образом, со временем стало очевидным, что многие тенденции развития системы образования выходят из-под контроля исключительно государственного управления и решать возникающие проблемы невозможно, опираясь лишь на политические меры.

Влияние школьных реформ. Если проследить динамику общественных дискуссий в сфере образования в Германии за последние 40 лет, можно установить, что определенные темы получили широкое развитие. К.-Л. Фурк в своих исследованиях говорит о своеобразной «карьере» этих тем [3]. Тема совершенствования общеобразовательной школы проходила красной нитью во всех дискуссиях, начиная с 100-го заседания Конференции министров

культуры (КМК) 1964 года и достигла своей кульминации к середине 80-х годов. Логическим продолжением дискуссий о реформировании школьного образования стал рост общественного интереса к вопросам реформирования системы подготовки педагогов в 60-х – начале 70-х годов прошлого века. Так, в 1968 году министр культуры Нижней Саксонии Р. Лангхайне высказался следующим образом [3, s. 27]: «На педагогическое образование должна быть возложена функция развития образовательных и школьных концепций. Успешность ее исполнения будет зависеть от того, насколько эффективно будет реализовываться взаимопроницаемость, интеграция и кооперация педагогического образования и практики преподавания». В то время, однако, не удалось прийти к единому мнению по поводу способов реализации поставленных задач, поскольку существовали значительные разногласия в образовательной политике земель, в которых у власти находились представители двух наиболее жестких политических оппонентов – Социал-демократической партии Германии (СПД) и Христианско-демократического союза (ХДС) [3, s. 26].

И уже в начале 90-х годов проблема педагогического образования вновь оказывается на острие общественных дискуссий. Инициированная Гамбургом [2] тема «Стране нужны новые учителя» получила широкий общественный резонанс. Ключевыми направлениями данной дискуссии являются обеспечение эффективной связи теории и практики в педагогическом образовании, пересмотр требований к профессии учителя, разработка новых концепций непрерывного образования, развитие школьной автономии, оптимизация работы школы.

Стремление к достижению общенационального согласия в вопросах школьной политики и педагогического образования во многом сгладило существовавшие в 90-е годы противоречия. Более того, в 1999 году Германия присоединилась к Болонской декларации о формировании единого европейского образовательного пространства.

Изменение социальной роли высшего образования, в том числе педагогического. В 50–60-е годы карьера выпускников школ, получивших диплом (Abitur), в Западной Германии была абсолютно предсказуемой: у них не возникало проблем с выбором университета или педагогического вуза и двух-трех предметов специализации. При этом, несмотря на факт обязательного изучения психологии и педагогики, для получения диплома преподавателя любой категории, учебные курсы не обеспечивали фундаментальную педагогическую подготовку. Но при условии успешной сдачи выпускного экзамена студенты получали квалификацию учителя, гарантию трудоустройства и свободу выбора места будущей работы. Если сравнивать подобное положение дел с ситуацией в настоящее время, то можно констатировать, что она кардинально изменилась: ни в начале, ни к концу учебы в университете современные будущие педагоги не имеют гарантий трудоустройства. За последние несколько десятилетий диплом учителя утратил свою былую престижность, поскольку он больше не открывает дорогу к высокооплачиваемой работе

[1, s. 177]. Стоит также отметить, что серьезные проблемы в педагогическом образовании коснулись не только финансирования, материальной базы и карьерных перспектив, но и процессов обучения и учения. Постепенно акцент сместился с результативности обучения на сам его процесс, который стал приобретать характерные черты образа жизни. Многие студенты не заинтересованы в четком планировании сроков учебы в университете, их вполне устраивает студенческий статус. В настоящее время вопросы будущей карьеры часто остаются открытыми до окончания обучения и даже дольше.

Усиление зависимости педагогического образования от рынка труда.

Параллельно с ростом количества дипломированных учителей на рынке труда происходили обратные процессы, т.е. количество рабочих мест заметно сокращалось. Проблема трудоустройства обозначилась уже во время кризиса 1977 года, а в период одного из самых тяжелых кризисов на рынке труда в 1979–1982 гг. приобрела неутешительные масштабы. Поскольку в середине 80-х годов только примерно 10% квалифицированных педагогов могли рассчитывать на трудоустройство, основные потоки студентов изменили направление с педагогических, в основном, на экономические и юридические специальности. Таким образом, зачастую решение о поступлении в университет и выбор специальности стали связываться не только с получением профессиональной подготовки, но и с развитием ситуации на рынке труда, что, в свою очередь, вывело высшее образование в разряд одного из ведущих инструментов его регулирования. При этом прослеживается гибкая обратная связь рынка труда и педагогического образования.

Одним из ведущих векторов развития современного рынка труда в Германии является ориентация на общеевропейский рынок труда. В условиях не очень благополучной ситуации с трудоустройством, серьезной конкуренцией в сфере образования и предъявлением высоких требований к квалификации современных специалистов в Европе, Германия активно включилась в процесс создания единого европейского образовательного пространства, что, согласно Болонской декларации, требует кардинального реформирования системы высшего образования, частью которой является и педагогическое образование.

Европеизация педагогического образования в контексте Болонского процесса. 19 июня 1999 года в итальянском городе Болонья представителями 29 стран была подписана декларация, обозначившая основные направления и меры формирования единого европейского образовательного пространства, что предусматривает проведение реформ национальных систем высшего образования до 2010 года во всех присоединившихся к нему странах [4]. Педагогическое образование, являясь составной частью системы высшего образования Германии, в настоящее время также реформируется. Одним из основных компонентов Болонского процесса является разделение общего учебного курса на 2 цикла – *бакалаврский* и *магистерский*. Курс обучения в бакалавриате обеспечивает получение профессиональной квалификации, основ научной подготовки, методической компетенции. Обучение в магистратуре по профильной специальности направлено на изучение прикладных и научных дисциплин и продолжает специализацию, полученную в бакалавриате. Обучение в бакалавриате на педагогических специальностях длится 3 года: 90–120 недель для будущих учителей начальных, базовых, реальных школ, гимназий и профессиональных колледжей [5]. После окончания обучения, защиты выпускных работ и сдачи экзаменов присваиваются степени бакалавра либо магистра искусств, с выдачей диплома и приложения с указанием среднего балла успеваемости по дисциплинам обучения. В будущем дополнением к диплому станет также личное *портфолио*, в котором будет подробно отражаться учебная и профессиональная биография учителя [6].

Еще одним важным направлением Болонского процесса является *модулирование* учебных курсов. В педагогическом образовании в первую очередь модулируется первая фаза обучения, при этом изменения касаются не только организационного и структурного аспектов, но и

содержательного, который обновляется и освобождается от лишних компонентов [6, s. 10]. Обновление второй фазы педагогического образования (референдарата) в контексте Болонского процесса также неизбежно. Для этого необходимо разработать механизмы тесного сотрудничества и кооперации всех участвующих институтов и организаций, что, помимо всего прочего, подготовит базу для реализации третьей фазы – утверждения системы усовершенствования, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров на протяжении всей карьерной биографии.

В заключение следует отметить, что нововведения являются одним из важнейших факторов развития системы высшего образования и педагогического образования как его составляющей. Социокультурные, политические и экономические предпосылки развития педагогического образования в Германии во второй половине XX века лежат в основе генезиса современных инновационных процессов. Реструктуризация взаимоотношений «гражданское общество – государство» привела к экспансии высшего образования, и, как следствие, к интеграции учреждений педагогического образования в университеты. Социальные трансформации, развитие науки и техники, реформы школьной системы обусловили возникновение новых требований к квалификации и профессионализму учителя, что повлияло на значительное изменение социальной роли педагогического образования. Демографические перепады и экономические кризисы в Германии второй половины XX века привели к усилению зависимости педагогического образования от рынка труда, который в настоящее время во многом ориентируется на общеевропейский рынок. Конец XX века положил начало Болонскому процессу, направленному на европеизацию национальных систем образования, подключившихся к нему стран. На протяжении последних 5 лет педагогическое образование в Германии переживает настоящий бум инновационных процессов, фундаментом и катализатором которых является динамика его развития.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Teacher Education in Europe**. National reports prepared for a European Evaluation Conference held at the Universität Osnabrück, Germany, June 23 and 24, 1995 //
2. T. Sander. Dynamics of Teacher Education in Germany in the context of social change, D-49069. – S. 66.
3. **Bastian J.** u.a. (Hg.): Zur Revision der Lehrerbildung in Hamburg, Dokumentation einer Tagung des Fachbereichs Erziehungswissenschaft und des Amts für Schule. Heft 6, Hamburg, 1993. – S. 73.
4. **Günter-Arndt H.** u.a. (Hg.): Revision der Lehrerbildung, Oldenburg, 1995. – S. 22.
6. **Андреев В.И.** Система образования в ФРГ. – Мн., 1993. – С. 79.
7. **Лабода С.В.** Инновации в сфере управления высшим образованием в ФРГ // Адукацыя і выхаванне, 2001, № 4. – С. 65.
8. **Uzerli U.** Der Bologna-Prozess in der Lehrerbildung. In: P. Döbrich, B. Frommelt (Hg.): Europäisierung und Reform der Lehrerausbildung in Hessen und Rheinland-Pfalz. Materialien zur Bildungsforschung, Band 9, 2004. – S. 4.

S U M M A R Y

In the article a cluster of the premises, that led to the development of the Teacher training education in Germany in the second part of XXth century is given. The complex of sociocultural, political and economical premises was made up basing on the detailed analysis of German and Belarusian originals and sources.

Поступила в редакцию 30.05.2005

Идеи Я. Корчака в контексте современности: признание прав ребенка

Ориентируясь на приоритет общечеловеческих ценностей, Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах ребенка, ставшую «великой хартией воляности для детей, мировой конституцией прав ребенка» [1]. Но и сегодня обращение к проблеме знания прав ребенка и их реализации является особенно актуальной, так как не редки случаи недостойного или жестокого обращения с детьми, физического, сексуального, эмоционального насилия, которые лишают детей их равных прав или свобод или влияют на их оптимальное развитие.

Социальный статус ребенка предполагает узаконенную и гарантируемую на государственном уровне поддержку детей взрослыми с целью достижения максимально полного раскрытия потенциала развивающейся личности на каждом возрастном этапе. Но одной из наиболее характерных особенностей сегодняшнего положения детей в современном мире является то, что реально их жизнь протекает в условиях жесткой социальной дифференциации, дегуманизирующей пространство их детства, в условиях тяжелейших испытаний: войн, депортации, геноцида, стихийных бедствий, голода, болезней, бедности, насилия всех видов. Специалисты выделяют в современном детском сообществе несколько групп детей, которые являются жертвами социума. Речь идет о детях группы «социального риска» – это безнадзорные дети, попавшие в неблагоприятные условия социализации и нуждающиеся в социально-психологической реабилитации; дети, подвергающиеся системному воздействию дезинтегрирующих факторов; дети, постоянно нарушающие по тем или иным причинам социальные нормы. К этой группе детей относят детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей-бомжей и бродяг, имеющих склонность к девиантному поведению. Особой приметой нашего времени является ускорение темпов роста социального сиротства (сироты при живых родителях).

В сложившейся противоречивой ситуации обращение к историко-педагогическим гуманистическим системам прошлого, хранящим концептуальные схемы и обобщения, нуждающиеся в творческом переосмыслении и рациональном использовании в современной социокультурной ситуации, позволит проследить национально-исторические особенности подхода к проблеме уважения и соблюдения прав ребенка в области образования и специфику его практической реализации.

Проблема признания прав ребенка в педагогической науке обсуждалась и ранее. Традиционность этой проблемы проявляется в ее основанности на прогрессивных педагогических идеях, обеспечивающей преемственность гуманистически ориентированных мировоззренческих идеалов. Идеи, обусловившие впоследствии разработку гуманистической концепции прав ребенка, коренятся в теоретических изысканиях и образовательной практике классической педагогики:

- отказ от авторитарного подавления ребенка в воспитательном процессе;
- личностно-ориентированная цель образования и воспитания;

- осуществление индивидуального подхода в процессе развития ребенка;
- признание самоценности личности ребенка;
- природосообразность воспитания;
- гуманистический стиль общения в диаде «учитель – ученик».

В начале XX в. в русле реформаторской педагогики эти прогрессивные идеи были переосмыслены, творчески дополнены и воспроизведены в педагогической практике как результат внешней, социокультурной детерминации и ценностного выбора субъектов педагогической реальности.

В современной педагогической науке впервые попытка систематизировать права ребенка, разработанные и реализованные в реформаторской педагогике, была предпринята Р.А. Валеевой [2] в докторском исследовании, выделившей три основные «правовые» подсистемы (социальную, средовую (физическую), личностную) на основании анализа педагогического наследия педагогов-гуманистов первой половины XX в. Э. Кей, Л. Гурлитта, Я. Корчака, А. Нейла, Г. Винекена, С. Френе.

1 группа прав – «социальная подсистема» – представляет права ребенка на более высокий социальный статус. Сюда отнесены права детей на равенство со взрослыми, на обсуждение общих проблем, на защиту от произвола взрослых, на свободный обмен мнениями и высказываниями по любому вопросу, на участие в рассуждениях и приговорах о себе. Право на защиту своего здоровья, право на тайну и на отклонения тяжелой работы роста, право на самоуправление, на самостоятельное управление своей жизнью, право на собственность как на уважение к личным вещам и деньгам, на уважение сегодняшнего дня и текущего часа ребенка (ребенок живет сегодня, и он ценен как индивидуальность именно сегодня).

2 группа прав – это физическая, или «средовая». Эта группа включает в себя требования контроля над окружающей средой ребенка и основное право на адекватную окружающую среду. Результатом реализации этого права ребенка стали учреждения педагогов-гуманистов в первой половине XX в., находившиеся в прекрасных природных условиях и отличавшиеся тщательно продуманным устройством бытовых условий для нормального физического и психического развития детей.

3 группа – «личностные права». Это права, связанные с внутренней жизнью ребенка, носящие субъективный характер. Личностная подсистема прав ребенка включает право на уважение его незнания и труда познания, на уважение его неудач и слез, его мистерии исправления, на уважение усилий и доверчивости, право быть тем, что он есть, право на использование своих достоинств и сокрытие недостатков и т.д. Одним из главных прав является право ребенка быть самим собой. Признание этого права не означает педагогической пассивности – речь идет о ненасилии над природой ребенка, об отказе подвести его под стандарт или привести в соответствие с целями, которые поставили перед собой взрослые. Выходы из тупиков насильственного воздействия на ребенка педагоги-гуманисты видели в бережном отношении к детям. Признавая право ребенка быть тем, что он есть, воспитатель создает условия для развития ребенка, проявляя доброжелательность и понимание.

С позиций предложенной классификации рассмотрим специфичность концепции прав ребенка в контексте гуманистической теории воспитания польского педагога, писателя, психолога Я. Корчака. Я. Корчаку принадлежит одна из самых оригинальных концепций детства, разработанных в XX в. Основные ее идеи могут быть сведены к следующему: говорить о ребенке можно только рассматривая его жизнь на фоне общества. Эта идея стала фундаментом уникальной, единственной в своем роде истории общества, в

центре которой взаимоотношение двух неравноправных классов – «класса взрослых» и

«класса детей». По Я. Корчаку, власть в обществе принадлежит «классу взрослых», которые считают детей своей собственностью, не способны встать на их место и потому не понимают их и не умеют их любить. Дети в обществе – главная страдающая сторона. Отношение взрослых к детям

Я. Корчак назвал «протекционизмом», понимая под этим демонстративное покровительство взрослыми детей, постоянное желание им помогать, защищать, все делать за них. Такая позиция, по мнению Я. Корчака, существенно отличается от права ребенка на уважение, от права ребенка быть таким, каким он хочет или может быть, от права быть собой.

Борьба за права ребенка была наиболее характерной чертой педагогики Я. Корчака. Во всех своих произведениях, как литературных, так и педагогических, в своей практической деятельности и легендарной смерти со своими питомцами в крематории концлагеря Треблинка педагог-гуманист выступает глашатаем прав каждого ребенка, в особенности ребенка, требующего опеки. Особенно знаменателен в этом отношении его своеобразный педагогический манифест «Право ребенка на уважение» [3]. Все права, представленные в классификации Р.А. Валеевой, были подробно описаны и проанализированы Я. Корчаком, добавившим к ним еще одно право ребенка – его право на смерть, которое явилось специфическим элементом классического канона гуманистической мысли Я. Корчака в условиях фашистской оккупации. Это особое право ребенка на уважение в условиях войны, право на то, чтобы он был тем, чем есть, защита детства от унижения и растрепания, право на достойную смерть. Новаторский подход Я. Корчака к проблеме прав детей обусловлен всем диалектическим видением ребенка, представленным следующим образом в концепции польского педагога-гуманиста: «... первое неоспоримое желание ребенка – высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы **доращем** до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше» [3, с. 46].

Принцип уважения личности ребенка и его прав в воспитательной системе польского педагога является не просто предметом теории и рефлексии, но становится важнейшим средством воспитания человечности. Гуманизм педагогики Я. Корчака отличался, прежде всего, своей действенностью – жизнь детей в его детских домах, воспитательная система, которую он в них организовал, строились на этом принципе и способствовали созданию особой нравственной атмосферы в среде взрослых и детей. Я. Корчак не только продекларировал права детей, но всем устройством жизни своих воспитанников обеспечивал их реализацию: это работа органов детского самоуправления (деятельность суда, сейма, плебисцита); это организация нравственного и трудового воспитания; это сам распорядок жизни, режим, дух и атмосфера того помещения, где жили и воспитывались дети.

Таким образом, взгляды Я. Корчака на проблему определения, признания и уважения прав детей, безусловно, имеют свою научно-педагогическую ценность, но основная значимость заключается в их действенности, практической реализации в детских домах.

Научно-педагогические работы и практическая деятельность педагогов-гуманистов первой половины XX в., деятельность различных международных обществ по защите детей предопределили принятие Декларации прав ребенка, известной под названием «Женевской декларации», по предложению Международного союза опеки над ребенком 26.09.1924 г. Этот документ имел определенное историческое значение, так как в нем впервые

была подчеркнута необходимость заботы о детях «ввиду их физической и умственной незрелости» [3], однако высокой оценки у современников он не получил. Я. Корчак отмечает, что «Женевские законодатели спутали обязанности и права: тон декларации не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности» [3, с. 15]. Потому в его собственных произведениях звучит призыв к борьбе за права ребенка.

Актуальность и современность взглядов известнейшего врача, педагога, психолога и писателя Я. Корчака на проблему признания и уважения прав ребенка проявляются в том, что они послужили основой позиции польских гуманистов, выступивших в 1978 г. с идеей создания Конвенции о правах ребенка, принятой ООН в 1989 г. Данный документ включает 54 статьи, учитывающие практически все моменты, связанные с жизнью и положением ребенка в обществе [1].

Одной из парадоксальных идей Я. Корчака является идея о том, что воспитатель не только отвечает перед обществом за воспитание детей, но отвечает перед ребенком за общество. Эта идея весьма актуальна для современных педагогов Беларуси. Основанием для надежды на решение проблем детства является то, что вопросы защиты прав детей становятся приоритетными на национальном уровне. В Беларуси принят ряд значимых программных документов и законов, закрепляющих принципы и нормы ратифицированной Конвенции, в частности, Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» 19.11.1993 г. [4], создавший основу социально-правового механизма по защите прав детей в Республике Беларусь, предусматривающего сбалансированность правовой, социально-экономической, психолого-педагогической помощи детям различных категорий в условиях жизнедеятельности в семье, в обществе, в неблагоприятных и экстремальных ситуациях. Несомненно, в этих условиях возрастает роль педагога как своеобразного уполномоченного по правам ребенка в школе, возрастает его ответственность за здоровье детей и их развитие.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что основная цель проводимых сегодня дискуссий о правах ребенка на политическом, педагогическом, социальном уровнях заключается в обязательном переходе от простой моральной поддержки детства к конкретным мерам, способным существенно улучшить положение маленьких граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Конвенция о правах ребенка. Декларация о правах ребенка.** – Режим доступа: <http://www.un.minsk.by/ru/documents/humrights/pravarebenka/>.
2. **Валеева Р.А.** Теория и практика гуманистического воспитания в европейской педагогике (первая половина XX в.): дис. на соискание ученой степени доктора пед. наук: 13.00.01. – Казань, 1997. – 209 с.
3. **Корчак Я.** Как любить ребенка: Книга о воспитании. – М., 1990. – 493 с.
4. **Закон Республики Беларусь «О правах ребенка».** – Режим доступа: <http://www.promedia.by/library/onlinebooks/FreedomSpeaks23h>.

S U M M A R Y

Appealing to J. Korczak's pedagogical system helps to observe national and historical peculiarities of the problem of esteeming children's rights and freedoms and the ways of practical usage nowadays.

Поступила в редакцию 10.03.2005

Обучение выполнению чертежей деталей в графической подготовке студентов

Графические средства информации – чертеж, эскиз, схема, график широко используются во многих сферах жизни и деятельности человека. Графические изображения характеризуются образностью, символичностью, компактностью, относительной легкостью чтения. Формирование знаний о методах графического предъявления и восприятия информации является одной из составляющих задач, стоящих перед учебными заведениями.

На художественно-графическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова осуществляется графическая подготовка студентов, которая заключается в совокупности знаний о способах, средствах, правилах отображения и чтения графической информации, ее сохранения и использования в науке, производстве, архитектуре. Овладение профессиональными графическими знаниями и умениями происходит в процессе графической деятельности студентов.

В составе графической деятельности выделено четыре основных компонента: наблюдение, измерение, построение и чтение чертежа [1]. Поскольку чертеж содержит графическую и знаковую информацию, следовательно, в процессе графической деятельности, при чтении и выполнении чертежа происходит «...восприятие и формирование комбинированной информационной модели. Это значит, что чертеж является представителем знаково-графической информационной модели» [2].

Выполнение чертежей и эскизов деталей с натуры является одним из компонентов графической деятельности при изучении раздела «Изображение на чертежах деталей машин и их элементов» в курсе «Техническая графика» [2, с. 24].

Чертежи и эскизы являются графическим средством передачи мысли конструктора и содержат большой объем информации об изделиях. Например, чертеж детали (рис. 1) дает сведения о ее геометрической форме, размерах, материале, содержит требования к точности изготовления и обработки в соответствии с условиями работы. Знаково-графическую информацию чертежа можно условно разделить на блоки: масштаб изображения; шрифт; линии чертежа; форма детали; виды; сечения и разрезы; нанесение размеров; резьбы; шероховатость поверхностей.

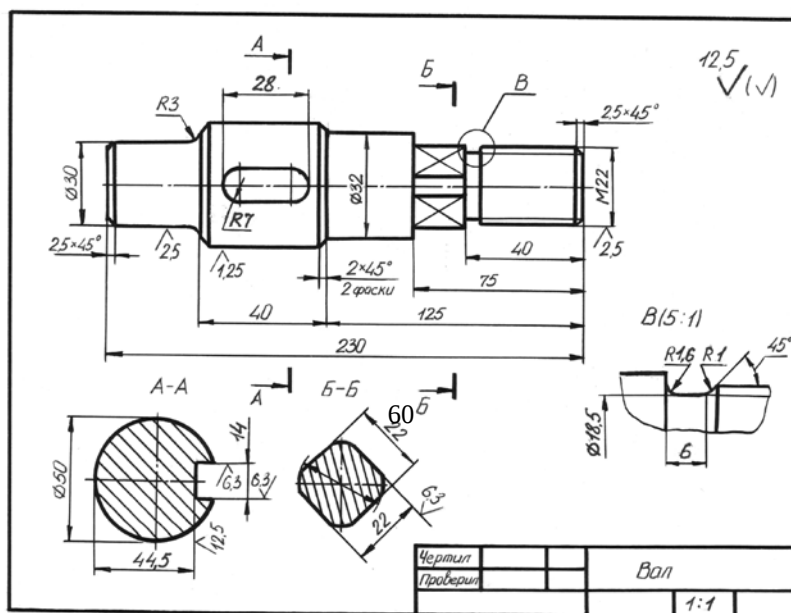

Рис. 1.

С позиции соответствия графической информации чертежа детали требованиям стандартов (ГОСТ) было проверено 375 графических работ, выполненных студентами дневного отделения ХГФ, и 192 – заочного отделения. Результаты проверки представлены в виде диаграмм (рис. 2).

Как видно из рис. 2, по геометрическому и проекционному черчению наибольшее количество ошибок допущено в изображении линий чертежа (15% и 6%), сечений и разрезов (5% и 8%) и т.д.

Поскольку разделы геометрического и проекционного черчения не являются проблемой нашего исследования, остановимся подробнее на анализе ошибок машиностроительного черчения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество чертежей содержат несоответствия ГОСТ 2.307-84 – «Нанесение размеров»,

ГОСТ 2.309-84 – «Обозначение шероховатости поверхностей», ГОСТ 2.311-84 – «Изображение резьбы».

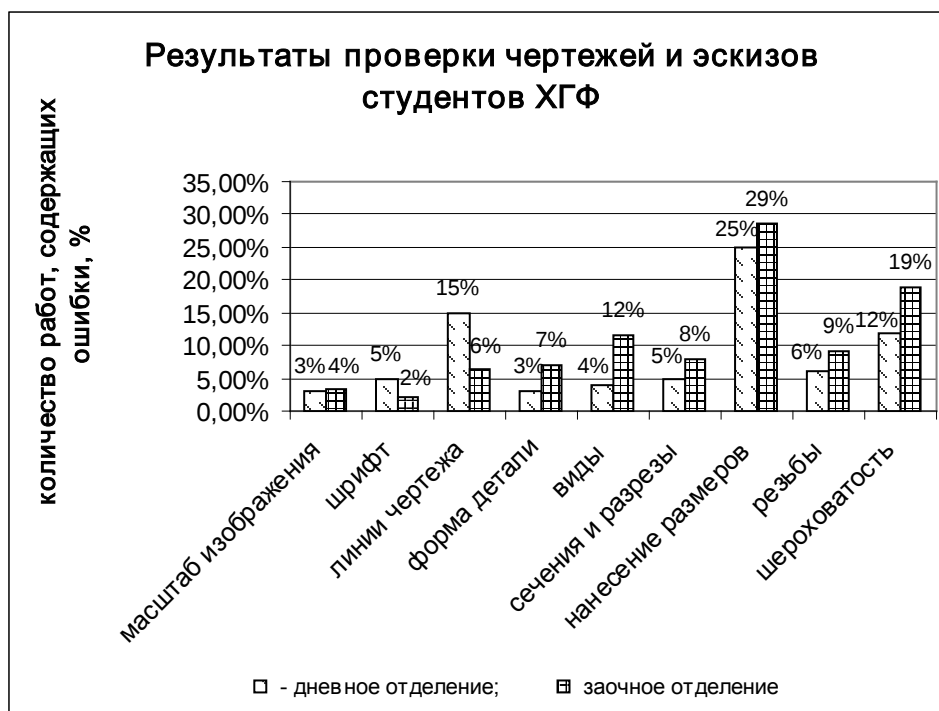

Рис. 2.

Наряду с этим различаются показатели количества ошибок, допущенных студентами стационарного обучения и заочного отделения: соответственно 25% и 29% – по нанесению размеров; 12% и 19% – в обозначении шероховатости поверхностей; 6% и 9% – в обозначении и изображении резьбы. Такую ситуацию можно объяснить недостаточностью или отсутствием консультаций в процессе выполнения контрольных графических работ студентами заочного отделения.

Как показала проверка, наибольшие затруднения вызывает тема «Нанесение размеров». Чаще всего не соблюдаются способы нанесения размеров (цепной, координатный, комбинированный). Присутствуют также ошибки в указании координат отдельных элементов детали (отверстий,

шпоночных пазов, проточек и т.п.) от базовых поверхностей. Размеры лысок, шестиугольников зачастую нанесены без учета измерительных баз. Не указано количество одинаковых фасок и отверстий, иногда размеры нанесены не в полном объеме. Некоторые студенты неправильно наносят обозначения диаметра ($\varnothing$) и радиуса (R).

Такие результаты являются следствием геометрического подхода к формированию размерной сетки, чему способствует то обстоятельство, что условия графических заданий, содержащихся в учебной и методической литературе, имеют уже нанесенные размеры, и студенты не испытывают трудности в их перечерчивании. Исключением являются лишь эскизы и чертежи деталей, выполняемые с натуры.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что при обучении правилам нанесения размеров на чертежах необходимо учитывать не только сведения геометрического характера (структуру размерной стрелки, толщину и взаимное расположение размерных и выносных линий, форму знаков $\varnothing$, $\}$, R и др.), но и технологические требования к конструкциям деталей, способам их обработки, условиям эксплуатации (определение баз – конструкторских, технологических, измерительных, нанесение размеров цепным, координатным, комбинированным способами). Это значит, что в содержание графических работ по выполнению эскизов и чертежей деталей целесообразно включать задания по нанесению размеров с соблюдением конструкторских и технологических требований, что позволит сформировать у студентов всесторонний подход к решению проблемы и повысить качество выполняемых чертежей.

Как видно из рис. 1, чертеж детали содержит также знаковую информацию о шероховатости поверхностей. Результаты проверки (рис. 2) показали, что студентами не всегда выполняются правила нанесения шероховатости поверхностей по следующим характеристикам:

- все поверхности детали одинаковой шероховатости;
- часть поверхностей детали одинаковой шероховатости;
- различные классы шероховатости, включая поверхности, не обрабатываемые по данному чертежу;
- правила обозначения шероховатости по параметрам Ra и Rz.

Для закрепления теоретических сведений по данной теме и приобретения практических навыков целесообразно использовать упражнения следующего характера: *«Прочитайте условные обозначения шероховатости поверхностей», «Нанесите обозначение шероховатости резьбовой поверхности – Ra 2,5», «Укажите шероховатость детали по контуру – Ra 6,3», «Нанесите шероховатость поверхности отверстия – Rz 20, а всех остальных поверхностей – в состоянии поставки (литье)» и т.п.*

Недостаточно глубоко усваиваются студентами и правила изображения и нанесения резьбы на чертежах (рис. 2). Для повышения эффективности процесса обучения по данной теме нами разработана и внедрена в учебный процесс методика изучения теоретического материала блоками опорной информации (БОИ). Сущность методики заключается в том, что основополагающие сведения, закодированные в символах, буквах, словах, формулах излагаются в логической последовательности факторами, правилами, принципами, которые мы называли «опорной информацией». При этом единую логическую цепь содержания материала составляют отдельные блоки, представляющие собой завершённое звено логической цепи содержания материала, выраженного в визуальной форме. Такое распределение материала позволяет запечатлеть в памяти обучаемых основную (опорную) информацию и, следовательно, лучше усвоить большой объем учебного материала.

Например, основную информацию о самой распространенной резьбе – метрической – можно представить из трех БОИ (рис. 3):

- **первый блок** характеризует параметры резьбы: буква «М» – символ условного обозначения, профиль – равносторонний треугольник с плоско срезанными вершинами, «d» – номинальный диаметр, «р» – шаг резьбы, «α» – угол профиля ($\alpha = 60^\circ$);
- **второй блок** информирует о составе условного обозначения в зависимости от крупного или мелкого шага;
- **третий блок** – итоговый – сообщает правила изображения резьбы на чертежах (наружной и внутренней) и нанесения ее условного обозначения. Причем эта информация сопровождается словесными сигналами типа «зависит от «р» (имеется в виду размер фаски), «граница резьбы» (обращается внимание на сплошную толстую основную линию), «фаску не изображать» (на проекциях, где резьба изображается окружностями).

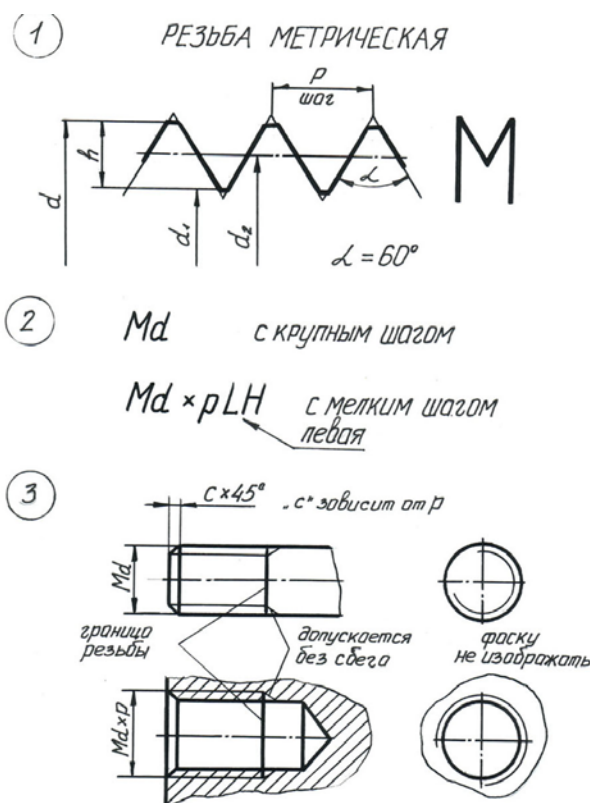

Рис. 3.

Неотъемлемой частью учебного процесса является контроль полученных знаний. Не исключая традиционной формы контроля – дифференцированного семестрового зачета, мы разработали и внедряем в учебный процесс тестовые задания по темам «Стандартные резьбы», «Шероховатость поверхностей», «Допуски и посадки» и др.

Вышеизложенные дидактические средства обучения способствуют активизации учебного процесса и повышению уровня профессиональной графической подготовки студентов художественно-графических факультетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ломов Б.Ф.** Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. – М., 1991. – С. 158.
2. **Рыбакова Т.И.** Психологические аспекты обучения машиностроительному черчению // Веснік ВДУ, 1997, № 3(5). – С. 21–26.

S U M M A R Y

The exercises that can raise level of graphical skills of students of artistically graphical faculty are described in this article.

Поступила в редакцию 31.01.2005

Роль психологических защит и копинг-стратегий в адаптации личности

Адаптация является одним из базисных процессов человеческого организма. Она определяется как активный процесс приобретения (выработки) организмом устойчивости к воздействиям внешней и внутренней среды. Как правило, такие воздействия определяются в терминах «стрессовых», «дистрессовых» и «трудных жизненных» ситуаций.

При изучении стресса традиционно анализируются четыре его элемента: источник стресса (стрессор); оценка стрессора (физиологическая/психологическая); процессы совладания со стрессовой ситуацией; комплексное воздействие на тело и психику – реакция на стресс. По мнению

Р. Лазаруса, психологический и физиологический стресс требуют разных уровней анализа. Он высказал гипотезу о том, что преодоление стресса может выражаться как в форме непосредственных двигательных реакций, так и в форме временного облегчения. *Непосредственные двигательные реакции* относятся к реальному поведению, направленному на изменение взаимоотношений человека с окружающей средой, и могут иметь несколько форм: подготовку к защите от вредных воздействий, агрессию, избегание (пассивность). Под понятием «избегание» Р. Лазарус подразумевал удаление от реально существующей опасности или угрозы.

Временное облегчение выражается в смягчении страданий, связанных с переживаниями стресса, и в уменьшении психофизического воздействия. Временного облегчения можно добиться разными способами. Р. Лазарус различает два способа: симптоматический и интрапсихический. Первый способ включает употребление алкоголя, транквилизаторов и седативных препаратов, аутогенные тренировки, мышечную релаксацию и применение других методик, направленных на улучшение физического состояния человека. Интрапсихический способ временного облегчения рассматривается в плане механизмов когнитивной защиты. Р. Лазарус считает, что наибольшее значение имеют следующие защитные механизмы, выделенные З. Фрейдом: идентификацию, перенос, подавление, отрицание, проекцию и рационализацию [1].

Роль психологических защит в социальной адаптации личности впервые формулируется именно в психоанализе. Там же определяется и критерий эффективности отдельных механизмов: механизм эффективен, если он способен полностью освободить субъекта от переживаний. Параллельно с психоаналитическим возникает принципиально иной взгляд на механизмы защит. Они определяются не как искажающие реальность, а как постоянно действующие и выполняющие функцию «помощи» в работе над собой. Такое понимание реализуется в отечественной психологии личности (Ф.В. Бассин, 1988) и в патопсихологии (Б.В. Зейгарник, 1982). Изменяется и взгляд на критерий эффективности защитного поведения: защита признается эффективной, если она не редуцирует конфликт, а, наоборот, обостряет его

для дальнейшей проработки [2]. Такого же мнения придерживается и А.Б. Добрович, высказывая мнение о том, что «развертывание механизмов психологической защиты парадоксальным образом приводит подчас к усугублению патологического статуса субъекта» [3]. Таким образом, здесь приходят в столкновение две крайние точки зрения на роль механизмов защиты в адаптации личности. Так, в соответствии с психоаналитическим подходом, логично предположить, что действие механизмов защиты повлечет за собой мгновенное облегчение состояния личности вследствие переработки травмирующего материала. Это подтверждается и определением понятия «психологическая защита» в словаре под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского: «Функцией психологической защиты является «ограждение» сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний... Результатом успешной психологической защиты является прекращение импульсов, провоцирующих тревогу, неуспешная защита оказывается не в состоянии сделать это и потому вызывает их постоянное повторение». Однако авторы также оговаривают, что «конкретное отнесение защитных механизмов в категорию успешных или неуспешных различно у разных авторов» [4]. И.М. Никольская заявляет о том, что «наиболее мощный критерий эффективности действия защитных механизмов – ликвидация тревоги и избавление от страха» [5]. По ее мнению, дезадаптивное поведение не демонстрирует недостаточную эффективность используемых психологических защит. Напротив, социально-неодобряемые стратегии поведения так же, как и социально-одобряемые, помогают личности справиться с внутренним напряжением и беспокойством. Таким образом, нельзя ставить знак равенства между социальной адаптивностью личности и эффективностью используемых ею психологических защит [5, с. 259–260].

Современные психотерапевты, работающие в психодраме, гештальт-терапии, психосинтезе, преодолевают в своей практической деятельности ограничения этих крайних точек зрения на роль механизмов психологической защиты. Существующие недостатки функционирования механизмов психологической защиты (ригидность, мгновенный эффект, разовое снижение напряжения, искажение восприятия ситуации) заставляют ограничивать их влияние. Такой эффект достигается путем переживания ранее вытесненного. На первом этапе такой психотерапии личность незащищена перед угрозой, что вызывает рост тревоги и напряжения. Это означает возникновение предпосылок для обучения личности более эффективным способам поведения в стрессовой ситуации – копинг-поведению. Е.В. Чумаковой была обоснована возможность обучения совладанию – то есть применению осознанных стратегий за счет овладения определенной последовательностью действий, которая может быть описана и воспринята человеком [5, с. 76–81].

Однако думается, что можно говорить и о том, что в некоторых условиях так называемые «недостатки» психологических защит могут становиться достоинствами, с помощью которых без лишних энергетических затрат достигается благополучие личности.

В то же время в трудных жизненных ситуациях личность часто прибегает к осознанным стратегиям преодоления (совладания). Сам термин совладания (coping behavior) существует в словарях психологических и психоаналитических терминов, например, в словаре Н.В. English и А.С. English, уже с 1958 года. Он трактуется как «действие, позволяющее приспособиться к окружающим обстоятельствам» [6]. В повседневной жизни люди редко пользуются этим

понятием для обозначения тех осознанных усилий, которые они предпринимают, сталкиваясь как с повседневными трудностями, так и со значительными тяжелыми событиями. Возможно, это происходит потому, что стратегии совладания трудно назвать одним словом, так как они обнаруживают себя в различных сферах: в поведенческой, когнитивной и эмоциональной. Каждый автор находит свой термин для обозначения определенной копинг-стратегии в каждой из этих сфер. Так, Е.И. Чехлатый и Н.В. Веселова в своем исследовании стратегий совладания у больных неврозами выделяют следующие варианты копинг-поведения: в поведенческой сфере – отвлечение, альтруизм, активное избегание, компенсация, конструктивная активность, сотрудничество и др.; в когнитивной – игнорирование, смирение, проблемный анализ, религиозность, растерянность, придача смысла, диссимиляция и др.; в эмоциональной – протест, подавление эмоций, оптимизм, покорность, самообвинение, агрессивность и др. [7].

Многие зарубежные авторы (Band, Miller, Murphy, Wertlieb, Peterson, Band) предлагают свои концептуальные модели, в которых рассматривают способы совладания со стрессом. Как мы увидим, все они берут свои истоки в теории Р. Лазаруса. Со временем его дифференциация двух форм преодоления приобрела другой вид, но сохранила свой смысл. Так, реальное поведение, изменяющее отношения индивида с окружением и стрессовую ситуацию, называется теперь проблемно-ориентированным совладанием. Активность, направленная на преодоление эмоций, сопутствующих стрессовой ситуации, носит название эмоционально-ориентированного совладания [8].

Понятие копинг-поведения является основным в двухмерной модели первичного и вторичного контроля (Rothbaum, Weisz & Snyder, 1982); эгопсихологической модели Murphy и Moriarty (1976); модели прямого наблюдения (Miller, 1980). Несмотря на несомненное разнообразие этих концепций, во всех речь идет о критериях различения двух фундаментальных подтипов копинга. Такими критериями выступают направленность или функции копинг-усилий. К первому типу копинга относятся попытки изменить или преодолеть некоторый конфликт внутри личности или окружения, или изменить отношения между двумя элементами, которые воспринимаются как стрессогенные. Этот тип совладания может быть назван «проблемно-ориентированным копингом» (Lazarus & Folkman, 1984), «копингом первичного контроля» (Band & Weisz, 1988), «Копингом-I» (Murphy и Moriarty, 1976), «приближающим копингом» (Altshuler & Ruble, 1989), «проблемно-разрешающим» (Wertlieb, Weigel & Feldstein, 1987), «активным копингом» (Peterson, 1989) или «мониторингом» (Miller, 1980). Второй тип совладания включает в себя попытки управления эмоциями, которые сопровождают стрессогенные события. Этот тип совладания может называться «эмоционально-ориентированным копингом» (Lazarus & Folkman, 1984), «копингом вторичного контроля» (Band & Weisz, 1988), «Копингом-II» (Murphy & Moriarty, 1976), «управлением эмоциями», «снижением напряжения», «избеганием» (Altshuler & Ruble, 1989), «эмоциональным управлением» (Wertlieb и др., 1987), «избегающим копингом» (Peterson, 1989), или «притуплением» (Miller, 1980) [9].

Результаты исследований совладания в детской психологии подтверждают большую эффективность активных, проблемно-ориентированных усилий в сравнении с пассивными, эмоционально-ориентированными. Например, в обзоре, посвященном совладанию детей со

стрессогенными медицинскими процедурами, Peterson (1989) делает вывод, что активный (проблемно-ориентированный) копинг соотносится с более благоприятными реакциями организма в поведенческой, эмоциональной и соматической сферах. Таким образом, авторы полагают, что эмоционально-ориентированный копинг, направленный «вовнутрь», не приводит к реальному, действительному разрешению проблемы.

Однако и в этом вопросе нет полного согласия. Некоторые авторы говорят о преждевременности причисления эмоционально-ориентированного копинга к неэффективным стратегиям (Band & Weisz, 1990). Они полагают, что необходимо развести возможные подтипы эмоционально-ориентированного копинга и выявить те, которые являются неадаптивными фактически в любых обстоятельствах, в то время как использование других стратегий может быть достаточно благоприятно в некоторых ситуациях. Например, в совладании с таким хроническим заболеванием, как сахарный диабет, очень неэффективно отрицание значительности заболевания следующим образом: «меня не волнует эта проблема», или «это не так важно для меня». С другой стороны, эмоционально-ориентированные копинг-попытки, такие, как позитивное переосмысление проблемы, осознание смысла достижений в ежедневных задачах преодоления или попытки создания позитивных отношений, могут дать нужный эффект в достижении хорошего эмоционального самочувствия. Преодоление болезни с помощью проблемно-ориентированного совладания в данном случае приводит к негативным последствиям (Band & Weisz, 1990; Lazarus & Folkman, 1984) [9, p. 9].

Мы предполагаем, что модели функционирования проблемно-ориентированного совладания (ПОС) и эмоционально-ориентированного совладания (ЭОС) различны по своей структуре и результатам, а как следствие – и по критериям эффективности. Так, пользуясь ПОС, индивид совершает какие-либо действия и ожидает реакций от среды, которые покажут, являются ли данные действия эффективными. Если ответ среды положителен, организм приходит в относительно сбалансированное состояние. В случае с ЭОС индивид, пользуясь различными когнитивными стратегиями, пытается привести себя в гармоничное состояние, расшифровывая сигналы среды так, как если бы они были позитивными для организма. Невозможно не признать, что такой способ взаимодействия со средой является высокоэффективным в случаях, при которых реальные активные действия не привели бы ни к какому результату, более того, повергли бы в отчаяние. Такие ситуации оцениваются как неконтролируемые, неизменяемые, находящиеся вне сферы нашего воздействия.

Взаимосвязь между контролируемостью ситуаций и копинг-процессами является центральной в когнитивной оценочной модели стресса и копинга

Р. Лазаруса и Фолкмана. Фолкман (1984) выделил несколько положений, раскрывающих связь между степенью контроля и действиями личности, а также использованием проблемно- и эмоционально-ориентированного совладания. Среди них – положение о том, что проблемно-ориентированное совладание более эффективно, когда оно направлено на те аспекты отношений личности-среды, которые воспринимаются как изменяемые, в то время как эмоционально-ориентированные усилия более эффективны, когда ситуация признана неконтролируемой. Также доказано, что частота эмоционально-ориентированных попыток совладания будет возрастать в ответ на увеличение угрозы и эмоций, связанных с ней (страх, тревога) [9, p. 14].

Обратившись к идеям российских ученых, мы обнаружим иной взгляд на дифференциацию копинг-стратегий и критерии их эффективности. Так, известная российская исследовательница Л.И. Анцыферова, опираясь на гуманистический подход, постулирующий конструктивную природу личности

(К. Роджерс), предлагает свою классификацию стратегий преодоления. Уверенность человека в способности контролировать окружающий мир признается ею основополагающей для успешного когнитивного оценивания. Исходя из данного тезиса, она выделяет «преобразующие стратегии совладания», которые используются, если субъект считает ситуацию подконтрольной ему. Содержание данных способов совладания сводится к уже описанным нами проблемно-ориентированным стратегиям.

В случае признания ситуации неконтролируемой личность прибегает к приемам приспособления и вспомогательным приемам самосохранения.

К ним вышеуказанный автор относит, например, «позитивное истолкование», а также избегание, отрицание травмирующего события. Данные приемы являются, как замечает автор, «стратегиями психологической борьбы со своими негативными эмоциями и болезненными ощущениями. Эти приемы неконструктивны в том смысле, что не устраняют трудную проблему, но все же они адаптивны, поскольку облегчают психологическое состояние больного» [10].

Л.И. Анцыферова выделяет также так называемые самопоражающие стратегии – наркоманию, алкоголизм, суицид. К ним люди обращаются, по ее мнению, когда в безвыходной ситуации они не хотят или не могут воспользоваться психологическими приемами самосохранения. К сожалению, данные стратегии не были подробно рассмотрены, так как их анализ не входил в задачу автора. Мы считаем, что подход к исследованию девиантного поведения с такой точки зрения может быть весьма продуктивен, так как он открывает новые перспективы в раскрытии причин и способов профилактики нарушений поведения личности [10, с. 7–11].

Американские ученые находят связь между эмоционально-ориентированными стратегиями совладания и употреблением психоактивных веществ. Так, предполагается, что положительная взаимосвязь между стрессогенными событиями жизни и употреблением запрещенных наркотиков существует среди тех людей, которые обычно используют избегающие стратегии совладания или ожидают сильный позитивный результат от употребления запрещенных наркотиков (Cooper, Russell, Skinner, Frone и Mudar, 1992) [11].

С.З.Х. Бернардо, изучая копинг-стратегии учащихся вспомогательных школ, также отмечает, что стратегия избегания становится ведущей стратегией при формировании аддиктивного поведения. Она способствует редукции стресса, но обеспечивает функционирование и развитие индивида на более низком функциональном уровне [12]. Н.А. Сирота и В.М. Ялтонский, выделяя модель дезадаптивного копинг-поведения, характеризуют ее в первую очередь преобладанием пассивных копинг-стратегий над активными, а также неразвитостью механизма когнитивного оценивания [13]. Они замечают, что основной стратегией преодоления стресса воспитанников детского дома является стратегия «избегания», направленная на отказ от решения проблемы, ее игнорирование или подчинение, безропотное принятие ее. В результате делается вывод о причислении воспитанников детского дома к категории контингента риска саморазрушающего поведения [14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дифференциация копинг-стратегий на проблемно- и эмоционально-ориентированные, является недостаточной, так как она не отражает степень конструктивности, эффективности и адаптивности включенных в них способов совладания. Выделяя подтипы копинг-стратегий, необходимо учитывать тип ситуации, результат когнитивного оценивания, степень взаимодействия личности со средой. Решение о причислении каждой стратегии к конструктивной/неконструктивной, эффективной/неэффективной, адаптивной/неадаптивной может приниматься только с учетом особенностей данной личности и ситуации.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Кокс Т.** Стресс. – М., 1981. – С. 100–101.
2. **Арестова О.Н., Калинина Н.В.** Индивидуальные особенности функционирования защитных механизмов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2000, № 1. – С. 20–29.
3. **Добрович А.Б.** Проблема бессознательного в ее связи с вопросами психосоматических отношений и клинической патологии. В кн.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. **А.С. Прангишвили** и др. В 4 т. – Т. 4. – Тбилиси, 1985. – 462 с.
5. **Психология.** Словарь / Под общ. ред. **А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского.** – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – С. 121–122.
7. **Никольская И.М., Грановская Р.М.** Психологическая защита у детей. – СПб., 2000. – 507 с.
8. **Лапин И.П.** Зачем «копинг», когда есть «совладание»? // Социальная и клиническая психиатрия, 1999, № 2. – С. 57–59.
9. **Чехлатый Е.И., Веселова Н.В.** Особенности отношения к здоровью и лечению, личностные конфликты и способы их разрешения (копинг-процессы) у больных неврозами // Интегративные аспекты современной психотерапии. Сборник научных трудов психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. – Том 131 / Под общ. ред. **М.М. Кабанова.** – СПб., 1992. – С. 95–103.
10. **Lazarus R.S.** From psychological stress to emotions: the history of changed view // Annual Review Psychology. – Vol. 44, 1993. – С. 1–21.
11. **Compas B.E.** Conceptual and developmental issues in children's coping with stress. In A.M. La Greca (Ed.), Stress and coping in child health. – N. Y., London, 1992. – 413 p.
13. **Анцыферова Л.И.** Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал, том 15, № 1, 1994. – С. 3–18.
14. **Frone M.R.** Stressful life events, gender, and substance use: an application of tobit regression // Psychology of Addictive Behaviors, 1994, № 2. – P. 59–69.
15. **Сиерральта З.** Хорхе Бернардо. Копинг-стратегии учащихся вспомогательных школ. <http://psychology.spb.ru/articles/tez/2000/d19.htm>
16. **Сирота Н.А., Ялтонский В.М.** Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева, 1994, № 1. – С. 63–75.
17. **Сирота Н.А., Ялтонский В.М.** Преодоление эмоционального стресса подростками, воспитывающимися в детском доме // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева, 1993, № 4. – С. 134–137.

S U M M A R Y

The article tells about the concepts of stress and coping, which presented by both Russian and American psychologists. The author deals with two basic

components of adaptation: dealing with the situations (coping), and dealing with one's feelings about the situations (defense).

Поступила в редакцию 6.10.2003

Историко-лингвистическая концепция П.А. Бузука

Изучая историю восточнославянских языков, представители языкознания 20–30-х гг. XX в. нередко обращались к рассмотрению вопросов, связанных с методологией лингвистического исследования. Традиционно в науке выделяют две модели языкового развития: первая основывается на теории «родословного древа», вторая – на «волновой» теории. Теория «родового древа» предполагает появление новых языков в результате поэтапного деления праязыков [1]. «Волновая» теория моделирует происхождение языков в виде постепенных переходов от одних языковых групп к другим на фоне их тесного контактирования [1, с. 10–11].

Повышенный интерес современных лингвоисториографов к методологическим аспектам исследования языковой истории связан, кроме прочего, с усилением внимания к научному наследию ученых 20–30-х гг. XX в., чье место и роль в языкознании до сих пор остаются недостаточно изученными [1–5].

К таким лингвистам принадлежит и П.А. Бузук. Методологические и фактологические исследования этого языковеда стали сегодня предметом рассмотрения украинских и белорусских историков языка. Вклад П.А. Бузука в развитие лингвистической географии раскрывают в своих работах А.А. Кривицкий [6], В.Н. Курцова [7] и др. Изучением научной биографии ученого занимается

Г.А. Цихун [8]. Взгляды П.А. Бузука на положение белорусского языка среди других славянских языков, на историю восточнославянских языков и проблемы их реконструкции исследовали В.А. Глущенко и В.Н. Овчаренко [9]. Авторы раскрыли отношение ученых-участников академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки (Минск, 1926 г.) к экспланаторным возможностям модели «родословного древа» и «волновой» теории. Обзор работ П.А. Бузука по истории восточнославянских языков находим в статье Е.М. Голуб [4]. Эволюция взглядов ученого на моделирование языковой истории стала предметом другой статьи Е.М. Голуб, где также анализируется трактовка методологических вопросов языковедами – современниками

П.А. Бузука [2]. Однако, несмотря на увеличение количества работ, посвященных изучению отдельных аспектов научного наследия ученого, комплексное рассмотрение лингвистической концепции П.А. Бузука еще не было представлено в современной лингвоисториографии. В связи с этим целью данной статьи является целостный анализ лингвогенетической концепции П.А. Бузука. Достижение поставленной цели планируется путем решения следующих задач: 1) проанализировать трактовку ученым методологии моделирования языковой истории; 2) проследить преломление

методологических взглядов П.А. Бузука на конкретном материале (т.е. языковых явлениях, составляющих историю восточнославянских языков).

Анализ работ П.А. Бузука позволяет сделать вывод об эволюции взглядов ученого на моделирование истории восточнославянских языков. В работе «Коротка історія української мови» (1924) [10] ученый, интерпретируя историю украинского языка в духе теории «родословного древа», утверждает, что украинский язык является одним из трех восточнославянских языков (наряду с русским и белорусским), которые после распада праславянского языка жили общей жизнью; язык этого периода называется прарусским или правосточнославянским [10, с. 10; 2, с. 50–51].

В работе «Нарис історії української мови» [11] П.А. Бузук высказал противоположную точку зрения, выступив с критикой теории «родословного древа» [9, с. 71; 2, с. 51], языковед назвал прарусский (правосточнославянский) язык научной фикцией [9, с. 72].

Среди недостатков теории «родового древа», которые заставили ученого отказаться от своих первоначальных взглядов, П.А. Бузук выделял следующие: теория «родового древа» не учитывает историю и географию языковых явлений; она заставляет ученых а priori принимать постепенную «подчиненность» эпох [11, с. 6]. П.А. Бузук пишет о том, что при условии существования праязыка все языковые процессы должны полностью охватывать территорию этого праязыка, однако в реальной жизни языка фонетические и морфологические явления с широкими изоглоссами постоянно чередовались с диалектными явлениями праславянского языка с узкими изоглоссами [11, с. 6]. Для получения относительно достоверной картины языкового развития ученые, как считает П.А. Бузук, должны глубоко изучить хронологию языковых явлений (установить относительную, а где это возможно – абсолютную хронологию фонетических и морфологических процессов), а также исследовать географические параметры (т.е. распространение) того или иного языкового изменения. Таким образом, П.А. Бузук перешел на позиции теории «волн», акцентируя внимание на том, что определение границ отдельных славянских языков всегда будет условным из-за постоянного взаимовлияния этих языков на смежных территориях [11, с. 7–8]. До того как наука получит подтвержденные данные об этапах развития языка, ученые могут использовать единственное реальное деление языковой истории: доисторический период и исторический период. Опорным пунктом в такой классификации этапов языковой истории является появление памятников письменности [11, с. 7; 12]. П.А. Бузук представил историю языка не как последовательность стадий, полученных в результате распада предыдущего праязыкового состояния, а как совокупность изоглосс, преобладающих в то или иное время жизни языка. Ученый отошел от понятия «праязык» и заменил его понятием «область изоглосс».

В первом (доисторическом) периоде языковед выделил четыре эпохи преобладания тех или иных изоглосс: 1) диалектных индоевропейских, 2) общих балто-славянских, 3) общеславянских и 4) диалектных славянских изоглосс [13; 12, с. 85, примечание 1].

Представленная П.А. Бузуком схема языкового развития доисторического периода размещалась в трехосной системе координат: 1) ось относительной хронологии; 2) ось абсолютной хронологии; 3) ось лингвистической географии. Именно такая схема дает возможность изучать не отдельные звуковые явления, а историю языковых процессов в целом. Такой характер описания праславянской звуковой системы был с некоторыми уточнениями принят Р. Якобсоном, Т. Милевским и доработан Ю.В. Шевелевым, З. Штибером и др. [14].

Таким образом, П.А. Бузук изучал историю не отдельных звуков, а языковых процессов в целом, исследуя их относительную и абсолютную хронологию и диалектную вариативность. Первым явлением, охватывающим территорию распространения индоевропейских языков, П.А. Бузук называет утрату лабиализации задненебными, в результате чего эти звуки совпали с соответствующими нелабиализованными *g, gh, k, kh* [13, с. 8–9]. Именно тот факт, что процесс делабиализации охватил значительное количество индоевропейских языков, дал ученому основание рассматривать данное явление как первое диалектное индоевропейское изменение [13, с. 9]. Среди последующих явлений, изоглоссы которых охватили диалекты индоевропейского языка, П.А. Бузук выделяет образование *ch* из *kh*, утрату аспирации глухими (*ph > p, th > t*) и звонкими (*gh, ġh, bh, dh > g, ġ, b, d*), переход средненебных *k, g* в *s', z'*, наблюдаемое только в славянских языках и части литовских говоров спорадическое изменение *s* в *z, s > š (> ch)*, образование конечного *m* из *n* и диссимиляцию *d, t* последующему *t* [13, с. 8–14].

В своем фундаментальном труде «Спроба гісторії дагістаричної епохи слов'янської фонетики» (1927) [13] после анализа эпохи первых диалектных индоевропейских изоглосс П.А. Бузук исследует эпоху преобладания общих балто-славянских изоглосс. Данный этап ученый датирует V–II вв. до н.э. В этот период языкового развития, по П.А. Бузуку, изоглоссы, начинаясь с центра новообразования, распространялись на территории балтийских и славянских племен [3, с. 87]. Ученый подчеркивает, что хронологию явлений этого периода сложно определить; в частности, трудно установить последовательность языковых изменений, которые произошли в этот период [13, с. 14]. Таким образом, где это возможно, языковед устанавливает относительную хронологию языковых процессов. Как балто-славянские П.А. Бузук рассматривает следующие явления: упрощение в группах согласных: *ts, ps, ks, gs, ds, bs > s*, выпадение редуцированного *ð* в средних слогах, утрата *v* после задненебных согласных перед *ð*, переход *ð* в *ǣ* и другие явления, которые предшествовали совпадению артикуляции гласных *ǣ* и *ō* в *ǣ°*, *ā* и *ō* в *ā°* [13, с. 14–17]. Как видим, вопрос о существовании балто-славянского праязыка перед ученым не стоял. Языковед уходит от понятия «праязык», рассматривая совокупность общих балто-славянских изоглосс как отдельный этап в жизни языка.

Исследуя историю славянских языков, П.А. Бузук пишет о том, что после этапа преобладания общих балто-славянских изоглосс наступил период преобладания изоглосс, охватывающих только славянские языки. К общеславянским явлениям лингвист относит: образование носовых гласных, переход долгого *ǣ°* в носовой гласный *ō*, утрату лабиализованной артикуляции гласными *ǣ°, ā°, ū, ū*, переход *ŭ* в *ъ, ĭ* в *ь, ū* в *у*, монофтонгизацию дифтонгов, образование *ě*, первую, вторую и третью палатализации задненебных согласных и другие изменения [13, с. 17–28]. Ученый неоднократно подчеркивал необходимость изучения истории и диалектологии праславянского языка, что даст возможность решить проблему пространственной и временной неоднородности праславянского языка [15]. Исследуя общеславянские языковые процессы, П.А. Бузук наряду с относительной хронологией фонетических явлений устанавливает, где это возможно, и абсолютную хронологию отдельных звуковых изменений доисторического периода. Данные для такой хронологизации языковых явлений, по мнению ученого, можно почерпнуть как из исследований языковых заимствований, так и из различных иноязычных документов, в которых содержатся записи славянских имен. Такие данные не являются

однозначно верными, поэтому правильность абсолютного датирования необходимо подтверждать результатами относительной хронологизации [13, с. 32–33].

Эпоху преобладания диалектных славянских изоглосс – четвертую эпоху доисторического периода развития славянских языков – П.А. Бузук датирует IV–X вв. н.э. Фонетические изменения этого этапа проходили неоднородно в языках западного, южного и восточного славянства. При условии отсутствия письменных памятников, которые могли бы фиксировать фонетические процессы данной эпохи, установление даже относительной хронологии изоглосс периода появления диалектов праславянского языка П.А. Бузук считает достаточно трудной задачей. Ученый не исключает, что определенные явления, отнесенные им к эпохе диалектных славянских изоглосс, могут являться процессами предыдущей эпохи. Отправным положением, которое ученый берет за основу хронологизации явлений данного периода, является тезис о том, что более древними являются те изоглоссы, которые охватили языки, ранее отделившиеся друг от друга [13, с. 28]. Среди диалектных славянских явлений в концепции П.А. Бузука находим: переход *kv'*, *gv'*, *chv'* в *cv'*, *(d)zv'*, *sv'*; *dl*, *tl* > *l*; переход *tj*, *dj*, *kt'* в свистящие в западнославянских языках и в шипящие в южно- и восточнославянских; изменения в сочетаниях типа *telt*, *ta^ort*, *ta^olt*, *a^ort*, *a^olt*; окончательное исчезновение слабых редуцированных и переход сильных в гласные полного образования; переход *f* в *ŷ* перед последующим согласным в славянских диалектах, давших начало украинскому и белорусскому языкам, а также другие явления [13, с. 28–32].

В начальный период своей научной деятельности П.А. Бузук возводил украинский язык к прарусскому. Как прарусские языковые явления ученый трактовал переход сочетаний типа *tort*, *tolt*, *tert* в *tor^ьt*, *tol^ьt*, *ter^ьt*, исчезновение носовых гласных, переход *je* в *o*, изменение сочетаний *ort*, *olt*, образование *ж* из *dj*, *ч* из *tj* (*kt'*), переход *l* в *f* перед согласным, изменение *dl*, *tl* в *l*, а начальных сочетаний *kv*, *gv* в *cv*, *(d)zv*, появление эпентетического *l* после губных согласных (на месте их сочетаний с *j*). Анализ староукраинского языка ученый начинал с рассмотрения исчезновения слабых редуцированных [10, с. 36–41].

Вскоре после выхода в свет книги «Коротка історія української мови»

(а, возможно, еще в процессе работы над ней) П.А. Бузук пересмотрел свои взгляды на методологию моделирования развития языка. Ученый отказался от теории «родословного древа» и «метода праязыка», что привело к пересмотру концепции истории восточнославянских языков. Говоря о конкретных языковых явлениях, которые автор первоначально трактовал как языковые особенности прарусского периода, необходимо подчеркнуть, что их географическое и хронологическое изучение позволило языковеду рассматривать названные языковые процессы как диалектные славянские фонетические и морфологические явления. В частности, исследователь писал, что изоглосса одного явления может охватывать южно- и восточнославянские области (например, переход сочетаний *dj*, *tj*, *kt'* в шипящие); другого (например, упрощение сочетаний *dl*, *tl* в *l*), которое, как можно предположить, характеризует те же группы языков, в действительности не охватило северо-западные славянские языки, а также псковский говор. Третье явление (формы *mobě*, *sobě*) объединяет восточнославянские и западнославянские языки. Четвертое – полногласие – распространилось только в восточной области славянства. Пятое явление – изменение *ь*, *ь* в *o*, *e*, кроме восточнославянских языков, охватило и соседний словацкий язык [11, с. 7]. Результаты изучения географических

характеристик языковых процессов П.А. Бузук подкреплял исследованием их хронологии. В частности, ученый писал, что, кроме полногласия, существует лишь одно явление, которое объединяет восточнославянские языки – переход **tj** в **ч**. Образование **о** из **je** исследователь не считает надежным доказательством существования прарусского языка. Окончательно развенчать гипотезу прарусской эпохи П.А. Бузук пытается путем исследования хронологии языковых процессов: конец VIII – начало IX в. – *terminus post quem* изменения сочетаний типа **tart**, **talt**. Конец IX в. – *terminus ante quem* данного процесса (соответствующие изменения в южнославянских языках произошли не позднее того момента, когда прервалась связь с западным славянством). Значительно раньше произошел переход **tj** в **ч**. Как указывалось, общий характер изменений групп **dj**, **tj** в восточно- и южнославянских языках подтверждает, что названные сочетания изменились не позднее утраты связи между южным и восточным славянством, т.е. не позднее VI–VII вв. Если признать переход **je** в **о** восточнославянским признаком, то, по П.А. Бузуку, его можно отнести к более позднему периоду – к XI в. Таким датированием языковых явлений исследователь доказывает, что гипотетическая эпоха прарусского языка «разрывается» во времени между этими общевосточнославянскими фонетическими процессами, которые к тому же чередовались с более широкими изоглоссами. По мнению П.А. Бузука, признать правомерность «метода праязыка» невозможно еще и потому, что явления с узкими изоглоссами могли предшествовать явлениям с широкими изоглоссами, как это наблюдается на примере изменения **л** в **ў**, которое, по мнению ученого, охватило диалекты, давшие начало украинскому и белорусскому языкам, значительно ранее, чем во всех славянских языках исчезли редуцированные **ъ**, **ь** в слабом положении [12, с. 87–88]. Таким образом, часть языковых черт, которые первоначально были отнесены ученым к прарусскому периоду, в новой лингвистической концепции рассматриваются как явления эпохи преобладания диалектных славянских изоглосс. Восточнославянские языки, которые автор рассматривает как самостоятельные уже в историческом периоде, содержат в себе черты и особенности всех предыдущих этапов развития. Среди явлений исторического периода украинской фонетики П.А. Бузук изучает изменения начального **je** в **о**, окончательное исчезновение редуцированных в слабом положении, отверждение согласных перед **е**, **и**, лабиализацию **'е** и др. [11, с. 35–61].

Заслуга П.А. Бузука состоит в практическом применении теоретических основ «волновой» теории и в их развитии. Дальнейшие исследования ученого в этой области оформились в фундаментальные работы по лингвистической географии. Всестороннее изучение этих трудов, а также исследований ученого в области истории восточнославянских языков поможет объективно оценить роль П.А. Бузука в развитии языкознания.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Овчаренко В.М.** Теорія «родовідного дерева» та «хвильова» теорія в українському мовознавстві (XIX ст. – 20–30-х рр. XX ст.): Автореф. дис. ...канд. філол. наук. – Слов'янськ, 1997. – С. 8–9.
2. **Голуб О.М.** Лінгвістична дискусія з питань історії української мови у «Записках історико-філологічного відділу УАН» // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методический сборник. – Вып. XIII. Ч. 1 / Отв. ред. **В.А. Глущенко**. – Славянск, 2005. – С. 49–58.
3. **Голуб О.М.** Лінгвістична дискусія про балто-слов'янські мовні зв'язки (XIX ст. – 20–30-ті рр. XX ст.) // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах: Матеріали II Міжнародної наукової конференції / Дніпропетровськ, 14–15 квітня 2005 р. // Упоряд. **Т.С. Пристайко**. – Дніпропетровськ, 2005. – С. 85–88.

5. **Голуб О.М.** Праці П.О. Бузук з історії східнослов'янських мов // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методический сборник. – Вып. XI. – Ч. 1 / Отв. ред. **В.А. Глуценко**. – Славянск, 2003. – С. 75–84.
6. **Овчаренко В.М.** Лінгвоісторіографія про діяхронічне моделювання мовної історії в українському мовознавстві XIX ст. – початку XX ст. // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методический сборник. – Вып. XIII. – Ч. 1 / Отв. ред. **В.А. Глуценко**. – Славянск, 2005. – С. 38–49.
8. **Крывіцкі А.А.** Дыялекталогія беларускай мовы: Дапам. – Мн., 2003. – С. 113–125.
9. **Курцова В.М.** П.А. Бузук: Спроба лінгвістычнай геаграфіі беларускай мовы // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 50 / НАН Беларусі. Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; рэдкал.: А.І. Падлужны (адк. рэд.) і інш. – Мн., 2001. – С. 3–14.
10. **Цыхун Г.А.** Пятро Бузук і славістыка 20–30-х гадоў (штрыхі да навуковай біяграфіі) // Беларуская мова і мовазнаўства на рубяжы III тысячагоддзя: Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мн., 2000. – С. 198–202.
11. **Глуценко В.А., Овчаренко В.М.** Проблеми моделювання історії східнослов'янських мов на Академічній конференції з реформи білоруського правопису та азбуки 1926 р. // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методический сборник. – Вып. X. – Ч. 1 / Отв. ред. **В.А. Глуценко**. Отв. за выпуск **О.Е. Ольшанский**. – Славянск, 2002. – С. 66–86.
13. **Бузук П.О.** Коротка історія української мови. I. Вступ і звучня. – Одеса, 1924. – 60 с.
14. **Бузук П.О.** Нарис історії української мови. Вступ. Фонетика і морфологія, з додатком історичної хрестоматії. – Київ, 1927. – 98 с.
15. **Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моваў** // Працы Акадэм. канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбуки (14–21 лістапада 1926 г.). – Менск, 1927. – С. 83.
17. **Бузук П.А.** Спроба гісторыі дагістарычнай эпохі славянскай фонэтыкі // Адбітак з I т. Зборніку Аддзелу Мовы і Літаратуры Інстытута Беларускае Культуры. – Менск, 1927. – С. 2.
18. **Журавлев В.К.** Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // **Бирнбаум Х.** Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Общ. ред. **В.А. Дыбо** и **В.К. Журавлева**. – М., 1987. – С. 472.
19. **Бузук П.А.** Основные вопросы языкознания. – 2-е изд. – М., 1924. – С. 177–178.

S U M M A R Y

The views of Ukrainian and Byelorussian linguist P.A. Buzuk on modelling the history of Eastern Slavic languages are studied in the article. The scholar builds his conception of language development on the basis of the «wave» theory. While reconstructing the history of Eastern Slavic languages P.A. Buzuk investigates chronological and geographical parameters of language phenomena.

Поступила в редакцию 30.06.2005

УДК 808.2-3

И.Я. Кураш

Фонетическая адаптация личных собственных имен старообрядцев

Вариативность языка является одним из фундаментальных его свойств, обеспечивающих способность языка служить средством человеческого общения и мышления. Это свойство проявляется на всех уровнях языковой системы, в

том числе и на лексическом, затрагивая такую специфическую группу слов, как собственные имена. Наличие большого количества вариантов канонических имен обусловлено языковыми и внеязыковыми факторами. «Число вариантов имени определяется степенью его освоенности и частотностью его употребления данным языковым коллективом. Возможны одновременные и разновременные, стилистические и ситуативные варианты одних и тех же имен, варианты, существующие в одном и том же и в разных языковых коллективах, внутридиалектные и представленные в разных диалектах, а также литературные и официальные варианты, варианты, возникшие в данном языке и заимствованные» [1]. Слабая связь с понятием, семантическая открытость деэтимологизированной лексической основы обуславливает возможность варьирования личных имен, причем в сфере не только устной, но и письменной речи. В регулировании процесса создания вариантов, в закреплении или неиспользовании их в коммуникативных целях главную и решающую роль играет фактор социальный.

В связи с тем, что основной состав канонических имен заимствован в разное время из латинского, греческого, еврейского и других языков, на протяжении многих веков шел процесс их освоения русским языком. В результате этого заимствованные имена порвали связь с языками, в которых они возникли, претерпели ряд фонетических и морфологических изменений и полностью адаптировались русским языком.

В именнике старообрядцев Витебщины нашли отражение процессы, происходившие в русском и белорусском языках. Изменение личных собственных имен и появление их новых вариантов происходило в результате фонетико-морфологических процессов и соответствовало законам этих языков.

Особенности вокализма. 1. Фонетическая система старообрядческих говоров на территории Витебщины характеризуется рядом специфических черт, позволяющих отграничить их от окружающих белорусских говоров. Наибольшее количество отличий относится к системе безударного вокализма. По данным Н.Е. Мининой [2], исконной чертой, унаследованной островными говорами от материнского, является недиссимилятивное аканье (совпадение гласных фонем <a> и <o> в звуке [a] в первом предударном слоге после парных твердых и заднеязычных согласных). Указанное явление представляет собой устойчивую фонетическую черту и охватывает всю лексику, в том числе и собственные имена. По этой причине в именнике старообрядцев более широко, чем в русском и белорусском антропонимиконе, отражены такие фонетические особенности, как варьирование **a/o** в предударных слогах (*Родион* – *Радион*, *Антонина* – *Антанина*, *Минодора* – *Минадора*) и в начале слова (*Олимпий* – *Длимпий*). Б.О. Унбегаун [3] считает формы с варьированием начальных **a/o** параллельными, А.В. Суперанская – дублетными [4].

2. Необходимо отметить в числе распространенных черт и варьирование **e/i** (*Венедикт* – *Винидикт*, *Леонид* – *Лионид*, *Павел* – *Павил*, *Пимен* – *Пимин*; *Акилина* – *Акелина*, *Неонила* – *Нионила*). Все перечисленные изменения происходят в предударных и заударных слогах, что является следствием нейтрализации гласных [э] и [и]. При этом наблюдается более частое употребление гласного **и**. Находит отражение в именнике и противоположный процесс – мена **u/e**, охватывающая, кроме описанных позиций, ударные слоги и начальные гласные (*Ириней* – *Ериней*, *Зина* – *Зэна*; *Христина* – *Хрестина* (видимо, под влиянием распространенной сокращенной формы *Хрестя* с ударным звуком [э]). Часто процессы субституции затрагивают несколько гласных звуков (*Акепсим* – *Екпсим*, *Диомид* – *Деамид*, *Фалелей* – *Филялей*).

3. Замена гласных звуков в именах при образовании диалектных вариантов происходит также под действием межслоговой ассимиляции (*Аким* – *Акам*, *Виссарион* – *Вассарион*, *Мелания* – *Малания*, *Пелагея* – *Палагея*) и диссимиляции гласных (*Венедикт* – *Венодикт*, *Филимон* – *Фалимон*, *Акилина* – *Акулина*).

4. Для создания новых вариантов личных собственных имен в именнике используется мена начальных гласных:

а) [е] на [а] (в результате аканья либо яканья): *Евгений* – *Девгений*, *Едессий* – *Ядессий*, *Одесий*, *Ефим* – *Яфим*;

б) [а] на [е] (с протетическим [j]): *Аким* – *Еким*;

в) [е] на [и]: *Евласий* – *Ивласий*; *Еванфия* – *Иванфия*.

5. Как и в русских говорах, в исследуемом именнике имеют место протетические явления (*Зотик* – *Изот*, *Стратон* – *Астратон*, *Остротон* (с ассимиляцией гласных звуков); *Ксения* – *Аксения*).

6. Усечение начальных гласных наблюдается в именах, состоящих не менее чем из трех слогов с ударением на последнем слоге (*Аввакум* – *Вакум*, *Исидор* – *Сидор*; *Акилина* – *Килина*, *Еликонида* – *Ликонида*).

7. Упрощение групп гласных, несвойственных русскому языку, происходит во всех заимствованных именах. Это явление известно также русским и белорусским говорам. В именнике старообрядцев упрощение происходит в начале (*Ианурий* – *Анурий*, *Иерон* – *Ерон*) и в середине слова (*Елиазар* – *Елизар*, *Лукиян* – *Лукьян*, *Лукян*, *Гаяния* – *Гаяния*, *Кириена* – *Кирена*, *Кирьяна*). В эту группу можно включить имена, в которых происходило стяжение двух смежных одинаковых гласных (*Гаверишл* – *Гаверил*, *Исаак* – *Исак*).

8. В именах, состоящих более чем из трех слогов, нередко наблюдалось выпадение гласных в середине слова: *Варфоломей* – *Варфломей*, *Евласий* – *Евласий*, *Савастей* – *Свастей*, *Соломония* – *Солмония*).

Особенности консонантизма. Большая часть изменений в области согласных связана с хорошо известными фонетическими явлениями говоров русского языка. Исходя из этого можно выделить следующие группы модификаций:

1. Упрощение несвойственных русскому языку групп согласных (*Евграф* – *Еграф*, *Памвон* – *Памон*, *Полиевкт* – *Полиект*, *Полизт*, *Феопемпт* – *Феопент* (в этой форме произошла еще и диссимиляция по месту образования согласного), *Феоктиста* – *Феоктиса*).

2. Добавление начального согласного (*Ипатий* – *Липатий*; *Епистимия* – *Лепистиния* (с заменой согласного [м] на [н]).

3. Усечение финального согласного основы (*Леонт* – *Леон*, *Нифонт* – *Нифон*, *Созонт* – *Созон*).

4. Добавление конечного согласного основы (*Варсис* – *Варсист*).

5. Субституция согласных звуков основы, среди причин которой можно назвать влияние аналогии, процессы ассимиляции и диссимиляции, стремление к более удобному и легкому произношению имени:

а) мена сонорных [р] // [л] (*Меркурий* – *Меркулий*, *Порфирий* – *Порфилий*);

б) появление группы [нт] на месте [н] (видимо, под влиянием аналогичных форм возникали вставные согласные звуки в середине слова): *Арсений* – *Арсентий* (ср. *Лаврентий*, *Терентий*);

в) мена [л] на [нт] (*Апеллий* – *Апентий*);

г) мена [м] на [н] (*Артемий* – *Артеций*, *Памфил* – *Панфил*; *Еликонида* – *Еликонида*);

д) мена [мп] на [нт] (*Евламппий* – *Евлантций*);

е) мена [ф] на [в] (*Матфей* – *Матвей*, *Тимофей* – *Тимовей*);

ж) мена [т] на [л] (*Феоктист* – *Феоклист*);

- з) мена [к] на [н] (*Евдокия* – *Евдония*);
- и) мена [х] на [ф] (*Хиония* – *Фиония*).
- 6. Протетические явления:
 - а) вставка [н] перед [ф] (*Афиноген* – *Анфиноген*);
 - б) вставка [ј] (*Аким* – *Яким*), нередко для упрощения групп гласных (*Вениамин* – *Вениамин*, *Дементян* – *Дементьян*).
- 7. Отверждение согласных звуков (*Сисой* – *Сысой*).

Смешанные явления. Преобразования исключительно в области вокализма или консонантизма представлены в ограниченном количестве имен. Большинство фонетических модификаций в личных именах являются смешанными по своей природе, так как часто одно изменение влечет за собой другие.

Среди смешанных изменений, происходящих в именах, можно выделить следующие группы:

1. Усечение начальных элементов основы в сочетании с субституцией гласных ([о] / [а]) и согласных ([ф] / [х]) или выпадением группы звуков (*Варсонофий* – *Арсанофий*, *Варфоломей* – *Архаломей*, *Афромей*, *Аполинария* – *Палинария*).
2. Усечение конечного звука основы и мена согласных (*Аристарх* – *Алистар*, *Нифонт* – *Мифон*).
3. Субституция гласных и согласных звуков (*Аверьян* – *Агурьян*, *Акиндин* – *Анкудин*, *Севостьян* – *Свыстьян*, *Терентий* – *Фирентий*, *Виринея* – *Меремея*, *Гаяния* – *Геония*).
4. Субституция начальных гласных в сочетании с упрощением групп согласных и меной консонантов в основе (*Евстигней* – *Астигней*, *Евтропий* – *Антропий*, *Евстафий* – *Астахрий*).
5. Субституция начальных звуков, мена гласных в основе, упрощение групп гласных (*Евгения* – *Авгинья*, *Еликонида* – *Алеконида* – *Олеконида*).
6. Упрощение групп гласных с [ј], сопровождающееся меной гласных и согласных звуков (*Дамиан* – *Демьян*, *Емелиан* – *Амельян*).
7. Упрощение групп гласных и согласных звуков, субституция согласных (*Синклитиция* – *Сиклительня*, *Сиклятинья*).
8. Смягчение согласных и мена гласных (*Козма* – *Кузьма*).
9. Озвончение глухих согласных в интервокальной позиции (*Пафнутий* – *Пафнудий*).
10. Выпадение группы звуков или слогов (*Мартинця* – *Мартиян*, *Феофилакт* – *Филат* (с усечением конечного звука основы); *Синклитиция* – *Сиклетия* (с меной гласных)).

Отдельно необходимо отметить варианты, возникшие в результате контаминации двух разных канонических имен, как правило, имеющих сходный фонетический облик:

Еликсей (*Алексей*, *Елисей*), *Альфьян* (*Альвиан*, *Алфий*), *Анфиян* (*Анфим*, *Амфиян*), *Екисим* (*Акепсий*, *Акепсима*).

В именнике старообрядцев не отражены некоторые фонетические особенности, присущие белорусскому языку. В частности, нет ни одного примера, иллюстрирующего мену *ф/т*, *ф/п*, *ф/хв*, хотя это явление широко распространено в белорусском антропонимиконе: *Фёдор* – *Тодар*, *Филипп* – *Піліп*, *Фёдор* – *Хведар* (по данным А.М. Мезенко [5], А.А. Лукашанца [6]).

Таким образом, основными способами фонетического преобразования канонических полных личных имен в условиях островного русского говора на территории Витебщины являются: а) различные виды сокращения, усечения, то есть сокращение имен путем упрощения групп согласных и стяжения гласных; б) замена одних звуков и звукосочетаний другими вследствие

фонетических и аналогических процессов; в) вставка и наращение звуков; г) перестановка звуков; д) контаминация имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Суперанская А.В.** Структура имени собственного (Фонология и морфология). – М., 1969. – С. 171.
2. **Минина Н.Е.** Островные русские говоры Витебщины. – Витебск, 2003. – 159 с.
3. **Унбегаун Б.О.** Русские фамилии. – М., 1989. – 441 с.
4. **Суперанская А.В.** Русская адаптация заимствованных антропонимов // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения IX Российской науч.-практич. конф. (Москва, декабрь, 2004). Вып. 3. – М., 2004. – С. 467.
5. **Мезенка Г.М.** Мужчынскія ўласныя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст. // Віцебскі сшытак, 1998, № 2. – С. 65.
6. **Лукашанец А.** Лакальная сістэма ўласных асабовых імён // Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Onomastycznej, Białystok – Syraśl 26–27 X 1998. – Białystok, 1999. – С. 193.

S U M M A R Y

The paper deals with the peculiarities of the «old believers» proper names in the Vitebsk region. The subject of the investigation is the methods of the phonetic transformation of the canonic full proper names in the obstacles of the isolated Russian dialects. Changes in the sphere of vocal and consonant systems are classified, mixed peculiarities form a separate group. Transformation of the sound aspect of the anthroponims is investigated from the point of view of the main feature of the «old believers» sound system. The level and character of the dialect surrounding and connection with the process of the name adaptation, which take place in the Russian and Belarusian anthroponimics, are under investigation.

Поступила в редакцию 30.06.2005

УДК 802.0-54

С.Н. Рудая

Комплексная методика исследования конверсии (на примере английского языка)

Впервые термин «конверсия» был введен Генри Свитом в 1892 году. С тех пор это явление вызывает интерес у многих исследователей. В советском языкознании в середине 50-х, а также в 60-е годы под влиянием работ профессора А.И. Смирницкого появилось немало публикаций, посвященных результатам исследования данного способа словообразования. В этот период существует также достаточно большое количество зарубежных публикаций на данную тематику. Начиная с конца 70-х и вплоть до начала 90-х интерес к явлению конверсии был заметно снижен. Возрождение интереса к проблемам конверсии на современном этапе свидетельствует, во-первых, о сложности и многогранности этого явления, а во-вторых, о развитии новой научной парадигмы. Развитие когнитивной науки «позволяет увидеть хорошо, казалось бы, известные факты языка в новом свете, ибо когнитивная лингвистика имеет прямое отношение к самому процессу понимания языка, к тому, как представлен язык и его единицы в нашем сознании» [1].

Основными проблемами словообразования по конверсии является проблема разграничения производящего и производного слов, что связано с совпадением их начальной формы. Особого внимания требует также вопрос о разграничении конверсии и омонимии. Существуют разные критерии разграничения производящего и производного слов, например, критерий внутренней производности А.И. Смирницкого [2], словообразовательный критерий внутренней производности П.А. Соболевой [3], критерий определения большей/меньшей сложности смысловой семантики слов Е.Я. Шафаренко [4] и другие. Здесь следует, однако, отметить, что все они ориентированы на синхронию, что, с одной стороны, позволяет определить направление словообразовательных отношений на современном этапе. Но, с другой стороны, для изучения глубинных законов конверсии, особенностей концептуализации и категоризации при конверсии, изучения особенностей развития словообразовательных отношений по конверсии и возможностей смены направления конверсии, думается, использования только одного критерия явно недостаточно.

Для исследования конверсии следует использовать комплексную методику, в основе которой лежит **этимологический анализ**, который, на наш взгляд, является основным критерием решения этих вопросов. История представляет особый интерес, поскольку позволяет проследить преобразование и изменение не только смысловой структуры конверсивов, но и взаимоотношения, складывающиеся с течением времени между основным и производным словом, образованными по конверсии. Кроме того этимологический анализ четко позволяет разграничить собственно конверсию и омонимию.

Так, при анализе 289 пар слов английского языка, имеющих одинаковую начальную форму и семантические связи, но принадлежащих к разным частям речи (существительному и глаголу), т.е. на первый взгляд представляющих собой конверсивы, выяснилось, что это далеко не так. Из всей массы можно выделить 3 группы.

1. Собственно конверсивы, т.е. пары слов, где существующие на синхронном срезе словообразовательные отношения по конверсии подтверждаются этимологическим анализом, причем почти всегда можно определить, какое слово является основным, а какое производным, а также проследить отношения во времени. Большинство таких образований относятся к XV–XVI векам и более позднему периоду вплоть до настоящего времени, хотя конверсия как явление появляется и начинает вступать в силу уже в XII–XIII веках. В этой группе можно выделить две подгруппы.

Слова, где существуют словообразовательные отношения по конверсии, но их значения, представленные сегодня в словарях в одной словарной статье, на самом деле произошли из разных источников, и мы имеем дело с омонимиями, от каждого из которых (или только от одного из которых) образовался соответствующий конверсив. Например, в паре *box* – *to box* существительное имело значение ‘деревянная емкость’ еще в древнеанглийском языке, которое постепенно переросло в значение ‘контейнер’, т.е. *box*₁ ‘емкость с крышкой, сделанная из дерева и т.д., в первоначальном употреблении для лекарств’; ‘для денег’ (XIV в.) соответственно послужило основой глаголу ‘помещать в коробку’ (XV в.). Второе слово со значением ‘бокс’ появилось позже, в XIV веке, из неизвестного источника: *box*₂ – ‘удар (сейчас обычно в ухо)’. Отсюда глагол ‘ударить (особенно кулаком)’; ‘драться кулаками’ (XVI в.). Таким образом, оба эти существительные дали производные по конверсии глаголы с соответствующими значениями.

В 8 случаях разграничение основного и производного слов представляет трудность, поскольку, во-первых, этимологических данных недостаточно, а во-вторых, не работает ни один из нижеперечисленных дополнительных критериев. К этой подгруппе относятся слова, возникшие в основном в один период, причем и существительное, и глагол начинают свое существование параллельно; трудность возникает еще и потому, что некоторые из них (3) образованы на основе звукоподражаний (например, *beep, bleep, clash*).

2. Ко второй группе можно отнести пары, между которыми еще в древнеанглийском языке существовали словообразовательные отношения, но у глагола было окончание, подтверждающее принадлежность к классу глаголов. Например, *blossom – to blossom* существительное восходит к *blostm (blōstma)* в древнеанглийском языке, а глагол – к *blōstmian*. В некоторых случаях, как, например, в паре *ache – to ache* глагол и существительное были отличны и фонетически, и графически еще в среднеанглийский период, но со временем графическая форма глагола совпала с формой существительного (изначально было *ake*), а фонетическая форма существительного (изначально [eɪtʃ]) совпала с формой глагола (после 1820 года, т.е. в достаточно поздний период). Однако, например, пара *care – to care*, где имеются соответствующие глагол и существительное в древнеанглийском языке (*caru – carian*), все же является примером конверсии, поскольку в более позднем употреблении глагол был образован повторно на основе существительного. Таким образом, явления, имеющие место в этой группе можно трактовать двояко: 1) пары в этой группе вообще не относить к конверсивам и считать омонимичными образованиями, возникшими на основе двух разных слов в результате редукции и отпадения окончаний в ходе исторического развития английского языка; или 2) случай конверсии, но когда один тип безаффиксальной транспозиции (по Е.С. Кубряковой II или III тип) сменяется другим типом (IV) – собственно конверсией в узком понимании этого слова¹.

3. К третьей группе относятся пары, где имеется формальное соответствие между глаголом и существительным и присутствуют смысловые связи, на основе которых можно было бы говорить о словообразовании по конверсии, но здесь мы все же имеем дело с омонимией, поскольку и глагол, и существительное заимствованы из французского языка, где между ними существовало соотношение подобное тому, что мы наблюдаем во второй группе в древнеанглийском языке. Но в современном английском языке мы все же имеем дело с омонимией, поскольку это параллельное заимствование. Например, в паре *challenge – to challenge* существительное восходит к древнефранцузскому *c(h)alenge*, а глагол – к *c(h)alengier*. Во французском языке глаголы I группы (спряжения) образуются от существительных путем прибавления окончаний

4. *-er / -ier*, т.е. в данном случае мы опять-таки имеем дело с III типом безаффиксальной транспозиции по Е.С. Кубряковой [5]. Возможна и обратная формация, когда от глагола с таким окончанием образуется существительное

¹ Е.С. Кубрякова [5] в результате изучения морфологического окружения у производной и производящей основ выделила четыре основных типа реализации безаффиксальных словообразовательных отношений. Их можно описать следующими формулами, где Л – лексема, Ø₁, Ø₂ – нулевые морфемы с разными значениями, а М₁, М₂ – любые материально выраженные морфологические показатели (любая словоизменяющая или словообразующая морфема):

I – Л + М₁ → Л + М₂ (белый → белеть, золото → золотой)

II – Л + М → Л + Ø (бегать → бег, вывозить → вывоз)

III – Л + Ø → Л + М (хам → хамить)

IV – Л + Ø₁ → Л + Ø₂ (silver → to silver, to jump – a jump).

путем его отсечения (II тип безаффиксальной транспозиции). Немалое количество таких примеров (44) обусловлено тем, что среднеанглийский язык находился под сильным влиянием французского языка (в связи с норманнским завоеванием). В это время заимствуется огромное количество новой лексики, но поскольку в этот период в английском языке усиливается тенденция к аналитизму, то заимствованные лексемы начинают жить по правилам языка-реципиента и утрачивают окончания, характерные для французского языка, и между ними устанавливаются конверсионподобные связи. Словообразовательные отношения, подобные существующим во французском языке (см. вышеприведенный пример, существуют и в немецком, ср. *das Haus* – *zu hause*).

Однако следует отметить, что в некоторых случаях слова, заимствованные из французского языка, послужили основой для производных по конверсии в английском, несмотря на существующий (или в некоторых случаях отсутствующий) коррелят в языке-доноре, т.е. глагол (или существительное), являются результатом словообразования, а не заимствования. Таким образом, образование конверсиров может происходить и на основе заимствованной из других языков лексики (например, *boomeran* – *to boomerang*).

Этимологический критерий действует в большинстве случаев, но все же имеет пределы, поэтому представляется необходимым использование дополнительных критериев анализа в случае неясной этимологии или если, например, пары слов, образованные по конверсии, появились не так давно (это касается в основном слов, образованных в 20–30-е годы XX века и позже, которые являются названиями реалий, возникших в это время, и конверсивы, образованные от них, например, *video* – *to video*, *fax* – *to fax*).

Среди дополнительных критериев анализа словообразовательных отношений по конверсии можно выделить следующие:

- **грамматический**, когда первичная частеречная принадлежность очевидна, как, например, в цветообозначениях (*blue* 'синий, голубой' – *the blue* 'океан' или *blue* 'синий, голубой' – *to blue* 'делать (становиться) синим, голубым'), где производящей основой несомненно будет прилагательное. Также в паре *глагол* – *существительное* первичным будет глагол, если он неправильный;
- **словообразовательный**, когда на основе анализа словообразовательных формантов других однокоренных производных определяется частеречная принадлежность производящего слова. Этот критерий был предложен П.А. Соболевой (словообразовательный критерий внутренней производности) [3]. Он заключается в следующем: если все или большинство производных слов в данном гнезде носят непосредственно или опосредованно отглагольный (отыменный) характер, то современное направление конверсии в данном гнезде глагол→существительное (существительное→глагол). Например, в гнезде *float* (v), *floatable* (adj), *floatation* (n), *floaters* (n), *floating* (adj), *float* (n) для суффиксальных производных первого порядка характерны словообразовательные форманты, присоединяющиеся, как правило, к основе глагола, таким образом вершиной данного гнезда будет глагол *to float*, а существительное *float* соответственно производным;
- **семантический** критерий, когда значение производного слова является более сложно структурированным, т.е. значение производного может быть объяснено через значение производящей основы (например, *pen* 'ручка' – *to pen* 'писать ручкой').

Все вышеперечисленные критерии при комплексном использовании позволяют разграничить производящее и производное слова, отличить слова, соотносящиеся по конверсии от слов, связанных отношениями омонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кубрякова Е.С.** Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2002, том 61, № 1. – С. 13.
2. **Смирницкий А.И.** Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // ИЯШ, 1953, № 5. – С. 21–31.
3. **Соболева П.А.** Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // Вопросы языкознания, 1959, № 2. – С. 91–95.
4. **Шафаренко Е.Я.** Из опыта описания семантической структуры слов, образованных по конверсии в современном английском языке // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. – Владивосток, 1975. – Вып. 2. – С. 108–114.
5. **Кубрякова Е.С.** Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания, 1974, № 5. – С. 64–76.

S U M M A R Y

The article describes a complex method of research of such a phenomenon as conversion. The proposed method allows, on the one hand, to differentiate the main word and derivative formed on the basis of conversion, on the other hand, it helps to distinguish the cases of homonymy and conversion.

Поступила в редакцию 3.02.2004

● ДА XIV МІЖНАРОДНАГА КАНГРЭСА СЛАВІСТАЎ (Македонія – 2008)

23–25 чэрвеня 2005 года ў Белградзе (Рэспубліка Сербія і Чарнагорыя) адбылося чарговае (другое) пасяджэнне Міжнароднага камітэта славістаў. На пасяджэнні была абмеркавана і прынята тэматыка XIV Міжнароднага з'езда славістаў, які адбудзецца ў 2008 годзе ў г. Охрыд (Рэспубліка Македонія).

Тэматыка

XIV Міжнароднага з'езда славістаў

(Рэспубліка Македонія, Охрыд, 2008 год)

(прынята на пасяджэнні Прэзідыума Міжнароднага камітэта славістаў у Белградзе, Сербія і Чарнагорыя, 23–25 чэрвеня 2005 года)

1.0. МОВАЗНАЎСТВА

1.1. Этнагенез славян і гісторыя славянскіх моў у сувязі з гісторыяй славянскай матэрыяльнай і духоўнай культуры. Праславянская мова і яе дыялекты. Славянская этымалогія. Стараславянская мова, яе дыялектная аснова і тэрытарыяльныя варыянты. Роля царкоўнаславянскай мовы ў фарміраванні славянскіх літаратурных моў. Тэксталогія славянскіх помнікаў.

1.2. Дыялекталогія і лінгвагеаграфія славянскіх моў. Пераходныя дыялекты. Пэрыферычныя дыялекты славянскіх моў, іх узаемае пранікненне і кантакты з неславянскімі мовамі. Славянскія элементы ў неславянскіх дыялектах. Этналінгвістыка. Актуальны стан славянскіх дыялектаў з пункту гледжання сацыялінгвістыкі.

1.3. Славянская анамастыка. Стан славянскай аніміі і яе змены. Стварэнне корпусу (баз звестак) славянскай анамастыкі. Праблемы анамастычнай лексікаграфіі.

1.4. Сучасны стан славянскіх стандартных моў. Вар'іраванне нормы. Іншамовны ўплыў на ўсіх узроўнях. Славянскія мовы з пункту гледжання сацыялінгвістыкі. Глобалізацыя і інтэрнацыяналізацыя ў славянскіх мовах: стан і перспектывы. Тыпалогія моўных станаў і моўных сітуацый. Моўная палітыка. Сацыялінгвістычныя і псіхалінгвістычныя аспекты полілінгвізму.

1.5. Сучасныя тэорыі і метады вывучэння граматычнай структуры славянскіх моў. Камунікатыўныя аспекты граматыкі. Тыпалогія славянскіх моў. Граматыка і слоўнік.

1.6. Сучасныя тэорыі і метады вывучэння лексічнай семантыкі і фразеалагіі. Моўная карціна свету. Кагнітыўны, канцэптуальны, этналінгвістычны, лінгвакультуралагічны падыходы.

1.7. Функцыянальныя стылі: стан і перспектывы. Размоўны функцыянальны стыль у славянскіх мовах. Літаратурна-мастацкі функцыянальны стыль і яго характарыстыка. Стылістыка і прагматыка. Рэлігійны функцыянальна-стылявы комплекс.

1.8. Славянскія мовы і корпусная лінгвістыка, праблемы рэпрэзента-тыўнасці тэкстаў.

2.0. ЛІТАРАТУРА, КУЛЬТУРА І ФАЛЬКЛОР

2.1. Эпоха Кірылы і Мяфодзія, перыяд славянскага пісьменства і Охрыдская літаратурная школа: лінгвістычныя, літаратуразнаўчыя, гісторыка-культурныя аспекты.

2.2. Славянскі фальклор. Праблемы вывучэння фальклору і традыцыйнай духоўнай культуры. Славянска-неславянскія сувязі. Тэксталогія фальклору. Узаемадзеянне фальклору і мастацкай літаратуры. Гарадскі фальклор.

2.3. Роля ідэй Асветніцтва ў станаўленні нацыянальнай самасвядомасці славянскіх народаў.

2.4. Літаратурныя напрамкі і школы ў літаратуры славянскіх народаў – традыцыі і наватарства. Рамантызм і рэалізм у літаратурах славянскіх народаў. Дэзінтэграцыя рэалізму ў канцы XIX стагоддзя і рэінтэграцыя рэалізму ў XX стагоддзі. Сімвалізм,

футуризм, экспрэсіянізм, сюррэалізм. Паэтыка мадэрнізму. Афіцыйная і неафіцыйная літаратура (1917–1989). Постмадэрнізм у славянскіх літаратурах у міжнародным кантэксце. Сучасныя з’явы ў славянскіх літаратурах. Спецыфічныя мадэлі развіцця асобных славянскіх літаратур. Фантастыка і навуковая фантастыка ў славянскіх літаратурах. Масавая літаратура.

2.5. Дыялог Усход – Заход у славянскіх літаратурах. Праблемы ўзаемапраціканнення нацыянальных культур. Глобалізацыя, еўрапейскія інтэграцыйныя працэсы і пошукі нацыянальнай ідэнтычнасці.

2.6. Грамадскія аспекты славянскіх культур і літаратур (міграцыя, эміграцыя, выгнанне, шматдомнасць). Літаратура нацыянальных меншасцей у славянскіх краінах.

2.7. Уклад славян у сучасныя плыні ў літаратуразнаўстве: рускі фармалізм, Бахцін і яго паслядоўнікі, фенаменалогія, структуралізм, семіётыка. Славянскія школы ў вершазнаўстве.

2.8. Філасофская, рэлігійная і палітычная думка славян. Свецкае і сакральнае ў славянскіх культурах.

2.9. Кампаратывістыка, жанралогія і славянскія літаратуры.

2.10. Уклад славян у сусветную літаратуру. Перапляценне культур: балканіка, славіка, еўрапейка.

3.0. ГІСТОРЫЯ СЛАВІСТЫКІ

3.1. Славянскае мовазнаўства, літаратуразнаўства, фалькларыстыка і культуралогія ў гістарычным развіцці.

3.2. Месца і роля славістычнай перыёдыкі: стан і перспектывы.

3.3. Спецыяльныя тэмы, прысвечаныя:

- жыццё і творчасці Косты Рацына (да 100-годдзя з дня нараджэння);
- жыццё і творчасці Льва Мікалаевіча Талстога (да 180-годдзя з дня нараджэння).

ПРАПАНАВАНЫЯ ТЭМЫ ДЛЯ «КРУГЛЫХ СТАЛОЎ»

1. Стан славістыкі ў свеце.

2. Славянскія літаратуры пасля 1989 года ў дыялогу з Еўропай і светам. Новыя з’явы, тэндэнцыі і перспектывы.

Заяўкі на ўдзел у XIV Міжнародным з’ездзе славістаў дасылаць да 31 мая 2006 года на адрас Беларускага камітэта славістаў:

Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі

(Беларускі камітэт славістаў)

вул. Сурганава, дом 1, корп. 2.

220072, г. Мінск, Беларусь

E-mail: inlinasbel@tut.by

У заяўцы ўказваецца:

1. Назва даклада з указаннем раздзела тэматыкі.

2. Кароткая анатацыя даклада на беларускай і англійскай мовах (да 1000 знакаў).

Заўвага: Даклад павінен уключаць моўныя, літаратурныя і г.д. факты з розных славянскіх груп.

3. Прозвішча, імя і імя па бацьку дакладчыка.

4. Вучоная ступень, званне, месца працы і пасада дакладчыка.

5. Службовы і дамашні адрас, кантактныя тэлефоны, E-mail.

Тэлефоны для даведак:

(017) 284 – 15 – 94 (старшыня БКС Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч),

(017) 222 – 36 – 02 (вучоны сакратар БКС Важнік Сяргей Аляксандравіч).

Беларускі камітэт славістаў

С.І. Даніленка

Мастацкая дэманізацыя фашысцкіх захопнікаў у лірыцы беларускіх паэтаў часоў Вялікай Айчыннай вайны

Мажорны пафас пераможных песень 30-х гг. XX ст. пра нязначныя і спарадычныя вайсковыя сутычкі на аддаленых рубяжах савецкай краіны з пачаткам самай страшнай вайны XX ст. змяняецца сапраўдным трагізмам сутыкнення з рэальным ворагам, што ўламіўся ў родную хату і пагражае смерцю Радзіме. Таму няма нічога дзіўнага, што ў асэнсаванні вобразаў смеротных ворагаў Савецкага Саюза беларускімі савецкімі паэтамі ўсталявалася інфернальная дамінанта, калі захопнікі ўвасабляліся не звычайнымі вайскова-палітычнымі праціўнікамі ў барацьбе за тэрыторыю і рэсурсы, а прыхаднямі з нялюдскага іншасвету, каштоўнасці якога прынцыпова несупастаўляльныя з каштоўнасцямі чалавечага грамадства.

Ва ўяўленнях савецкіх пісьменнікаў, парушыўшы межы СССР, захопнікі тым самым пераступілі мяжу паміж добром і злом, пазбавіліся ўсяго, што яшчэ злучала іх з чалавечай мараллю. І найбольш яскрава ўвасобіў гэтую думку ў сваіх вершах Якуб Колас, называючы немцаў «*пасланнікамі ліхаты*» («Мае мары» (1942) [1], «*варожай цемры і зла*» («Над магілаю друга» (1942) [1, с. 296], «*цёмры крывавай пустой*» («Сталінскае слова» (1941) [1, с. 269], «*чорнага стану атрутнага*» («Чуеш, край мой мілы» (1943) [1, с. 331], «*кывавага жаху*» («На абарону» (1941) [1, с. 239], «*цямранай сілы*» [1, с. 251] і «*кывавае цьмы*» («Фашысцкім бандытам» (1941) [1, с. 252]; «*навалы чорнай*» («Народу-барацьбіту» (1941) [1, с. 260].

Падобным разуменнем анталагічнага статусу праціўніка перадвызначаліся і яго канкрэтныя мастацкія персаніфікацыі, якія ўмоўна можна падзяліць на некалькі семантычных груп. Перш за ўсё гэта асэнсаванне вобраза агрэсара ў метафарах надзвычайнай, «нялюдскай», палітычнай тыраніі, якая паводле традыцыйных вераванняў з'яўлялася адной з відавочных адзнак «д'ябальскай» абранасці. Менавіта таму Якуб Колас называе Гітлера «*тыранам Еўропы*» («Капайце яму, далакопы» (1941) [1, с. 238], а саміх немцаў – «*калігуламі*» («На абарону» (1941) [1, с. 239], параўноўваючы іх з Калігулам (Caligula), рымскім імператарам (37–41 гг.), што імкнуўся да неабмежаванай улады, патрабаваў ушанавання сябе як бога і быў забіты, урэшце, сваёй прэтарыянскай гвардыяй.

Да другой групы можна аднесці параўнанне нямецкіх агрэсараў з іх гістарычнымі «папярэднікамі». І ключавымі паняццямі ў гэтым шэрагу будуць «*арда*» і «*дзікасць*». І гэта не дзіўна, бо з паняццем «*арда*» для ўсходніх славян звязана самае доўгае ў іх гісторыі, больш за дзвесце год, кывавае мангола-татарскае «іга» – панаванне іншаземцаў-іншаверцаў на рускіх

землях, якое ледзь не прывяло да знікнення самога ўсходнеславянскага этнасу як геапалітычнай рэаліі. У сваю чаргу «дзікасьць», «нецывілізаванасьць» качэўнікаў-заваёўнікаў з'яўляецца адной з найбольш яскравых метафар іх дэманічнай «нялюдскасці» і «амаральнасці». Таму ў вершах Якуба Коласа немецкія захопнікі паўстаюць як «*дзікая арда*» («Над магілаю друга» (1942)

[1, с. 296], «*тэўтонская арда*» («Капайце яму, далакопы» (1941) [1, с. 238], а таксама «*дзікія гуны*» («На аброну» (1941) [1, с. 239].

Трэцяя група параўнанняў уяўляе сабой класічны пералік персанажаў, звязаных з ніжэйшымі ўзроўнямі наўнай народнай міфалогіі, што генетычна паходзяць ад постацей паўстальных з магілы злавесных мерцвякоў, што не могуць здабыць пасмяротнага спакою, якія, па вызначэнні, самім сваім існаваннем пагражаюць смерцю ўсяму жывому. Персанажы гэтага вобразнага шэрагу з'яўляліся ў сілу сваёй архетыпічнасці найбольш уражлівымі і даходлівымі метафарамі дэманічнай «нялюдскасці» іншаземных захопнікаў, чым тлумачыцца іх папулярнасць і пашыранасць у савецкай грамадзянскай лірыцы часоў вайны. Так, гэтыя вобразы выкарыстоўваў Янка Купала, называючы немцаў «*нямчурамі-людажорамі*» («Хлопчык і лётчык на вайне» (1942) [2], «*нечысцямі*» [2, с. 174], а самога Гітлера – «*вампірам*» і «*дзікай зданню патарочай*» («Беларускім партызанам» (1941) [2, с. 173], «*чорным змеем*» («На Гітлера-звера» (1942) [2, с. 178]. Нечым падобным вызначаецца і вобразнасць вершаў Якуба Коласа, які параўноўвае агрэсараў з «*нечысцю*», «*ваўкалакамі*» («Стары гасцінец» (1942) [1, с. 292], «*поганню і нечысцю*» («Пажаданні пад Новы 1943 год» (1942) [1, с. 314], «*злаякасным верадам*», «*вампірамі-ваўкалакамі*» («Фашысцкаму звяр'ю» (1942) [3, 299], «*вампірамі заклётымі*» («Фашысцкім бандытам» (1941) [1, с. 251], «*крывавымі прывідамі і вампірамі*» («Капайце яму, далакопы» (1941) [1, с. 238], «*шкілетамі*», «*наглымі людзедамі*» («На абарону» (1941) [1, с. 239], «*нелюдзямі*» («Голас ветру» (1941) [Кол., II, 245], «*расцугленымі сцэрвамі*», «*гідрамі*», «*змеемі*» («Смерць разбойнікам» (1941) [1, с. 247], «*вылюдкамі*» з «*мурлом крывяпіўцы*», якіх трэба гнаць «*к чортавай долі*» («Салюты Масквы» (1943) [1, с. 330], «*фашысцкай поганню*», «*гадамі-пачварамі*» («Роднаму краю» (1943) [1, с. 334], «*падламі*» (Якуб Колас «Пахаванне Гейдрыха» (1942) [1, с. 295]. Пімен Панчанка вызначае немцаў як «*д'яблаў*» у вершы «Конь» (1943) [3].

Чацвёртую групу параўнанняў рэпрэзентуюць вобразы, звязаныя з невідучай усепаганічнай пошасцю, якая нясе агідную смярдзуючую смерць ўсяму жывому. Яны ўяўляюць сабой заснаваныя на фальклорнай традыцыі своеасаблівыя дэманічныя персаніфікацыі «*чумы*» і «*халеры*», а таксама вобразы рэальных пераносчыкаў хваробы, «паразітаў» і «крывацмокаў», што характэрна для твораў Якуба Коласа, які ўвасабляе прыхадняў як «*пошасць чорную*» («У цяжкую часіну» (1941) [1, с. 275], «*фашысцкую чуму*» («Мае мары» (1942) [1, с. 300], «*фашысцкую халеру*» («Што трэба» (1942) [1, с. 306], «*фашысцкую чорную вош*» («Душою і сэрцам мы з вамі, героі» (1941) [1, с. 249]. Янка Купала ў вершы «Хлопчык і лётчык на вайне» (1942) параўноўвае немцаў з «*вошамі*» і «*гадкімі смярдзючымі клапамамі*» [2, с. 176].

Адной з найбольш натуральных і пашыраных метафар з'яўляецца пятая група параўнанняў, якія самым непасрэдным чынам указваюць на жывёльную, «нялюдскую» прыроду іншаземных захопнікаў. І ў гэтым шэрагу перш за ўсё паўстаюць вобразы сабакі як традыцыйна «нячыстай», «д'ябальскай» жывёлы, а таксама хіжых драпежнікаў, само існаванне якіх заснавана на праліцці «нявіннай» крыві і таму вартых безумоўнай смерці. Таму Янка Купала называе нямецкіх агрэсараў «*родам сабачым*» [2, с. 174], «*зверамі звяроў*»

(«Беларускім партызанам» (1941) [2, с. 173], «*сабачымі сынамі*» («На Гітлера-звера» (1942) [2, с. 178] і «*гадзюкамі*» з «*крывавымі вачыма*» («Хлопчык і лётчык на вайне» (1942) [2, с. 176]. Якуб Колас параўноўвае іх з «*псамі-душагубамі*» з «*фашысцкага звярынага бярогу*» («Роднаму краю» (1943) [1, с. 334], «*звяругамі лахматымі*» з «*фашысцкае трушчобы*» («Фашысцкаму звар'ю» (1942)

[1, с. 299], «*звяругамі шалёнымі*» (Якуб Колас «*Душою і сэрцам мы з вамі, героі*» (1941) [1, с. 249], «*пачварамі*», «*фашысцкімі звермі з клыком сваім*» («Байцам і камандзірам Чырвонай Арміі» (1943) [1, с. 317], «*начыненымі ядам*» «*ваўчурамі*» з «*прасмердлай нары*» («Што трэба» (1942) [1, с. 306], «*пачварамі тупарылымі*» («Капайце яму, далакопы» (1941) [1, с. 238], «*драпежным зверам*», што «*аскаліў зубы*», «*саранчай*» («На абарону» (1941) [1, с. 239], «*галоднай зграяй*» («Душою і сэрцам мы з вамі, героі» (1941)

[1, с. 249], «*фашыстамі-ўдавамі*» («Абаронцам роднай зямлі» (1941) [1, с. 264], «*спрутамі*» («Салюты Масквы» (1943) [1, с. 330], «*фашыстамі-шакаламі*»

(«У цяжкую часіну» (1941) [1, с. 275], «*нямецкім зварынцам*» («Стары гасцінец» (1942) [1, с. 292].

І ўрэшце апошня, шостая група параўнанняў заснавана на ўяўленні пра асаблівыя сувязі з «нячыстай» сілай злачынцаў-«душагубаў» (паводле народных перакананняў ахвяры забойцаў, што паміралі гвалтоўнай смерцю ад іх рукі без царкоўных абрадаў, «губілі душу», бо траплялі пад уладу д'ябла), што свядома і дэманстратыўна адмаўлялі «людскую» мараль, людзей «нячыстых» прафесій і шаленцаў, што вызначаліся «нялюдскімі» паводзінамі. Менавіта гэтыя ўяўленні далі падставы Якубу Коласу вызначыць самога Гітлера як «*сусветнага грабежніка, бандыта*» («Фашысцкім бандытам» (1941) [1, с. 251], «*вырадка шалёнага*» («Голас ветру» (1941) [1, с. 245], «*вар'ята*», што «*злы намысел тоіць*» («Народу-барацьбіту» (1941) [1, с. 260], «*казалупам*» («Пахаванне Гейдрыха» (1942) [1, с. 295], а фашысцкую армію – як «*бандытаў*» («Фашысцкаму звар'ю» (1942) [1, с. 299], «*тэўтон-бандытаў*» («Абаронцам роднай зямлі» (1941) [1, с. 264], «*падступных падлюг і туляг*» («Шалёнага на ланцуг» (1941) [1, с. 237], «*разбойнікаў*» («Смерць разбойнікам» (1941)

[1, с. 247], «*зборышчам катаўскіх рыл*» («Пахаванне Гейдрыха» (1942) [1, с. 295]. Янка Купала мянуе іх «*людарэзаў збродам смердзячым*» [2, с. 174], «*ліхадзеямі*» («Беларускім партызанам» (1941) [2, с. 173] і «*катамі*» («Зноў будзем шчасце мець і волю» (1942) [2, с. 177].

Таму натуральна, што агрэсія гітлераўскіх войскаў супраць СССР асэнсоўвалася савецкімі паэтамі як уварванне ў светлы ўладкаваны «людскі» свет чорных «д'ябальскіх» «нялюдскіх» сіл, калі сама агрэсія набывае выразныя рысы жажлівай крывавай фантазмагорыі, перад якой блякнуць наіўныя карціны «апакаліпсісаў» і «мытарстваў», намалёваных у свой час хрысціянскімі візіянерамі. Здаецца, што брама самога пекла расхінулася перад знямелым чалавецтвам у сярэдзіне XX стагоддзя, і «*крывавы жах па свеце крочыць*», «*паўстаўшы з чорнай глыбіні*» (Якуб Колас «На абарону» (1941) [1, с. 239], каб выплеснуць з сябе ўсю шалёную нянавісць, на якую здольна істота, што лічыць сябе стварэннем Божым. І ўсё гэта пякельны баль смерці прымушае саму зямлю «*ў агні, у горкім дыме*» (Якуб Колас «Капайце яму, далакопы» [1, с. 238], «*напоеную шчодро крывавай расой*», застыць у «*пакуце*» (Якуб Колас «Фашысцкаму звар'ю» (1942): «*Напоены шчодро крывавай расой // Даліны, лясы і палеткі. // Прывідам кастлявым смерць ходзіць з касой, // А следам клубіцца дым едкі. <...> // Людскімі касцямі*

засеян прасцяг, // На нівах буяюць бур'яны, // Усхліпваюць рэкі ў халодных слязах, // І журыцца золак румяны» [1, с. 298].

Вораг «чорны», што ўварваўся ў савецкую краіну, «сее смерць і разбурэнне» «крывавай рукою» (Якуб Колас «Запытай ты сябе, чалавеча...» (1941)

[1, с. 248]; «звярынаю нагой», «разбойніцкай ступою» «стаптаў нам ніву нашу» і за сабою пакінуў «кроў, няволю і палон» (Якуб Колас «У цяжкую часіну» (1941) [1, с. 275]. Фашысцкая «брыда» «паўзе саранчою» і «ўсё пажырае, знішчае ўсё люта», яе не спыняе «нявінная кроў», ёй «не шкода дзяцей і жанчын» (Якуб Колас «Душою і сэрцам мы з вамі, героі» (1941) [1, с. 249]. Няма такіх злачынстваў, якіх не здзейсніў бы «сусветны злодзей і махляр» у абдымку са «шкілетам», што «змянім ядам вострыць джала» (Якуб Колас «На абарону» (1941) [1, с. 239], што «выразаў <...> старцам вочы», «рэзаў матак і дзяцей», «дзікай зданню патарочай» «заспаняў дні чорнай ночай» (Янка Купала «Беларускім партызанам» (1941) [2, с. 173], што «душыць свет, як сон-кашмар» (Якуб Колас «Капайце яму, далакопы» (1941) [1, с. 238]. Гвалт – не толькі сродка, але і сэнс існавання злавеснага прыхадня, якому людскія пакуты і смерць прыносяць асалоду (Янка Купала «Грабежнік» (1941): «Брыдзе, паўзе спіўнём раз'юшаны грабежнік, // Сцякае кроў па каршуновых яго лапах, // Людское цела рве, як вырадак-драпежнік, // Яму шчакоча ноздры-храпы трупны запах. // Пад енкі-стогн канаючых ахвяр нявінных, // Спраўляе дзіка страшны свой банкет-ігрышча // Ён, п'яны ад крыві дзіцячай, мацярынай. // Пасцель сабе і трон свой жудасны хаўтурны // З касцей і чарапоў пастроіў чалавечых, // Хаўтурныя да сну яму іграюць сурмы, // На раніцу склікаюць людарэзаў веча. // Купаецца ў слязах удовіных, сірочых, // Апошнія здзірае з плеч старых кашулі // Распаслены, вясёлы рыцар цёмнай ночы, // Прысяжны вешацель, цар скоцкага разгулля» [2, 174–175].

І менавіта гэтым яго «нялюдская» мараль, яго «нялюдскі» закон адрозніваюцца ад чалавечых законаў, бо «што яму права, людскія законы» – «закон яго – доўбня і нож» (Якуб Колас «Душою і сэрцам мы з вамі, героі» (1941) [1, с. 249], закон «цэмы», напісаны «кроўю» (Якуб Колас «Голас ветру» (1941) [1, с. 245], «крывавыя <...> скрыжалі» (Якуб Колас «Мае мары» (1942) [1, с. 300]. Ён – д'ябальская пачвара з «халодным тварам», «звярыным відам», з «у сталь закованым капітом», якая «не знае жалю, ні законаў» (Якуб Колас «Голас зямлі» (1941) [1, с. 284], – жажлівае падабенства «Юды – беззаконнага чорта» з беларускіх народных казак, «чалавекападобнай лясной істоты, прэзвараў са смертаноснымі ікламі» [4]. І дадзенае параўнанне цалкам правамернае, бо «беззаконне» – адна з родавых прыкмет д'ябальшчыны.

Таму вораг, што ўносіць сябе вышэй за чалавечыя законы, варты безумоўнага і бязлітаснага знішчэння светлымі сіламі добра, якія стаяць на варце жыцця. Гэтай сілай добра з'яўляецца «сталінская сіла», якой не ў стане «спрацівіцца» ніхто (Якуб Колас «Шлях славы» (1944) [1, с. 338], што «жалезным патокам, сталёваю лавай» змяце чорных ворагаў з твару зямлі (Якуб Колас «Салюты Масквы» (1943) [1, с. 330], «ад нечысцяў» ачысціць «нашы нівы і лясы» (Янка Купала «Беларускім партызанам» (1941) [2, с. 174]. Яна ўвасабляецца як «армія збавення» (Якуб Колас «Чуеш, край мой мілы» (1943) [1, с. 331], у шэрагах якой нішчаць фашысцкую нечысць «з бурай у сэрцы, закованы ў зброю» «рыцары Айчыны», што «ляцяць» па волі Сталіна змагацца «за Савецкі Саюз», «за Беларусь» «у сакалінай нястомнай пагоні» (Піліп Пестрак «Рыцар Айчыны» (1943) [5].

Сваё адлюстраванне ў беларускай савецкай паэзіі ваенных часоў справядлівае пакаранне фашысцкай «нелюдзі» знайшло ў шэрагу ўражлівых метафар, вобразнасць якіх засноўваецца пераважна на славянскай эпічнай традыцыі і ўяўленнях, што характэрны для народнага сялянскага «экзарцызму». Так, сама маці-«зямля» павінна «*расступіцца ў пакуце сваёй*» для таго, каб «*глынуць*» «*дзікія орды*», стаць для іх «*глухою труной, варажаю кроўю абмытай*» (Якуб Колас «Фашысцкаму звяр'ю» (1942) [1, с. 299]. Ворага, як «змея», быліннага Гарыныча, трэба ўзяць «*у вільі*» і «*голавы далоў*» (Якуб Колас «Адпомсцім» (1942) [1, с. 289], каб «*гадавай атрутай*» сам «гад» быў «*умыты*» – «*кроўю чорнай, злой*» – і «*змешаны з зямлёй*» (Якуб Колас «У майскія дні» (Чырвонай Арміі) (1945) [1, с. 238]. Вызваленне краіны ад фашысцкай навалы паўстае ў ваеннай лірыцы беларускіх паэтаў як бязлітаснае, «язычніцкае» ў сваім знішчальным пафасе змаганне з «беззаконнымі» крыважэрнымі дэманамі змроку, і ў дачыненні да іх губляюць сваю сілу любыя «чалавечыя» і «ваенныя» законы, бо для іх зразумелы толькі закон гвалту і сілы, «*кывавы*» закон «*доўбні і нажа*» (Якуб Колас «Што трэба» (1942): «*Крышы, знішчай, як зможаш, ваўчуру, // Начыненую ядам, // Агнём палі прасмердлую нару, // Дыхнуць не дай ім, гадам. // Труці іх, распінай, бі з-за вугла // Даўбнэй, нажом, сякерай...*» [1, с. 306].

Таму савецкія воіны «*лічаць*» і «*смяротна глушаць*» «*галовы нямчур-людажораў*», страляюць з «*кулямёта*» ў «*сабачыя сэрцы звяр'я*», «*давяць*» іх «*як вошаў, як гадкіх смярдзючых клопоў*» (Янка Купала «Хлопчык і лётчык на вайне» (1942) [2, с. 175–176].

Такім чынам, пры стварэнні вобразаў фашысцкіх захопнікаў у вершах беларускіх паэтаў часу Вялікай Айчыннай вайны аўтарамі выкарыстоўваецца сталая фальклорная традыцыя, блізкая і зразумелая пераважна вясковаму чытачу на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі. Такая семантыка арганічна і плённа ўпісвалася ў поле рэцыпцыйнага пашырэння сэнсу твораў, якія павінны былі абуджаць патрыятычныя настроі ў савецкіх грамадзян. Тым самым літаратурная традыцыя, што грунтавалася на надзвычай архаічных вобразах і паняццях, пачынала выконваць грамадзянскую функцыю ва ўмовах савецкай рэчаіснасці, паядноўваючы савецкія ідэалагічныя пабудовы са спрадвечнымі агульначалавечымі каштоўнасцямі. Таму фашысты ў беларускай патрыятычнай лірыцы ваенных часоў паўстаюць спараджэннямі пякельнага «нялюдскага» свету, мараль якіх з'яўляецца несумяшчальнай з чалавечай мараллю, з чаго вынікае неабходнасць іх самага суровага пакарання і самай ганебнай гібелі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Колас Я.** Збор твораў: у 7 т. – Т. 2. Вершы. Апавяданні вершам (1917–1952). – Мн., 1952. – С. 301.
2. **Купала Я.** Поўны збор твораў: у 9 т. – Т. 5. Вершы, пераклады 1930–1942. – Мн., 1998. – С. 175.
3. **Панчанка П.** Гарачыя вятры. – Мн., 1947. – С. 83.
4. **Белова О.Е.** Иуда // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 211.
5. **За шчасце Беларусі. Вершы і апавяданні** / Пад рэд. **Я. Коласа**. – Москва, Ленинград, 1945. – С. 161–162.

S U M M A R Y

The article deals with the process of creating a demoniac imagery of German fascist invaders in context of traditional Byelorussian folklore imagery. The analysis

Ю.А. Шчука

Вобраз нацыянальнага інтэлігента ў тэтралогіі Вячаслава Адамчыка

Чатыры раманы беларускага празаіка Вячаслава Уладзіміравіча Адамчыка (1933–2001), у якіх ён з глыбокім веданнем і па-майстэрску раскрыў тэму жыцця сваёй Радзімы – Заходняй Беларусі («Чужая бацькаўшчына», «Год нулявы», «І скажа той, хто народзіцца», «Голас крыві брата твайго»), ужо сталі лічыцца класікай беларускай прозы. Ва ўсіх іх прысутнічае вобраз хлопца – жыхара вёскі Верасава Міці Корсак, які на працягу сюжэтнага ходу сталее, фарміруецца як інтэлігент, праходзячы нялёгкі шлях змагання за шчасце сваёй зямлі і яе народа. Менавіта пра яго, а таксама пра іншых інтэлігентаў, вобразы якіх створаны В. Адамчыкам, пойдзе гаворка ў гэтым артыкуле.

Тэма фарміравання народнай інтэлігенцыі ў беларусаў, якое адбылося ў першай палове XX стагоддзя, у беларускай літаратуры раней ужо глыбока распрацоўвалася Якубам Коласам (трылогія «На ростанях»), Максімам Гарэцкім (апаਵяданні першых дзесяцігоддзяў XX стагоддзя), Кузьмой Чорным (некаторыя раманы 30-х–40-х гадоў) і некаторымі іншымі пісьменнікамі. У творах гэтых аўтараў паказаны людзі, якія задумваюцца над лёсам свайго народа, спрабуюць асэнсаваць тыя складаныя падзеі, што адбываюцца на Беларусі ў пераломны час. Паколькі беларуская нацыя ў першай палове XX стагоддзя складалася пераважна з вясковага жыхароў, то заканамерна, што першыя беларускія інтэлігенты паходзілі з вёскі, узрасталі «на вясковай глебе».

Закладзеныя славуцімі майстрамі літаратуры традыцыі ўспрыняў і ўзбагаціў

В. Адамчык. Аднак яго тэтралогію вылучае ў шэрагу твораў на аналагічную тэму тое, што інтэлігент паказаны на працягу свайго жыцця ад дзяцінства і да смерці, а таксама падрабязна разгледжаны абставіны і ўмовы, якія фарміруюць характар чалавека. Інтэлігенцыя ў тэтралогіі выглядае актыўнай грамадскай сілай, якая значна ўплывае на іншых людзей. Адносна вызначэння паняццяў «інтэлігенцыя», «інтэлігент» можна прыняць пункт гледжання акадэміка Д.С. Ліхачова, які лічыў, што «интеллигент – это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью» [1]. Д.С. Ліхачоў таксама адзначаў: «Интеллигент – это человек «особой складки»: терпимый, легкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам» [1].

Міця Корсак, як нам падаецца, на ўсіх этапах сваёй біяграфіі валодаў такой прыстойнасцю, якая выражалася найперш у адданасці інтарэсам свайго беларускага народа, шчырым жаданні працаваць дзеля яго, што і дало падставу лічыць яго інтэлігентам. У многіх працах, прысвечаных фарміраванню інтэлігенцыі ў Расіі (тут найперш маецца на ўвазе зборнік «Вехи», які ўключае працы

М.А. Бярдзяева, П.Б. Струве, С.Л. Франка, С.М. Булгакава, М.А. Гершэнзона, А.С. Ізгоева, Б.А. Кісцякоўскага), адзначаецца таксама нятоеснасць паняццяў інтэлігентнасці і адукаванасці. Хаця адукацыя неабходная для чалавека, які можа і хоча стаць інтэлігентам, акрамя яе патрэбна яшчэ жаданне зрабіць штосьці сваё, новае і карыснае народу.

Як мы бачым ужо ў першым рамане В. Адамчыка «Чужая бацькаўшчына», з дзяцінства Міця валодаў вызначальнымі якасцямі характара, патрэбнымі для фарміравання інтэлігента, – рэфлексывнасцю, аналітычнасцю, схільнасцю да роздуму. Гэтыя якасці вылучалі хлопца з ліку аднавяскоўцаў, аднак не адчуваў яго ад свайго акружэння, а хутчэй наадварот, даваў штуршок ягонай будучай дзейнасці на карысць народа. Апрача ўласцівага многім маладым роздуму над адносінамі людзей, якія знаходзіліся побач з ім, Міця цікавілі і больш агульныя, глабальныя праблемы пабудовы грамадства, справядлівасці ў ім, прызначэння чалавека ў свеце. Тым асяроддзем, якое наводзіць на роздум, выпрацоўвае думкі, для галоўнага героя выступала родная прырода. У рамане «Чужая бацькаўшчына» ёсць унутраны маналог Міці, у якім можна бачыць пацвярджэнне гэтаму:

«Няўжо праўда, што ўсё гэта павінна змяніцца на зямлі – вёска, той далёкі лес, лапкі стракатай руні на грудку, дзе на другое лета будзе палавець высокае, як троснік, і густое жыта, потым будзе адліваць золатам пруткае ржышча і пад восень на сонцы цяплом запахне свежая ралля. І гэтак бясконца. Бясконца будуць мяняцца людзі ў гэтай ціхай, што хаваецца за карычнявата-чорным прысаддзем, вёсцы.

А колькі іх змянілася ўжо. І ніхто не ведае, чым жыў, пра што думаў гэты даўнейшы чалавек. А ён жа таксама пераходзіў тут недзе кладку, глядзеў з грудка на вёску, радаваўся, што добра паўсходзіла рунь. Улетку аглядаў поле і быў давольны, што выпаў ураджайны год. А хто ведае гэтага чалавека?

Няўжо і я без ніякага следу павінен згінуць, растаць, як дым, у гэтым бясконцым свеце?» [2].

Такія глыбокія думкі служаць імпульсам для далейшага духоўнага самаўдасканалення героя, падштурхоўваюць яго да нейкіх высокіх учынкаў на карысць Радзімы і грамадства, праз якія можна выратавацца ад сыходу ў нябыт:

«Міця ўзяла трывога, ахапіў страх, у нейкай звар'яцелай гарачыні завірылі, закружыліся, як глыбокая вада, яго мыслі: ён згіне, прападзе ў гэтым бясконцым свеце – і пасля яго не астанецца нічога. Няўжо гэта праўда? Няўжо? І ён, як за саломіну, хапіўся зноў за тое, што перадумаў раней, кожны раз сам-насам, стаіўшыся перад сном, – ён зробіць нешта вялікае на гэтай зямлі дзеля сябе і дзеля сваіх людзей, ён пойдзе ваяваць за іхнюю волю. Ён згіне, але яго будуць помніць. Чалавек павінен пакідаць пасля сябе памяць» [2].

Відавочна, што дзеля ажыццяўлення такой высокай мэты трэба было здзейсніць нейкі гераічны ўчынак: Міця ўжо з дзяцінства разумеў і адчуваў прыгнечанае становішча свайго народа, выкліканае адсутнасцю дзяржаўнай самастойнасці, таму каб упісаць сваё імя ў людскую памяць, на яго думку, было неабходна зрабіць нешта такое, што наблізіла б шчасце і ўсеагульную роўнасць. Шлях да шчаслівага жыцця бачыцца хлопцу праз асвету, праз далучэнне сваіх землякоў да культурных здабыткаў чалавецтва, а каб здзейсніць такое далучэнне, ён і сам мусіць стаць адукаваным. Акадэмік

В.А. Каваленка ў артыкуле «Птах з падрэзанымі крыламі» з гэтай нагоды сказаў наступнае: «Міця ўжо прагне вялікай навукі і культуры, глыбокага

пазнання свету, каб змяніць цяжкія сацыяльныя ўмовы існавання ўсяго народа. Людзі з такімі імкненнямі становяцца носьбітамі народнай і нацыянальнай свядомасці» [3]. У гэтым сэнсе польская школа хаця і дала хлопцу багаж рознабаковых ведаў, да якіх ён так імкнуўся, аднак не выхавала ў Міці польскую свядомасць, як у некаторых іншых яго суайчыннікаў-заходнікаў, а паводле прынцыпу «ад супрацьлеглага» скіравала яго да беларускасці, да беларускай культуры і мовы, якія былі больш блізкімі хлопцу. За свае прабеларускія погляды герой пачынае цяпець тады, калі трапляе ў польскі пастарунак, дзе асабліваю нянавісць у польскіх паліцыянтаў выклікае сшытак з беларускамоўнымі вершамі; гэты выпадак лішні раз пераконвае хлопца ў сваёй праваце, загартуе веру ў свой народ.

Істотна паўплывалі на Змітрыка і сямейныя ўмовы: народнае выхаванне, якое ён атрымаў ад бацькі (маці памерла вельмі рана), выклікала ў хлопчыка пачуццё еднасці з народам, адчуванне асабістай адказнасці за жыццё сваёй Радзімы, шчырае жаданне з поўнай самааддачай працаваць і жыць дзеля яе. Сям'я Корсакаў хоць і не была поўнай у звычайным разуменні, але Улас прыкладаў намаганні дзеля таго, каб захоўваць спрадвечныя нормы народнай маралі і прывіваць іх дзецям. У вёсцы хата Корсакаў адыгрывала ролю своеасаблівага інфармацыйнага цэнтра: Міця выпісваў газеты, а з Уласам часта прыходзілі параіцца старэйшыя мужчыны вёскі, лічачы яго пазіцыю важнай. Трэба, аднак, адзначыць, што Уласава дачка Алеся не толькі выходзіла замуж двойчы, але нават спрабавала загубіць сваё дзіця. Кожны член сям'і Корсакаў ужо вылучаецца з натоўпу, з шэрай масы, выглядае ў творы як самастойная асоба. Праз паказ Міцевай сям'і, ва ўмовах якой адбывалася фарміраванне характару галоўнага героя, Вячаслаў Адамчык сцвердзіў думку пра тое, што на асобу інтэлігента вызначальны ўплыў зрабіла народная мараль, увабраная будучым інтэлігентам са свайго асяроддзя. Гэты народны ўплыў – не толькі факт з асабістай біяграфіі Міці Корсака, але і асаблівасць фарміравання беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі ў цэлым (аналагічны падыход да інтэлігенцкай праблемы, на нашу думку, бачны ў творах М. Гарэцкага).

Відавочна, што складаныя сацыяльна-палітычныя ўмовы, якія мелі месца на Заходняй Беларусі ў першай палове XX стагоддзя, адбіліся на грамадскай пазіцыі галоўнага героя тэатралогіі. На гэты час ужо існавала сфарміраваная беларуская нацыя, але яе прадстаўнікі былі раз'яднаны штучна створанай мяжой. Частыя змены ўлады і супярэчлівыя звесткі пра жыццё ў Савецкай Беларусі выклікалі разгубленасць і неразуменне ў беларусаў-заходнікаў, якім было складана вызначыць свой лёс. Прымаючы гэта ўсё пад увагу, можна адзначыць, што фарміраванне народнай інтэлігенцыі ў беларусаў было ўскладнена. Першую магчымасць здзейсніць штосьці значнае і карыснае для людзей, наблізіцца да сваіх ідэалаў служэння народу Міця атрымаў з усталяваннем Савецкай улады. Хлопцу было складана разабрацца ва ўсіх тагачасных варунках, таму ён шчыра паверыў у перспектывнасць новага грамадскага ладу і хутка ўключыўся ў працу мясцовага савета.

Аднак паступова стаўленне Змітрыка да новай улады мяняецца: на гэта паўплывала найперш адхіленне ад працы ў Дварчанскім валасным камітэце Лаўрына Царыка, даўняга Міцевага сябра, пазіцыя і справы якога былі вельмі блізкімі нашаму галоўнаму герою. Лаўрына можна назваць духоўным настаўнікам Міці: знаёмства з ім становіцца вызначальным у лёсе нацыянальна свядомага хлопца. Сімпатыі аўтара да гэтага персанажа праяўляюцца ўжо ў тым, што Царык чытае і вельмі высока цэніць Ф.М.

Дастаеўскага. «Без яго, як без Бібліі, душу чалавечую не ведацьмеш», – сцвярджае Царык [4]. Сам

В. Адамчык таксама вельмі цаніў Ф. Дастаеўскага – многія думкі вялікага рускага пісьменніка былі блізкія праймаю і знайшлі адлюстраванне ў яго творах. Можна параўнаць, да прыкладу, два наступныя выказванні: «Кто слишком любит человечество вообще, тот большею частию, мало способен любить человека в частности» (Ф. Дастаеўскі) [5]; і афарыстычныя словы самога В. Адамчыка: «Хто вельмі ж шкадуе злачынцу (злодзея, забойцу і інш.), той вельмі часта не здольны пашкадаваць яго ахвяру» [5, с. 126]. Царык быў зменены на пасадзе старшыні Зояі Нікандравай, старой большавічкai, прысланай з Расіі, якая недаверліва і варожа ставілася да заходняга насельніцтва. Такім чынам, мары і спадзяванні, якія звязваў Корсак-малодшы з прыходам новага парадку, не спраўдзіліся: прадстаўнікі новай улады не клапацяцца пра інтарэсы беларускага народа, а імкнуцца загнаць яго ў безагаворачнае падпарадкаванне большавічкai адміністрацыі. Схільнасць да абдумвання ўсяго, што адбываецца навокал, рэфлексывнасць прыводзіць яго да непрыняцця шмат якіх навацый Савецкай улады.

У чацвёртай кнізе тэтралогіі, дзе апісваецца прыход Другой сусветнай вайны на Беларусь, Міця зноў перажывае асабісты спад, які часова спыняецца толькі пасля вызвалення хлопца з турмы. Выцягнуў яго даўні знаёмы Костак Камашыла, ён жа потым аказаў яму вялікі давер, узяўшы ў сваю вайсковую беларускую часць, створаную з дазволу немцаў. Відавочна, што Костак таксама калісьці верыў у беларускую ідэю (тут можна прыгадаць эпізод з першай кнігі, дзе Міця сустрэў Камашылу на дарозе ў мястэчка, калі той ехаў вучыцца ў Віленскую гімназію, – усё ж там Костак атрымаў пэўны «заряд беларускасці»), але далейшае жыццё развяло гэтых персанажаў вельмі далёка. Аўтарскія характарыстыкі Камашылы пераважна адмоўныя. Сваёй фразай «Не, туды я не пайду... Як ужо ні будзе» [2, с. 90]. Міця падкрэслівае сваё стаўленне да фашысцкай акупацыі і ідэалогіі, якое сярод прадстаўнікоў тагачаснага беларускага народу было розным. Пачуццё адказнасці за свой народ і краіну, уласцівае інтэлігенту, а таксама несумяшчальнасць яго маральных прынцыпаў з тым, што даводзілася бачыць, чуць, рабіць у атрадзе Камашылы, не дазволілі Міцю ўвязацца ў сумнеўную справу.

У канцы чацвёртага рамана тэтралогіі Міця гіне: як вядома з кнігі, яго забівае мясцовы партызан Жэнік Рэпка. Гэта, на нашу думку, сімвалізуе наступленне на Беларусь самай страшнай і змрочнай навалы XX стагоддзя – Другой сусветнай вайны. Як ніколі раней беларусы падвяргаюцца смяртэльнай небяспецы: ім пагражае як фізічнае знішчэнне, так і справакаваны варожымі бакамі сусветнага канфлікту раскол нацыі, з-за якога аднавяскоўцы, равеснікі, суседзі апынаюцца на супрацьлеглых пазіцыях і забіваюць адзін другога. Адбываецца канчатковая дэзарыентацыя беларусаў, якія, знаходзячыся паміж двух агнёў, імкнуліся па магчымасці ратавацца, захаваць жыццё, але гэта слаба атрымлівалася. Паказаны Вячаславам Адамчыкам лёс нацыянальнай інтэлігенцыі, як і лёс усёй беларускай нацыі ў XX стагоддзі, выглядае вельмі трагічным: наш народ быў пазбаўлены незалежнасці, неаднаразовыя спробы дабіцца яе аказаліся няўдалымі, таму жыццё беларусаў заўсёды вырашалася па-за межамі Беларусі, і вырашалі яго людзі, далёкія ад беларускіх інтарэсаў. Пісьменнік таксама выражае думку, што інтэлігент у нашай краіне не толькі прысвячае сябе стварэнню і захаванню духоўнага вопыту народа, а вымушаны ахвяраваць сабой дзеля інтарэсаў нацыі, як і адбылося з Міцём Корсакам.

Падкрэсліванню гэтай ідэі службыць натуралістычны паказ ваенных сцэн, дзе бачна непрыхаваная, а часам проста сляпая жорсткасць з боку ўдзельнікаў ваеннага канфлікту ў дачыненні да мірнага насельніцтва. Напрыклад, стаўленне фарміраванняў РОНА да мясцовых жыхароў выяўляецца праз адну кароткую фразу «Стрелять всех надо», кінутай ронаўцам, калі яго пазнаў на базары Міця Корсак. Не адставаў ад іх у жорсткасці і казакі: яны збівалі мясцовых жыхароў проста «дзеля прафілактыкі», толькі за тое, што тыя трапіліся на іх шляху. Так пацярпеў стары Літавар, які ішоў у касцёл, гэтак жа атрымаў удары па галаве стары Корсак, бо не змог назваць мясцовых партызанаў. Відавочна, што такое стаўленне да народа не магло нармальна ўспрымацца інтэлігентам, выклікала ў яго цяжкі роздум. Найвялікшай асабістай трагедыяй, якая перавярнула ўсе інтэлігенцкія ўяўленні пра свет і людзей, стала для Міці смерць самага блізкага чалавека – бацькі Уласа Корсака, пасля якой у галоўнага героя нарадзіліся такія думкі: «Няўжо свет такі злы і нялітасцiвы? Няўжо не было і няма ў ім дабра? І ён, Міця, дарма шукаў у ім справядлівасці, высокага чалавечага розуму, светлага кахання, дабраты паміж людзьмі. Няўжо ён так горка абмыліўся? Няўжо пануе толькі звырыны закон: ірваць адзін аднаго, трымаць у няволі, з асалодаю біць, рэзаць, заваёўваць, узвышацца адзін над адным, род над родам, нацыя над нацыяй, дзяржава над дзяржавай» [2, с. 258].

Падагульняючы сказанае вышэй, можна з упэўненасцю канстатаваць, што Вячаславу Адамчыку ў заходнебеларускай тэтралогіі ўдалося пераканаўча вырашыць пастаўленае ім інтэлігенцкае пытанне, дзякуючы чаму адной з вядучых ідэй твора стала сцверджанне той важнай ролі, якую адыгрывае гэтая сацыяльная група ў пабудове незалежнай краіны, у захаванні духоўнага вопыту народа. На жаль, намаганні інтэлігентаў кшталту Міці Корсака і Лаўрына Царыка не дасягнулі мэты: тагачасная грамадска-палітычная сітуацыя не дазваляла ніякага іншадумства, адступлення ад дырэктыўных нормаў рэвалюцыйнай лініі, таму асабісты лёс шчыра адданных Беларусі людзей аказваецца зламаным жорсткімі абставінамі. Важна яшчэ раз падкрэсліць, што наш народ у першай палове XX стагоддзя дасягнуў такога ўзроўню культурнага ўздыму, калі з яго глыбіняў ужо маглі ўздымацца інтэлектуальна актыўныя сілы, якія былі здольныя стаць «мозгам нацыі». Міцю можна лічыць менавіта нацыянальным інтэлігентам з той прычыны, што ён ва ўсе перыяды жыцця імкнуўся не адрывацца ад сваёй беларускай глебы, аддаваў усяго сябе працы на карысць народа.

ЛІТАРАТУРА

1. **Лецка Я.** Харастов і боль жыцця: Нарыс творчасці Вячаслава Адамчыка. – Мн., 1985. – С. 505.
2. **Адамчык В.** Голас крыві брата твайго: Раман. Апавяданне. – Мн., 1991. – С. 78.
3. **Вехи:** Сборник статей о русской интеллигенции. (Репринтное воспроизведение издания 1909 года). – М., 1990. – С. 239.
4. **Адамчык В.** Чужая бацькаўшчына. – Мн., 1995. – С. 286.
5. **Адамчык В.** Старонкі з дзённікаў // Маладосць, 2003, № 7. – С. 125.

S U M M A R Y

In clause one of conducting themes of Viachaslau Adamchyk's tetralogy – theme of intelligency is shined. The detailed analysis of an image of the tetralogy

main hero Mitia Korsak is given during his vital ways in wide spatial-temporary context, and also by the way of development of the internal world of the hero.

Поступила в редакцию 2.03.2005

В.Ю. Бароўка

Спецыфіка мастацкага этнаграфізму ў беларускай прозе першага пасляваеннага дзесяцігоддзя

Проза першага пасляваеннага дзесяцігоддзя – адметны этап у развіцці беларускага пісьменства. Яна была прасякнута пафасам аднаўлення разбуранага вайной жыцця. Заканамерна, што цэнтральнымі ў ёй сталі тэмы нядайна мінулай вайны і мірнага будаўніцтва.

Тэма вайны знайшла даволі глыбокае для таго перыяду асэнсаванне ў такіх творах рускай прозы, як раман Віктара Някрасава «У акопах Сталінграда» (1946), апавесцях «Зорка» (1947) Эмануіла Казакевіча і «Валакаламская шаша» (1946) Аляксандра Бека. У гэты час у беларускай літаратуры выйшлі з друку «Глыбокая плынь» (1948) Івана Шамякіна, «Мінскі напрамак» (1952) Івана Мележа, «Векапомныя дні» (1948–1958) Міхася Лынькова, «Расстаёмся ненадоўга» (1954) Аляксея Кулакоўскага, аўтары якіх паспрабавалі без празмерных сацыялагічных спрашчэнняў расказаць пра суровыя выпрабаванні ў жыцці народа. Мастацкі этнаграфізм у творах пра вайну прадставаў у рэдукаваным выглядзе, па форме ўяўляў кароткія замалёўкі народнага побыту, указваючы на месца дзеяння, або этнаграфізаваныя апісанні беларускай прыроды ці кароткія звесткі пра Беларусь. Так, у апавесці «Братэрства» (1948) Тарас Хадкевіч расказаў пра гераізм і мужнасць зняволеных фашыстамі салдат і афіцэраў Чырвонай Арміі. Лейтэнант Аляксей Адынец – чалавек даволі тыповай біяграфіі для ваеннага часу: ён трапіў у акружэнне, потым – да партызан, быў схоплены фашыстамі і адпраўлены ў канцлагер, адкуль лейтэнанту пашанцавала ўцячы і зноў стаць вайскоўцам. У далёкай чужыне Аляксея заўсёды маральна падтрымліваў успамін пра родны кут: «Ён уявіў вясёлую рэчку, што сіняватай істужкай уецца паміж узгоркаў і пералескаў, абвітая лазняком і алешнікам. Па беразе да яе збягае няроўная чарада хат з пачарнелымі ад часу і дажджу стрэхамі. У цэнтры вёскі новы будынак школы, заводшыбе канюшні, кароўнікі, свірны. Дзесьці там, паміж хат, згубілася і заповітная хаціна з рабінай ля ганка і пакрыўленым плотам вакол садка. Над калодзежам спляліся ў суцэльны шацёр вецці вербаў, пасаджаных Аляксеем калісьці ў дзяцінстве» [1]. У рамане Міколы Ткачова «Згуртаванасць» (1950) шмат месца адведзена апісаннем побыту партызанскай зоны, рэйкавай вайне, абаронным баям у час блакады, а мастацкі этнаграфізм выяўляўся праз адступленні рытарычнага характару, кшталту наступнага: «Мілая, родная сэрцу Беларусь! І насцярожаная, ласкавая, і грозная, ты нямала чаго зведала на сваім шляху: пакутавала пад уладай літоўскіх князёў, польскіх каралёў, а потым рускіх самадзержцаў. Быццам паміж двух палаючых вогнішчаў стаяла ты паміж Захадам і Усходам, была аб'ектам шматлікіх спрэчак і інтрыг. На тваіх прасторах скрыжоўваліся інтарэсы дзяржаў і рэлігій, раз-пораз бушавалі спапяляючыя войны» [2].

Прозе даследуемага перыяду быў уласцівы эпічны характар адлюстравання падзей, бо, па аўтарытэтным меркаванні А. Яскевіча, «буйныя эпічныя жанры пасляваеннаму пакаленню пісьменнікаў здаваліся найбольш

прыдатнымі для шырокага ахопу ўсяго супярэчлівага шматгалосся з'яў і складанасці праблем, якія несла бурная плынь рэчаіснасці» [3]. Пацвярджэннем таму з'яўляюцца не толькі творы беларускіх пісьменнікаў, але і проза пра вайну паляка Богдана Чэшкі, сербаў Бранкі Чопіча і Оскара Давіча, чарнагорца Міхайлы Лаліча. «Цэнтрабежныя» (Д. Затонскі) раманы прыкоўвалі ўвагу пісьменнікаў не столькі да характараў, нацыянальнага свету і нацыянальнага характару, колькі да падзей.

Ваенная тэма своеасабліва гучала і ў творах пра мірныя будні людзей першага пасляваеннага дзесяцігоддзя. Аповесць «Гарачы жнівень» (1946)

I. Мележа была напісана неўзабаве пасля заканчэння вайны. Падзеі ў творы адбываюцца летам 1945 года, калі былыя франтавікі толькі-толькі пачалі вяртацца дадому. Героі Мележа шчыра радуюцца мірнай працы. Гэта быў даволі праўдзівы твор пра час, калі «ўся работа, і мужчынская, і жаночая, – на жанчынах, яна знясільвае людзей, калі ўся гаспадарка разбурана, калі амаль што кожны лёс пакалечаны вайной, калі памяць пра вайну так шчыміць, што не дае спакою ні ўдзень, ні ўночы. Светлая і горкая гэтая аповесць (...) сказала сваю праўду пра тое лета, калі нечаканая засуха звалілася на стаптаныя вайной палі» [4]. Важную ролю адыгрывалі ў творы этнаграфічна-бытавыя пласты, праз якія лепш, чым праз характаралогію, выяўляўся партрэт гістарычнага часу і народныя памкненні. Так, па заканчэнні гарачай пары жніва людзі, што жывуць у зямлянках, недабудаваных хатах, мараць пра дажынкi, якія даюць ім адчуванне шчасця і міру.

У цэнтры прозы першага пасляваеннага дзесяцігоддзя знаходзіўся чалавек грамадскі, для многіх тагачасных твораў характэрна была, па словах Кастуся Губарэвіча, «чалавекабаязлівасць». Большасць твораў таго перыяду прысвячалася сучаснасці і грунтавалася на схемах: зварот былога франтавіка ў родныя мясціны, супастаўленне ваеннага і даваеннага жыцця, проціпастаўленне добрага і дрэннага старшыні калгаса ці кіраўніка раённага маштабу. Пісьменнікі рабілі стаўку на героя, здольнага істотна змяніць у лепшы бок жыццё. Тыповым прыкладам такой літаратуры былі творы Тараса Хадкевіча, Макара Паслядовіча, Усевалада Краўчанкі, Аляксандра Стаховіча, аўтараў, чые творчае аблічча сфарміравалася ў 1930-я гады, для якіх нарматыўная эстэтыка сацрэалізму стала асновай творчасці.

У аповесці Т. Хадкевіча «Вяснянка» (1947) прэзаік захапляецца вясковай дзяўчынай Васілінай Валашкай, паказвае яе чалавекам будучыні. Невыпадкава ён называе яе вяснянкай: як песні-вяснянкі прадвешчаюць вясну, так і людзі тыпу Васіліны набліжаюць лепшы за сённяшні заўтрашні дзень. Пасляваенная беларуская вёска прадставала ў аповесці ў дастаткова ідылічных танах. Пісьменнік расказваў пра працу вяскоўцаў ад вясны да восені, у гумарыстычным плане падаваў сцэну сватання, дзе змяшаліся традыцыі і новыя павевы, да перадавой звеннявой Васіліны такога ж перадавіка, брыгадзіра Васіля Анісімава з суседняга багатага калгаса (вельмі распаўсюджаны сюжэт у літаратуры таго часу, які быў потым абагульнены ў п'есе рускага пісьменніка М. Дзьяканова «Вяселле з пасагам» 1949 года). Героі Тараса Хадкевіча жывуць праблемамі вытворчага характару. Калі да Васіліны прыязджае сватацца Анісімаў, яна ўцякае ратаваць лён ад нашэсця вусеняў. Аўтар, праўда, пры гэтым дае зразумець, што не толькі грамадскі клопат, але і асабістыя прычыны прымушаюць гераіню да такіх паводзін: яна кахае іншага. Шырокае абагульняючае значэнне ў аповесці меў паказ талакі пры пабудове Васілінінага дома і ўваходзін, якія сімвалізавалі калектыўныя намаганні ў аднаўленні мірнага жыцця. Зместам твора пісьменнік сцвярджаў, што раны, нанесеныя вайной, дзякуючы самаадданай працы вяскоўцаў, загояцца.

Т. Хадкевіч як бы мімаходзь паказваў некаторыя складанасці пасляваеннага часу, але ў своеасаблівай форме. Аўтар падкрэсліў, што

асноўны цяжар у аднаўленні разбуранай вайной гаспадаркі лёг на плечы вясковых жанчын. Старая цялятніца Тэкля ў творы – прыклад у сям’і і вытворчай дзейнасці для аднавяскоўцаў. Гераіня позна вярталася з працы ў калгасе, а потым пачынала выконваць работу на сваёй гаспадарцы, каб мець дастатак. Цяжка жылося сем’ям, дзе бацькі загінулі на вайне, дзе былі нядобрасумленныя старшыні калгасаў. У аповесці ёсць цікавы эпізод: дэлегацыя з перадавой гаспадаркі завітала ў Парэчча, асноўнае месца дзеяння ў аповесці, і зайшла ў хату адной калгасніцы: «Аўдоця жыла ўдавой-салдаткай з трыма дзецьмі, старэйшы з якіх, трынаццацігадовы Сымонка, хадзіў улетку ў калгас на палявыя работы.

У хаце было змрочна, цесна, няўтульна. Насупраць печы на тапчане стояла мука ў кадзі, у кутку была капаная бульба. Над чалеснікамі вісела сажа»

[1, с. 282–283]. Старшыня перадавога калгаса абурыўся неакуратнасцю гаспадыні, а яна, у сваю чаргу, апраўдвалася тым, што даводзіцца шмат працаваць, а таму на хатнія клопаты не хапае часу. Пісьменнік, такім чынам, толькі згадваў праблемы пасляваеннай вёскі, але не заглыбляўся ў іх прычыны.

Раман Тараса Хадкевіча «Даль палявая» (1955–1957) стаў працягам яго «Вяснянкі». Рэчаіснасць паказвалася ў ім з пазіцый тэорыі бесканфліктнасці, пасляваенная вёска прыхарошвалася аўтарам. Калгаснікі ў рамане

Т. Хадкевіча заўзятая працуюць, спяваюць песні, танцуюць, радуюцца жыццю. Аўтарскі паказ рэчаіснасці нагадваў творы рускіх пісьменнікаў-сентыменталістаў пачатку XIX стагоддзя з чулівымі «пейзажамі». Пасляваенная рэчаіснасць, як вядома, не вычэрпвалася толькі нястрымнай радасцю з нагоды перамогі над фашысцкімі захопнікамі ды мірнай працы на карысць грамадства, аднак сур’ёзныя пытанні пасляваеннага жыцця Хадкевічам і тут дыпламатычна абміналіся, падмяняліся павярхоўнай апісальнасцю, а характары герояў падаваліся схематызаванымі і аднабаковымі.

Варта заўважыць, што агульнай тэндэнцыяй у тагачаснай літаратуры была боязь грунтоўнага аналізу рэчаіснасці. Найбольшай папулярнасцю карысталіся творы, дзе «выпрямляўся» шлях героя (дылогія «Кавалер Залатой Зоркі», «Свет над зямлёй» Сямёна Бабаеўскага, «Далёка ад Масквы» Васіля Ажаева, «Шчасце» Паўла Паўленкі), што па форме нагадвалі апаэтызаваныя вытворчыя хронікі. Сціплыя этнаграфічныя апісанні ў рамане Тараса Хадкевіча мелі арнаментальны характар, галоўным чынам, паэтызавалі калгаснікаў. З народных звычаяў увагу Т. Хадкевіча, як і іншых аўтараў той пары, прыцягвала адлюстраванне такіх, якія засталіся ў жыцці і былі звязаны з працоўнай дзейнасцю людзей. Так, у «Далі палявой» пісьменнік успомніў пра зажынкі і дажынкі як важныя хлебаробскія святы. Для прыкладу, аўтарам паказваліся дажынкі як трансфармаванае ў новых умовах свята ўшанавання чалавека-працаўніка.

Раман Макара Паслядовіча «Святло над Ліпскам» (1952) – твор таксама пра пасляваенную вёску, вельмі падобны да дылогі Сямёна Бабаеўскага «Кавалер Залатой Зоркі» і «Святло над зямлёй» (невypадковaя тут і пераклічка ў назвах). У ім аўтар імкнуўся падкрэсліць, што сучасная яму вёска прынцыпова адрозніваецца ад старой, дакалгаснай і нават даваеннай, перш за ўсё асаблівасцямі быту, заняткамі яе жыхароў, што яна паступова ператвараецца ў аграгарад. Галоўны герой твора – былы партызанскі камандзір, старшыня калгаса Дзямід Сыч настойліва прагне змяніць жыццё вяскоўцаў у лепшы бок, але пры гэтым часта ігнаруе думкі і жаданні сваіх падначаленых. Героі рамана – сумленныя працаўнікі, што смела глядзяць у заўтрашні дзень і стараюцца найхутчэй унесці змены ў векавечныя побыт і звычаі. У рамане Паслядовіча таксама ёсць апісанне дажынак, яно вытрымана ў канкрэтным ідэалагічным

ключы. Калі дзяўчаты надзелі старшыні вянок, старая калгасніца дала наказ: «Гэты вянок даём табе старшыня, каб ты і надалей клапаціўся пра калгасную справу. Няхай наша жыццё квітнее, як гэты вянок...» [5].

Вельмі тыповая для літаратуры першага пасляваеннага дзесяцігоддзя творчасць Усевалада Краўчанкі. Напрыклад, у апавесці «Вясна на Палессі» (1946) празаік даў карціну жыцця пасляваеннага Палесся, аднак саму спецыфіку паляшуккага жыцця ён тут не перадае, паколькі ў цэнтры яго ўвагі аднаўленне разбуранай вайной гаспадаркі. Герой твора фронтавік Мікола Навасад вяртаецца дадому і разам з аднавяскоўцамі адбудоўвае разбуранае вайной. Ёсць у апавесці шматзначны эпізод, дзе расказваецца пра ўваходзіны: «Неяк у нядзелю ў Беражках адбылося радаснае гуляння – адразу пятнаццаць калгасных сем'яў спраўлялі ўваходзіны ў новыя дамы. Падзея гэта была радасцю для ўсяго сяла. Людзі самі назносілі ў хаты навасельцаў усякага частавання і спраўлялі гэты дзень, як свята» [6].

Пісьменнікам першага пасляваеннага дзесяцігоддзя важна было параўнаць старое і новае і паказаць упэўнены рух да лепшага жыцця, як гэта зроблена ў апавяданні Ус. Краўчанкі «Праз шэсць гадоў» (1950).

У названым творы класічнае для літаратуры таго часу апісанне жніўнай пары: «Жніўная пара на Палессі! Як змяніліся сёння твае гэтак знаёмыя з мінулага песні. Некалі ты была вядомая ціхім спевам жней, што з цямна да цямна з сярпамі ў руках працавалі на жытняй палосцы, самотным посвістам кос у руках касароў, глухім перастукам адзіночых цапоў на таках, рыпеннем калёс, што звозілі мізэрныя дары палёў.

Выйдзі сёння, у жніўні, у поле, стань на які-небудзь узгорак, з якога б расціраліся перад табою далі палёў, і прыслухайся. Якая новая, адрозная ад той мінулай, суладная і радасная песня ўварвецца ў тваё сэрца, як выразна адчуеш ты новы магутны пульс жыцця сённяшняй сацыялістычнай вёскі. Над прасторамі калгасных палёў плыве цяпер не самотная жніўная песня, а роўны ўрачысты гул камбайнаў, ліецца прыветнае гудзенне трактароў, чуецца стракатанне жнявёра і касілак, разносіцца чохканне рухавікоў на калгасных таках, гул малатарняў, клапатлівы перабор веялак» [6, с. 325]. У прыведзеным урывку з апавядання публіцыстыка фактычна выцясняе мастацкае адлюстраванне, паколькі аўтарская пазіцыя тут адкрыта заяўленая і выяўленая.

Амаль бясхмарнай радасцю першых пасляваенных дзён прасякнуты быў раман Алеся Стаховіча «Пад мірным небам» (1947), урачыста-святочны, парадны бок жыцця беларускай пасляваеннай вёскі раскрываўся ў яго рамане «Шырокія гарызонты» (1953), дзе этнаграфічна-побытавыя замалёўкі нібыта сытага і шчаслівага пасляваеннага жыцця лагіравалі рэчаіснасць.

Дажынкi, талака, уваходзіны (улазіны), багатыя застоллі – усё гэта стала клішыраваным топам тагачаснай прозы. У жыцці пасляваеннай беларускай вёскі пісьменнікі стараліся паказваць перш за ўсё светлыя моманты, каб прывесці чытача да думкі, што неўзабаве наступяць лепшыя часы, толькі дзеля гэтага патрэбна самааддана працаваць. Афіцыйная лінія ў дачыненні да мастацкай творчасці заключалася ў патрабаванні, якое можна акрэсліць так: нам патрэбна святочная літаратура, каб пераканаць людзей у светлых перспектывах заўтрашняга дня. Пэўная ідылічнасць у адлюстраванні рэчаіснасці найперш тлумачылася задачай паказаць, што высокі ідэал дасягальны.

Проза першага пасляваеннага дзесяцігоддзя часта збівалася на павярхоўны паказ рэчаіснасці, на апісанне таго, чаго пакуль няма яшчэ ў жыцці, што сведчыла не столькі пра адсутнасць прадуманай асабістай аўтарскай пазіцыі, колькі пра адкрытую боязь яе. А. Адамовіч пісаў не без недаацэнкі мастацкіх вартасцей літаратуры пачатку XX стагоддзя: «І вось дзіўнае пачало тварыцца з нашай прозай. Рэальны быт людзей, замест таго

каб быць асновай твора, стаў толькі гарнірам ці дробнай соллю, без якой мастацкае блюда было б ужо зусім прэсным. Пераадолены ў 30-я гады этнаграфізм у 1940–1950-я гады як бы зноў вяртаецца ў літаратуру праз творы М. Паслядовіча, У. Карпава, Т. Хадкевіча. У свой час этнаграфізм – у творах Ш. Ядвігіна, М. Гарэцкага, Ц. Гартнага, З. Бядулі, а часткова і Я. Коласа – быў гістарычна абумоўленым, а таму і мастацкім элементам. У 1940–1950-я гады этнаграфічная прыправа да схематычных, ілюстрацыйных раманаў і аповесцей – усяго толькі архаіка. Побыт беларуса ў такіх творах, як «За годам год», «Вясеннія ліўні» У. Карпава, «Даль палявая» Т. Хадкевіча і іншыя, успрымаецца аўтарам неяк збоку, як «наборная каса» знаёмых нацыянальных атрыбутаў, што павінна аздобіць вельмі ўмоўную схему жыцця.

Быт людзей пачынае выконваць у некаторых творах ролю арнаменту, становіцца як бы фармальным элементам, украсай «нацыянальнай формы», амаль не звязанай з лёсам рэальных людзей» [7]. А. Адамовіч справядліва зазначыў, што многія аўтары пасляваеннага часу даволі прымітыўна разумелі заклік ствараць літаратуру сацыялістычную па змесце і нацыянальную па форме.

Цяжка не пагадзіцца са слухнай заўвагай В. Каваленкі: «У пасляваеннай беларускай прозе зусім мала таямнічага, легендарнага. Яна вельмі гаспадарча-практычная сваім зместам і праблематыкай. Слаба і неглыбока паэтызуецца народны побыт. Справа не толькі ў тым, што вайна разбурыла побыт вёскі і праўдзівая паэтызацыя яго становілася задачай цяжкай. Наогул характэрнай адзнакай літаратуры таго часу было вылучэнне героя з абставін традыцыйнага народнага побыту. Над усім пераважае тэхнічна-пераўтваральны пафас чалавечай дзейнасці. Спрадвечна-патрыярхальнае і новае ў абліччы роднага краю не сумяшчаюцца, а проціпастаўляюцца. Усё даўняе, старое, як і да вайны, становіцца антыэстэтычным» [8]. Адзначаная В. Каваленкам тэндэнцыя закранула нават творчасць класіка беларускай літаратуры Якуба Коласа. Як вядома, апошняя кніга яго трылогіі «На ростанях» была напісана ў апошнія гады жыцця класіка і адрознівалася ад папярэдніх частак значнай ідэалагічнай схематызаванасцю.

На фоне тагачаснай ідылічна-дыдактычнай прозы вылучаліся творы пра заходнебеларускую рэчаіснасць. Нямала каларытных карцін сялянскага жыцця было створана ў прозе Піліпа Пестрака і Янкі Брыля. Напрыклад, у апавяданні П. Пестрака «Лясная песня» (1947) вельмі ўдала ў тэкст твора пра ваеннае жыццё ўводзілася народная песня, якая накіроўвала сюжэтную канву і надавала апавяданню лірычную афарбоўку. Раман Пестрака «Сустрэнемся на барыкадах» (1951) знаёміў не толькі з рэвалюцыйнай барацьбой заходніх беларусаў, але і з іх паўсядзённым жыццём. Даволі шырокая панарама заходнебеларускага жыцця раскрывалася ў прозе Янкі Брыля («Марыля», «Галя», «У сям'і», «Сіročы хлеб», «У Забалотці днее» і інш.). Аповесць

«У Забалотці днее» (1951) перадавала драматызм сітуацыі, звязаны з калектывізацыяй у Заходняй Беларусі. Аповесць «На Быстранцы» (1953–1956) адлюстроўвала пасляваеннае жыццё заходніх беларусаў у фарбах, далёкіх ад сентыментальнасці. Этнаграфічна-побытавы матэрыял даваў падставы аўтару падкрэсліць, што неабходны перамены ў стаўленні дзяржавы да вёскі. Мастацкі этнаграфізм у прозе Янкі Брыля меў, галоўным чынам, культуралагічнае і характаратворчае значэнне.

Адчувальны налёт пастаральнасці, лубочнасці ў многіх праявіх творах першага пасляваеннага дзесяцігоддзя часта вынікаў з таго, што быт беларуса ў іх маляваўся ў адрыве ад характару. Невыпадкава даследчыкі выказваюць думку, што сюжэты многіх твораў першага пасляваеннага дзесяцігоддзя ўзыходзяць сваімі каранямі да архетыпу чароўнай казкі: варта памяняць адмоўнага героя на станоўчага, як жыццё імгненна паляпшаецца.

Беларуская проза першага пасляваеннага дзесяцігоддзя засяроджвалася на дэталях побыту новага і адыходзячага, каб даказаць правамернасць і няўхільнасць перамен. Сур'ёзнае асэнсаванне рэчаіснасці ў ёй падмянялася канструяваннем свету ў адпаведнасці з партыйнымі пастановамі, мастацкі этнаграфізм быў прадстаўлены паказам знешніх праяў народнага жыцця

(у плане прадметна-тэматычным перш за ўсё сацыяльна-бытавы і пейзажна-выяўленчы), які выконваў, галоўным чынам, функцыю агітацыйна-ідэалагічную. Пры гэтым пераважала аб'ектывізаванае яго ўключэнне ў твор, гэта значыць, яно прадставала ў аўтарскіх апісаннях. Этнаграфічныя элементы ў прозе першага пасляваеннага дзесяцігоддзя былі інтэрферыраванымі, не ўваходзілі арганічна ў структуру мастацкіх твораў.

Не толькі ў беларускім літаратуразнаўстве стала правілам добрага тону папракаць пасляваенную прозу ў згладжванні сацыяльных канфліктаў, у ілюстрацыйнасці, сляпым падпарадкаванні так званай тэорыі бесканфліктнасці, аднак пры гэтым даследчыкі ігнаруюць прынцыпы гістарызму і дыскрэтнасці ў літаратурным працэсе, не ўлічваюць таго, у якіх сацыягістарычных умовах развівалася прыгожае пісьменства, якімі імператывамі кіраваліся аўтары таго часу. Вінаватай была не толькі нарматыўная эстэтыка сацрэалізму, канфармізм пісьменнікаў, на творцаў увогуле ўплывала агульная атмасфера часу, напоўненая эйфарыяй (у лепшым сэнсе гэтага слова) ад Вялікай Перамогі. Гэта быў час маштабнага стаўлення з боку аўтараў да свету і яго праблем, час спадзяванняў, што пасля страшнай і крывавай вайны наступіць новае і шчаслівае заўтра. У адлюстраванні рэчаіснасці аўтары імкнуліся замацаваць ідэю правамернасці перамогі добра над злом і лепшага над добрым. Сваім грамадзянскім і мастакоўскім абавязкам пісьменнікі лічылі неабходнасць наблізіць заўтрашні дзень, каб хутчэй ліквідаваць сляды разбурэнняў, раны, нанесеныя вайной, таму ў літаратуры першага пасляваеннага дзесяцігоддзя назіраўся такі магутны «ідэлічны» і «футураспекцыйны» ўсплёск, рамантызацыя народа – воіна і будаўніка, паказ не столькі таго, што было і ёсць на самай справе, колькі паказ таго, што павінна было б быць і што абавязкова будзе.

ЛІТАРАТУРА

1. **Хадкевіч Т.** Братэрства. Рэха ў гарах. Вясянка: Аповесці. – Мн., 1987. – С. 41.
2. **Ткачоў М.** Дыханне агню: Раман, аповесці, нарысы. – Мн., 1978. – С. 143.
3. **Яскевіч А.С.** На шляхах росту і сталасці // Каваленка В.А., Мушынскі М.І., Яскевіч А.С. Шляхі развіцця беларускай савецкай прозы: Агульны рух і галоўныя тэндэнцыі. – Мн., 1972. – С. 189.
4. **Мележ І.** Збор твораў: у 10 т. – Т. 10. – Мн., 1984. – С. 396.
5. **Паслядовіч М.** Святло над Ліпскам: Раман. – Мн., 1953. – С. 396.
6. **Краўчанка У.І.** Вясна на Палесці: Аповесці, апавяданні і аднаактовыя п'есы. – Мн., 1952. – С. 44.
7. **Адамовіч А.М.** Маштабнасць прозы: Урокі творчасці Кузьмы Чорнага. – Мн., 1972. – С. 20.
8. **Каваленка В.А.** Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры. – Мн., 1981. – С. 267–268.

S U M M A R Y

The paper deals with the issue of the art ethnographism of the first postwar decade and the author affirms, that its specificity is determined by Belarussian prose, art and journalism agents in combination with the process of the reality simulacrum.

Поступила в редакцию 8.09.2005

Исследование свойств F-профраттиниевых подгрупп конечных групп

Важной задачей в теории конечных групп является задача отыскания и исследования свойств характеристических классов сопряженных подгрупп. Качественно новый этап в изучении характеристических классов сопряженных подгрупп был связан с выходом статьи Гашюца [1], положившей начало новому направлению в алгебре – теории формаций. В теории формаций все частные результаты, относящиеся к рассматриваемой задаче, освещены с общей точки зрения. Поскольку теория формаций появилась как итог интенсивного изучения конечных разрешимых групп, то все первоначальные конструкции и результаты теории формаций тесно связаны со свойствами разрешимых групп. Однако, в дальнейшем теория формаций стала развиваться также в произвольных конечных группах, бесконечных абстрактных группах, алгебрах Ли, топологических группах. В работе [2] Хоукс ввел F-профраттиниеву подгруппу в конечных разрешимых группах, что обобщает соответствующий результат работы [3]. В работе [4] Ферстер построил X-профраттиниеву подгруппу с помощью понятия короны группы для класса конечных разрешимых групп, где X – класс Шунка. В вышеуказанных работах явно предполагается разрешимость группы.

Данная работа посвящена построению и установлению основных свойств F-профраттиниевых подгрупп в произвольных конечных группах. Через F в дальнейшем обозначаем некоторую локальную формацию конечных групп. Все рассматриваемые группы и классы групп будем брать из класса всех конечных групп. Все необходимые обозначения, определения и результаты см. в [5–7].

Определение [8]. Пусть $C_1 / R_1, C_2 / R_2, \dots, C_n / R_n$ – множество всех F-эксцентральных корон группы G . Всякое пересечение $H_1 \cap H_2 \cap \dots \cap H_n$, где H_i – дополнение к C_i / R_i в группе G ($i = 1, 2, \dots, n$), называется

F-профраттиниевой подгруппой группы G . Если в группе G нет абелевых нефраттиниевых F-эксцентральных главных факторов, то F-профраттиниевой подгруппой группы G называют саму группу G .

В дальнейшем понадобятся следующие две леммы из [3], доказательства которых не зависят от разрешимости группы.

Лемма 1. Во всякой группе G существует такой нормальный ряд

$$G = G_{1,1} \supset \dots \supset G_{1,a_1} = H_{1,1} \supseteq \dots \supseteq H_{1,b_1} = G_{2,1} \supset \dots \supset G_{2,a_2} = H_{2,1} \supseteq \dots \supseteq H_{2,b_2} = \dots = G_{m,1} \supset \dots \supset G_{m,a_m} = H_{m,1} \supseteq \dots \supseteq H_{m,b_m} = 1, \quad (1)$$

что $G_{i,j} / G_{i,j+1}$ – нефраттиниевый G -главный фактор, а $H_{i,k} / H_{i,k+1} \subseteq$

$\subseteq \Phi(G/H_{i,k+1})$, $1 \leq i \leq m$, $1 \leq j \leq a_i$, $1 \leq k \leq b_i$, причем, для всех i, j, k фактор $G_{i,j}/G_{i,j+1}$ G -изоморфен фактору $G_{i,k}/G_{i,k+1}$ и не G -изоморфен фактору $G_{h,k}/G_{h,k+1}$, если $h \neq i$.

Доказательство. Если G – простая группа, то утверждение леммы очевидно. Пусть G имеет минимальную нормальную подгруппу M . По индукции для фактор-группы G/M утверждение леммы справедливо. Следовательно, если $M \subseteq \Phi(G)$ или же, если во всяком главном ряду группы G имеется лишь один нефраттиниев фактор, G -изоморфный M , то утверждение леммы справедливо и для G . Таким образом, полагаем, что во всяком главном ряду группы G имеется более одного нефраттиниевого фактора,

G -изоморфного M . Пусть

$$\begin{aligned} G/M &= G_{1,1}^*/M \supset \dots \supset G_{1,a_1}^*/M = H_{1,1}^*/M \supseteq \dots \supseteq H_{1,b_1}^*/M = G_{2,1}^*/M \supset \\ &\supset \dots \supset G_{2,a_2}^*/M = H_{2,1}^*/M \supseteq \dots \supseteq H_{2,b_2}^*/M = \dots = G_{m,1}^*/M \supset \dots \supset \\ &\supset G_{m,a_m}^*/M = H_{m,1}^*/M \supseteq \dots \supseteq H_{m,b_m}^*/M = M/M \end{aligned}$$

нормальный ряд группы G/M со свойствами, указанными в лемме, причем, факторы $G_{i,j}^*/G_{i,j+1}^*$ G -изоморфны с M , $j = 1, 2, \dots, a_i$. Заметим, что M – абелева группа. Действительно, так как группа M G -изоморфна с $G_{i,j}^*/G_{i,j+1}^*$, то $C_G(M) = C_G(G_{i,j}^*/G_{i,j+1}^*)$. Но $M \subseteq G_{i,j+1}^* \subseteq C_G(G_{i,j}^*/G_{i,j+1}^*) = C_G(M)$. Это означает, что M – абелева группа. Так как M не входит в $\Phi(G)$, то в группе G найдется такая максимальная подгруппа H , что M не входит в H . Заметим, что поскольку M – абелева группа, то $H \cap M = 1$. Покажем, что $G_{j,k}^* \cap H$ – нормальная подгруппа в группе G для всех $j \geq i$ и $k = 1, 2, \dots, a_j$. В самом деле, так как $G_{j,k}^* \subseteq C_G(M)$, то $G_{j,k}^* \cap H$ централизуется подгруппой M . Кроме того, подгруппа $G_{j,k}^* \cap H$ нормальна в H . Следовательно, $G_{j,k}^* \cap H$ нормальна в G . Аналогично убеждаемся, что $H_{j,h}^* \cap H$ – нормальная подгруппа в G при всех $j \geq i$ и $h \in \{1, 2, \dots, b_j\}$.

Докажем теперь, что фактор $G_{i,1}^*/G_{i,1}^* \cap H$ G -изоморфен M . В самом деле, так как $(G_{i,1}^* \cap H)M =$

$$= G_{i,1}^* \cap HM = G_{i,1}^* \cap G = G_{i,1}^* \text{ и } G_{i,1}^* \cap H \cap M = 1, \text{ то имеет место}$$

G -изоморфизм:

$$G_{i,1}^*/G_{i,1}^* \cap H = (G_{i,1}^* \cap H)M/G_{i,1}^* \cap H \cong M/M \cap G_{i,1}^* \cap H \cong M.$$

Отметим также, что имеют место G -изоморфизмы: $G_{j,k}^* \cap H/G_{j,k+1}^* \cap H \cong G_{j,k+1}^*(G_{j,k}^* \cap H)/G_{j,k+1}^* = G_{j,k}^* \cap G_{j,k+1}^*H/G_{j,k+1}^* = G_{j,k}^*/G_{j,k+1}^*$. Покажем теперь, что при любых $j \geq i$, $k = 1, 2, \dots, a_{j-1}$ $G_{j,k}^* \cap H/G_{j,k+1}^* \cap H$ – нефраттиниевый фактор в группе G . Так как по предположению $(G_{j,k}^*/M)/$

$(G_{j,k+1}^*/M)$ – нефраттиниевый главный фактор в группе G/M и имеет место изоморфизм $G/M \cong H$, то $G_{j,k}^* \cap H/G_{j,k+1}^* \cap H$ не входит в $\Phi(H/G_{j,k+1}^* \cap H)$. Последнее означает, что в группе H найдется такая максимальная подгруппа S , что $G_{j,k+1}^* \cap H \subseteq S$ и $G_{j,k}^* \cap H$ не входит в S . Тогда справедливо, что $(G_{j,k}^* \cap H)SM = HM = G$, $G_{j,k+1}^* \cap H \subseteq SM$. Значит, $G_{j,k}^* \cap H/G_{j,k+1}^* \cap H$ не входит в $\Phi(G/G_{j,k+1}^* \cap H)$. Введем обозначения:

$$G_{h,k} = G_{h,k}^* \text{ для } h < i, k = 1, 2, \dots, a_h$$

$$H_{h,k} = H_{h,k}^* \text{ для } h < i, k = 1, 2, \dots, b_h$$

$$G_{i,1} = G_{i,1}^*, G_{i+1,k} = G_{i,k}^* \cap H \text{ для } k = 1, 2, \dots, a_i$$

$$G_{j,k} = G_{j,k}^* \cap H \text{ для } j > k, k = 1, 2, \dots, a_j$$

$$H_{j,k} = H_{j,k}^* \cap H \text{ для } j > k, k = 1, 2, \dots, b_j$$

Теперь видим, что в группе G существует ряд, обладающий свойствами, указанными в лемме. *Лемма доказана.*

Лемма 2 [3]. Пусть A, B, AB – подгруппы группы G ; $x, y \in AB$. Тогда

$$A \cap B \text{ и } A^x \cap B^y \text{ сопряжены в } AB.$$

Теорема 1. Пусть T – любая F -профраттиниева подгруппа группы G . Тогда T изолирует все абелевы нефраттиниевы F -эксцентральные главные факторы группы G и покрывает остальные главные факторы группы G , причем, если F -корадикал группы G разрешим, то все F -профраттиниевы подгруппы группы G сопряжены в G .

Доказательство. Если группа G не имеет абелевых нефраттиниевых F -эксцентральных главных факторов, то G совпадает с F -профраттиниевой подгруппой группы G и утверждение теоремы в этом случае очевидно. Предположим теперь, что G имеет абелевы нефраттиниевы F -эксцентральные главные факторы и пусть $C_1/R_1, \dots, C_n/R_n$ – все F -эксцентральные короны группы G . Доказательство проведем индукцией по числу n . При $n = 1$ теорема верна в силу леммы 5 и теоремы 1 из [7]. Пусть $n > 1$. В силу леммы 1 существует нормальный ряд: $G = G_{1,0} \supset \dots \supset G_{1,a_1} =$

$$H_{1,0} \supseteq \dots \supseteq H_{1,b_1} =$$

$$= G_{2,0} \supset \dots \supset G_{2,a_2} = H_{2,0} \supseteq \dots \supseteq H_{2,b_2} = \dots = G_{m,0} \supset \dots \supset G_{m,a_m} = H_{m,0} \supseteq$$

...

$\supseteq H_{m,b_m} = 1$, в котором $G_{ij}/G_{i,j+1}$ есть нефраттиниев главный фактор G , и $H_{ik}/H_{i,k+1} \subseteq \Phi(G/H_{i,k+1})$, $1 \leq i \leq m$, $0 \leq j \leq a_i$, $0 \leq k \leq b_i$, причем для всех i, j, k фактор $G_{ij}/G_{i,j+1}$ G -изоморфен фактору $G_{ik}/G_{i,k+1}$ и

$G_{ij}/G_{i,j+1}$ не G -изоморфен фактору $G_{hr}/G_{h,r+1}$, если $h \neq i$. Пусть l – такой наибольший номер, что фактор $G_{l,0}/G_{l,1}$ – F -эксцентрален и пусть

$$N = G_{l,0}. \text{ Не теряя общности, мы можем считать, что } C_1/R_1 \text{ является}$$

$(G_{l,0} / G_{l,1})$ – короной. Покажем теперь, что $(C_i N / N) / (R_i N / N)$ есть

F-эксцентральная корона фактор-группы G / N . Для этого достаточно показать, что $N \subseteq R$. Допустим, что имеется такой нефраттиниев главный фактор C_i / M , что N не входит в M и C_i / M G -изоморфен G – главным факторам из C_i / R_i . Легко видно, что фактор $N / M \cap N$ и C_i / M G -изоморфны. Далее, если L – дополнение к C_i / M в G , то $L C_i = G$ и $L \cap C_i = M$. Тогда

$$LN = LMN = LC_i = G, L \supseteq M \supseteq M \cap N \text{ и } L \text{ есть дополнение к } N / N \cap M$$

в G . Следовательно, фактор $N / M \cap N$ нефраттиниев. Применяя теорему из [9], заключаем, что найдется такое $t \geq l$, что фактор $G_{t,0} / G_{t,1}$ и фактор

$N / M \cap N$ G -изоморфны. Но фактор $N / M \cap N$ G -изоморфен G -главным факторам из C_i / R_i , а значит и факторам $G_{s,0} / G_{s,1}$ для некоторого $s < l$. Полученное противоречие показывает, что $N \subseteq R_i$. Таким образом,

$(C_i N / N) / (R_i N / N) = (C_i / N) / (R_i / N)$ есть F-эксцентральная корона группы G / N . Пусть A_i – дополнение к короне C_i / R_i . Тогда $B / N =$

$= (A_2 \cap A_3 \cap \dots \cap A_n) / N$ есть F-профраттиниева подгруппа группы G / N и $T = B \cap A_1$ есть F-профраттиниева подгруппа группы G . Т.к. по индукции для G / N теорема верна, то $|(G / N) : (B / N)|$ совпадает с произведением порядков абелевых нефраттиниевых F-эксцентральных главных факторов группы G / N произвольного главного ряда группы G / N . С учетом равенства

$|(G / N) : (B / N)| = |G| / |B| = |G : B|$ заключаем, что $|G : B|$ совпадает с произведением порядков тех нефраттиниевых факторов главного ряда группы G , которые G -изоморфны G -главным факторам из $C_2 / R_2, \dots, C_n / R_n$. Покажем, что $|G : T| = |G : B| |G : A_1|$. Для этого предварительно покажем, что $A_1 (A_2 \cap \dots \cap A_n) = G$. В самом деле, по лемме 5 из [7] подгруппа A_1 изолирует G -главные факторы, G -изоморфные G -главным факторам из

C_1 / R_1 и покрывает остальные G -главные факторы. Значит, $A_1 G_{l,0} = G$.

Т.к. A_i – дополнение к C_i / R_i и, кроме того, как показано выше, $G_{l,0} = N \subseteq$

$\subseteq R_i, i = 2, \dots, n$, то $A_i \supseteq G$ и $A_1 (A_2 \cap \dots \cap A_n) = G$. Далее, в силу

$$\text{равенств } |G : A_1| = |A_1 B : A_1| = \frac{|B|}{|A_1 \cap B|} \text{ и } |G : B| = |A_1 B : B| = \frac{|A_1|}{|A_1 \cap B|} \text{ видим, что } |G : A_1| |G : B| = \frac{|A_1| \cdot |B|}{|A_1 \cap B| \cdot |A_1 \cap B|}. \text{ Т.к. кроме того,}$$

$$|G : T| = \frac{|A_1| \cdot |B|}{|A_1 \cap B| \cdot |A_1 \cap B|}, \text{ то } |G : T| = |G : A_1| |G : B|. \text{ Теперь в силу}$$

леммы 5 из [7] индекс $|G : A_1|$ совпадает с произведением порядков абелевых нефраттиниевых F-эксцентральные G-главных факторов произвольного главного ряда группы G, G-изоморфных G-главным факторам из C_1 / R_1 , заключаем, что $|G : T| = |G : A_1| |G : B|$ совпадает с произведением порядков нефраттиниевых F-эксцентральные факторов произвольного главного ряда G. Следовательно, подгруппа T изолирует все абелевы нефраттиниевы

F-эксцентральные G-главные факторы и покрывает остальные G-главные факторы.

Пусть теперь F-корадикал группы G разрешим. Пусть A_i и B_i – дополнения к короне C_i / R_i , $i = 1, 2, \dots, n$. Тогда $(A_2 \cap \dots \cap A_n) / N$ и $(B_2 \cap \dots \cap B_n) / N$ есть F-профраттиниевы подгруппы группы G / N (здесь, как и выше $N = G_{1,0}$). По индукции найдется такой элемент $xN \in (G / N)$, что

$$(A_2 \cap \dots \cap A_n) / N = ((B_2 \cap \dots \cap B_n) / N)^{xN}. \text{ Отсюда следует, что}$$

$$A_2 \cap \dots \cap A_n = (B_2 \cap \dots \cap B_n)^x. \text{ Кроме того, по теореме 1 из [7]}$$

$A_1^y = B_1$ для некоторого элемента $y \in G$. Теперь в силу леммы 2 видим, что $A_1 \cap A_2 \cap \dots \cap A_n$ и $B_1 \cap B_2 \cap \dots \cap B_n$ сопряжены в G. Терема доказана.

Следствие 1. В любой группе G существует подгруппа, которая изолирует все абелевы нефраттиниевы эксцентральные главные факторы и покрывает остальные главные факторы группы G, причем, если группа G разрешима, то все такие подгруппы сопряжены в G.

Следствие 2. В любой группе G существует подгруппа, которая изолирует все абелевы нефраттиниевы нециклические главные факторы группы G, причем, если группа G разрешима, то все такие подгруппы сопряжены в G.

Следствие 3 [3]. В любой разрешимой конечной группе существует подгруппа, которая изолирует нефраттиниевы главные факторы группы и покрывает остальные главные факторы группы.

Теорема 2. Пусть N – произвольная нормальная подгруппа группы G. Тогда и только тогда A / N является F-профраттиниевой подгруппой группы G / N , когда в G найдется такая F-профраттиниева подгруппа B, что

$$A / N = B N / N.$$

Доказательство. Достаточность. Покажем сначала, что $B N / N$ входит в некоторую F-профраттиниеву подгруппу группы G. Если G / N не имеет абелевых нефраттиниевых F-эксцентральные главных факторов, то G / N является F-профраттиниевой подгруппой группы G / N и следовательно, $B N / N$ входит в F-профраттиниеву подгруппу группы G / N в этом случае. Пусть G / N имеет абелевы нефраттиниевы F-эксцентральные главные факторы. Пусть $(C_i / N) / (R_i / N)$ – произвольная F-эксцентральная корона фактор-

группы G/N и пусть M/N – такая максимальная в G/N подгруппа, которая дополняет некоторый (G/N) – главный фактор $(H/N)/(K/N)$ из $(C_i/N)/$

(R_i/N) . Тогда максимальная подгруппа M в G дополняет G -главный фактор H/K . Пусть $C/R = (H/K)$ – корона группы G . Тогда легко показать, что

$R \subseteq M$. По лемме 3 [7] имеем, что RH/RK есть G -главный фактор. Итак, M дополняет некоторый G -главный фактор из C/R . Значит, ввиду леммы 4 из [7] в группе G найдется такая максимальная подгруппа D , что $D_G = M_G$ и

$B \subseteq D$. Понятно, что ядра подгрупп M/N и DN/N совпадают. Таким образом, в G/N найдется такое дополнение к короне $(C_i/N)/(R_i/N)$, которое содержит BN/N . Следовательно, в G/N найдется такая F -профраттиниева подгруппа L/N , что $BN/N \subseteq L/N$. Ввиду теоремы 1 ясно, что BN/N и L/N имеют одинаковое свойство покрытия-изолирования главных факторов группы G/N . Теперь в силу леммы 4 из [6] имеем, что порядки групп BN/N и

L/N совпадают. Учитывая теперь включение $BN/N \subseteq L/N$ заключаем, что $BN/N = L/N$, т.е. BN/N является F -профраттиниевой подгруппой группы G/N .

Необходимость. Пусть $(H/N)/(K/N)$ – произвольный абелев нефраттиниев F -эксцентральный (G/N) – главный фактор. Покажем прежде, что если $(C/N)/(R/N)$ – произвольная F -эксцентральная корона в G/N , то для любого дополнения L/N к этой короне в G/N справедливо, что $L/N \supseteq FN/N$, где F – некоторое дополнение к (H/K) -короне в G . Действительно, пусть

$$R/N = Q_0/N \subset Q_1/N \subset \dots \subset Q_m/N = C/N \quad (1)$$

произвольный участок (G/N) -главного ряда между R/N и C/N .

Покажем, что в группе (G/N) найдутся такие максимальные подгруппы $M_1/N, M_2/N, \dots, M_m/N$, что $L/N = M_1/N \cap M_2/N \cap \dots \cap M_m/N$

и, кроме того, M_i/N дополняет в группе G/N фактор $(Q_i/N)/(Q_{i-1}/N)$.

Пусть $H_1/N, H_2/N, \dots, H_m/N$ – такие максимальные подгруппы, что

H_i/N дополняет фактор $(Q_i/N)/(Q_{i-1}/N)$. В силу леммы 4 из [7] для любого $i \in \{1, 2, \dots, m\}$ найдется такая максимальная подгруппа M_i/N , что

$L/N \subseteq M_i/N$ и M_i/N и H_i/N имеют равные ядра. Понятно, что M_i/N дополняет фактор $(Q_i/N)/(Q_{i-1}/N)$ и, кроме того, видно, что $L/N = M_1/N \cap M_2/N \cap \dots \cap M_m/N$. Пусть $C_1/R_1 = (H/K)$ – корона группы G . Поскольку $C_G(H/K)/N = C_{G/N}(H/N/K/N)$, то $C_1 = C$. Покажем, что $R_1 \subseteq R$. Имеем, $R/C = \bigcap (S/N)$, где S/N пробегает все такие нормальные подгруппы в G/N , что $(C/N)/(S/N)$ – нефраттиниев (G/N) -главный фактор,

G -изоморфный $(H/N)/(K/N)$ и $R_1 = \bigcap D$, где D пробегает все такие нормальные в G подгруппы, что C/D нефраттиниев G -главный фактор,

G -изоморфный H/K . Но если $(C/N)/(K/N)$ нефраттиниев (G/N) -главный фактор изоморфный $(H/N)/(K/N)$, то C/S -нефраттиниев G -главный фактор, изоморфный H/K . Отсюда вытекает, что $R_1 \subseteq R$. Если $R_1 = R$, то L – дополнение к короне C/R , т.е. доказываемое утверждение в этом случае очевидно. Пусть $R_1 \neq R$ и

$$R_1 = V_0 \subset V_1 \subset \dots \subset V_l = R = Q_0 \subset Q_1 \subset \dots \subset Q_m = C \quad (2)$$

участок главного ряда группы G . Пусть $K_1, K_2, \dots, K_l$ – такие максимальные подгруппы группы G , что K_i дополняет фактор V_i/V_{i-1} в группе G . Пусть $F = K_1 \cap K_2 \cap \dots \cap K_l \cap M_1 \cap M_2 \cap \dots \cap M_m$. Легко видно, что F – дополнение к C/R_1 в группе G . При этом, поскольку $M_1 \cap M_2 \cap \dots \cap M_m = L$, то ясно, что $FN/N \subseteq L/N$. Возьмем произвольную F -профраттиниеву подгруппу A/N в группе G/N и покажем, что в G найдется такая F -профраттиниева подгруппа T , что $A/N = TN/N$. Утверждение очевидно, если в G/N нет абелевых F -эксцентральные нефраттиниевых главных факторов. Предположим, что в G/N есть абелевы нефраттиниевы

F -эксцентральные главные факторы. Пусть $(C_1/N)/(R_1/N), \dots, (C_t/N)/(R_t/N)$ – все F -эксцентральные короны группы G/N , причем, $A/N = L_1/N \cap \dots \cap L_t/N$, где L_i/N – дополнение в G/N к короне $(C_i/N)/(R_i/N)$ и $(C_i/N)/(R_i/N)$ есть $(H_i/N)/(K_i/N)$ – корона. Пусть $C_i^*/R_i^* = (H_i/K_i)$ – корона группы G , $i = 1, 2, \dots, t$. Ввиду доказанного выше для каждого $i \in \{1, 2, \dots, t\}$ найдется дополнение F_i к короне C_i^*/R_i^* в группе G , что

$$F_i N/N \subseteq L_i/N. \text{ Значит, } F_1 N/N \cap F_2 N/N \cap \dots \cap F_t N/N \subseteq A/N.$$

Понятно, что $(F_1 \cap F_2 \cap \dots \cap F_t)N/N \subseteq F_1 N/N \cap \dots \cap F_t N/N$ и в G найдется такая F -профраттиниева подгруппа T , что $T \subseteq F_1 \cap F_2 \cap \dots \cap F_t$. Значит, $TN/N \subseteq A/N$. В силу *теоремы 1* получаем требуемое равенство. Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Gashutz W.** Zur Theorie der endlicher auflösbarer Gruppen // Math. Zeits., 1963. Vol. 80, № 4. – P. 300–305.
2. **Hawkes T.O.** Analogues of Prefrattini subgroups // Proc. Internat. Conf. Theory of Groups, Austral. Nat. Univ. Canberra, 1965. – N. Y., 1967. – P. 145–150.
3. **Gashutz W.** Praefrattinigruppen // Arch. Math., 1962. Vol. 13. – P. 418–426.
4. **Forster P.** Prefrattini Groups // J. Austral. Math. Soc. (Series A), 1983. Vol. 34. – P. 234–247.
5. **Шеметков Л.А.** Формации конечных групп. – М., 1978.
6. **Го́йко В.И.** F -профраттиниевы подгруппы конечных групп // Арифметическое и подгрупповое строение конечных групп. – Мн., 1986. – С. 34–42.
7. **Го́йко В.И.** Свойства корон конечных групп // Вестник БГУ, 2005, № 2. – С. 21–28.

10. **Гойко В.И., Скиба А.Н.** О F-профраттиниевых подгруппах конечных групп // Исследование нормального и подгруппового строения конечных групп. – Мн., 1984. – С. 53–58.
11. **Carter R., Ficher B., Hawkes T.** Extreme classes of finite soluble groups // J. Of Algebra, 1968. Vol. 19, № 3. – P. 285–313.

S U M M A R Y

In this article the main properties of F-prefrattini subgroups of finite groups are bult and researched. Earlier such problem was solved by Howkes , Forster in finite solvable groups and by Hoika, Skiba in groups with solvable F-residual , where F is a locally formations.

Поступила в редакцию 31.03.2005

О факторизуемых инъекторах конечных разрешимых произведений групп

Рассматриваются только конечные разрешимые группы. В [1] Локетт изучал классы Фиттинга F , для которых в каждой группе $G = MN$ с нормальными подгруппами M и N для любого F -инъектора R выполняется равенство $R = (M \cap R)(N \cap R)$. В [2] Амберг и Хефлинг рассматривали классы Фиттинга, для которых в группах $G = AB$ с нильпотентными подгруппами A и B существуют F -инъекторы, наследующие данную факторизацию.

Согласно Виландту [3], подгруппа H группы $G = AB$ называется факторизуемой в $G = AB$, если $H = (A \cap H)(B \cap H)$ и $A \cap B \subseteq H$. В настоящей работе для насыщенных формаций Фиттинга F найдены условия факторизуемости

F -инъекторов в группах $G = AB$ с подгруппами A и B , принадлежащими F .

В дальнейшем для краткости группы вида $G = AB$, где подгруппы A и B группы G принадлежат заданному классу F , будем называть ди- F -группами.

Теорема. Пусть F – насыщенная формация Фиттинга. Тогда следующие утверждения эквивалентны:

- 1) если $G = AB$ – ди- F -группа и H – ее F -инъектор, перестановочный с подгруппами A и B , то H факторизуем в $G = AB$;
- 2) если $G = AB$ – ди- F -группа и H – ее F -инъектор, перестановочный с подгруппами A и B , то $A \cap B \subseteq H$;
- 3) F является наследственной $\mathcal{F}$ -формацией.

Следствие 1. Пусть π – некоторое множество простых чисел и $G = AB$ – ди- π -нильпотентная (ди- π -разложимая) группа. Если H – π -нильпотентный (соответственно π -разложимый) инъектор группы G , перестановочный с подгруппами A и B , то $H = (A \cap H)(B \cap H)$ и $A \cap B \subseteq H$.

Следствие 2. Пусть φ – некоторое упорядочение множества всех простых чисел и $G = AB$ – ди- φ -дисперсивная группа. Если H – φ -дисперсивный инъектор группы G , перестановочный с A и B , то $H = (A \cap H)(B \cap H)$ и $A \cap B \subseteq H$.

В статье используются обозначения и терминология из [4–5]. Напомним некоторые понятия и результаты, существенные для данной работы.

Если F – класс Фиттинга, то подгруппа H группы G называется

F -инъектором группы G , если $H \cap N$ – максимальная F -подгруппа в N для каждой субнормальной подгруппы N из G . Согласно известной теореме Гашюца, Фишера и Хартли (см., например, [5, IX, 1.4]) каждая разрешимая группа G имеет единственный класс сопряженных F -инъекторов.

Пусть X – некоторый класс групп, тогда $M(X)$ обозначает класс всех минимальных не X -групп, т.е. групп G , у которых данному классу X принадлежат все собственные подгруппы из G и только они.

Формация F называется формацией Шеметкова (в терминологии [6]), или кратко – $\check{S}$ -формацией [7], если любая минимальная не F -группа является либо группой Шмидта, либо группой простого порядка. Нам потребуется следующий известный результат о $\check{S}$ -формациях, который сформулируем в виде следующей леммы.

Лемма 1 [8]. Пусть F – наследственная насыщенная формация. Тогда и только тогда F является $\check{S}$ -формацией, когда F имеет такой полный локальный экран f , что $f(p) = S_{\pi(f(p))}$, если $p \in \pi(F)$ и $f(p) = \emptyset$, если $p \notin \pi(F)$.

Пусть группа $G = AB$ является произведением своих подгрупп A и B и H – подгруппа группы G . Согласно [9] существует наименьшая факторизуемая подгруппа в $G = AB$, содержащая подгруппу H . Эта подгруппа обозначается через $X(H)$.

Отметим следующий результат, описывающий свойства подгруппы $X(H)$.

Лемма 2 [9]. Пусть $G = AB$, где A и B – некоторые подгруппы группы G , H – подгруппа перестановочная с A и B , и $A^* = A \cap BH$, $B^* = B \cap AH$. Тогда $X(H) = AH \cap BH = A^*B^* = A^*H = B^*H$.

Следующая лемма 3 является прямым следствием теоремы 2 из [10].

Лемма 3. Пусть F – наследственная насыщенная $\check{S}$ -формация. Тогда формация F содержит всякую группу $G = AB = BC = CA$, где A , B и C – подгруппы группы G , принадлежащие F .

Для получения основного результата нам необходимо доказать следующую лемму.

Лемма 4. Пусть F – наследственная насыщенная формация Фиттинга. Предположим, что для F выполняется следующее утверждение:

(*) если $G = AB$ – ди- F -группа и H – ее F -инъектор, перестановочный с подгруппами A и B , то $A \cap B \subseteq H$.

Тогда любая ненильпотентная минимальная не F -группа с тривиальной подгруппой Фраттини является группой Шмидта.

Доказательство. Пусть G – ненильпотентная минимальная не

F -группа и $\Phi(G) = 1$. Так как F является насыщенной формацией, то нетрудно видеть, что $G = [N]M$, где N – единственная минимальная нормальная подгруппа группы G , причем N – p -группа (p – простое число), $N = C_G(N) = F(G)$, а M – некоторая максимальная подгруппа группы G .

Покажем, что M является циклической q -группой для некоторого простого $q \neq p$. Для этого достаточно доказать, что M имеет единственную максимальную подгруппу.

Пусть R – нормальная максимальная подгруппа группы G . Так как F – формация Фиттинга и $G \in M(F)$, то R – единственная нормальная максимальная подгруппа в G . Нетрудно видеть, что R – F -инъектор группы G . Из $N \subseteq R$ и $R = R \cap [N]M = [N](R \cap M)$ следует, что $V = R \cap M$ – нормальная максимальная подгруппа в M . Предположим, что в M имеется еще одна максимальная подгруппа F , отличная от V . Тогда $M = VF$. Рассмотрим подгруппы $A = M$ и $B = NF$. Тогда $G = AB$ – ди- F -группа и подгруппа R перестановочна

с A и B .

Согласно (*) $A \cap B \subseteq R$. С другой стороны,

$$A \cap B = M \cap NF = F(M \cap N) = F \not\subseteq R.$$

Получили противоречие. Следовательно, V – единственная максимальная подгруппа в M , а значит, M – циклическая q -группа, $|M| = q^n$, $q \neq p$. В этом случае $|V| = |R \cap M| = q^{n-1}$.

Покажем, что $n = 1$. Допустим, что $n \geq 2$. Пусть h – максимальный внутренний локальный экран формации F . Нетрудно видеть, что M является минимальной не $h(p)$ -группой. Рассмотрим регулярное сплетение $Q = \text{Tw}rM^*$, где группа T изоморфна V и $|V| = q^{n-1}$, а M^* изоморфна M/V и $|M^*| = q$. Тогда $Q = [W]M^*$, где W – база сплетения. По теореме [5, IV, 18.9] M изоморфна некоторой подгруппе из Q . Так как $M \notin h(p)$, то ввиду теоремы 2.3 из [5] следует, что $Q \notin h(p)$.

Возьмем регулярное сплетение $X = PwrQ$, где P – группа простого порядка p . Пусть $X = [P^*]Q$ – соответствующее данному сплетению полупрямое произведение. Так как $F_p(X) = C_X(P^*) = P^*$ и $Q \notin h(p)$, то ввиду леммы 4.5 из [4] $X \notin F$. Из $Q \in F$ следует, что $X^F \subseteq P^*$. Из $L = P^*W \triangleleft X$, $L \in F$ и $|X:L| = q$ нетрудно заключить, что L является F -инъектором группы G . Рассмотрим подгруппы $A = P^*M^*$ и $B = Q$. Тогда $G = AB$ – ди- F -группа. Согласно утверждению (*) $A \cap B \subseteq L$. С другой стороны, $A \cap B = P^*M^* \cap Q = M^*(P^* \cap Q) = M^* \not\subseteq L$. Получили противоречие.

Следовательно, $G = [N]M$, где N – единственная минимальная нормальная подгруппа в G , N – элементарная абелева p -группа, а M – группа простого порядка q . Из всего этого следует, что G – группа Шмидта. Лемма доказана.

Лемма 5. Пусть F – нормально наследственная формация. Если $p \in \pi(F)$, то $Z_p \in F$.

Доказательство. Так как $p \in \pi(F)$, то в F найдется группа, порядок которой делится на p . Выберем среди групп с таким свойством группу G наименьшего порядка. Пусть M – максимальная нормальная подгруппа в G . Так как F – нормально наследственная формация и $G \in F$, то $M \in F$. Отсюда и в силу выбора G следует, что G/M изоморфна $Z_p \in F$. Лемма доказана.

Доказательство теоремы. Очевидно, из 1) следует 2). Установим, что из 2) следует 3). Пусть h – максимальный внутренний локальный экран формации F . Так как F – нормально наследственная формация, то по теореме 4.7 из [4] $h(p)$ – нормально наследственная формация для каждого простого p .

Пусть f – локальный экран такой, что $f(p) = S_{\pi(h(p))}$, если $p \in \pi(F)$ и $f(p) = \emptyset$, если $p \notin \pi(F)$. Так как $p \in \pi(h(p))$ для любого $p \in \pi(F)$, то f – полный локальный экран.

Рассмотрим $F^* = LF(f)$. Так как f – наследственный локальный экран, то по теореме 4.7 из [4] F^* – наследственная формация. Ввиду леммы 1 F^* – $\tilde{S}$ -формация.

Покажем, что $F^* = F$. Так как $h \leq f$, то $F \subseteq F^*$. Предположим, что множество $F^* \setminus F$ не пусто, и выберем в нем группу G , имеющую наименьший порядок. Тогда G имеет единственную минимальную нормальную подгруппу $N = G^F$, причем N – p -группа для некоторого простого $p \in \pi(F^*) = \pi(F)$. Кроме того, $\Phi(G) = 1$ ввиду насыщенности F . Поэтому $N = C_G(N)$. Из наследственности формации F^* следует, что $G \in M(F)$.

Пусть G нильпотентна. Так как F – насыщенная формация, то G – группа простого порядка p и $p \notin \pi(F)$. Получили противоречие с $G \in F^*$.

Предположим, что G ненильпотентна. Тогда по лемме 4 G – группа Шмидта. В этом случае $G = [N]M$, где M – группа простого порядка $q \neq p$. Из $G \in F^*$ следует, что $G/C_G(N) \in f(p)$. Так как $\pi(f(q)) = \pi(h(p))$, то $q \in \pi(h(p))$. По лемме 5 $M \in h(p)$. Следовательно, N – h -центральный главный фактор группы G , а значит, $G \in F$. Получили противоречие. Импликация 2) $\Rightarrow$ 3) доказана.

Докажем, что из 3) следует 1). Пусть F – насыщенная формация Фиттинга, являющаяся наследственной $\mathcal{F}$ -формацией. Предположим, что $G = AB$ –

ди- F -группа и H – F -инъектор G , перестановочный с подгруппами A и B . Согласно лемме 2 $X(H) = AH \cap BH = A^*B^* = A^*H = B^*H$, где $A^* = A \cap BH$, $B^* = B \cap AH$. Из наследственности F и $A, B \in F$ следует, что $A^*, B^* \in F$. Тогда по лемме 3 получаем, что $X(H) \in F$. Если $X(H) = G$, то $G \in F$, а значит $H = G$, и нечего доказывать. Пусть $X(H) \neq G$. Из определения F -инъектора следует, что $X(H) = H$ и теорема доказана.

Следствия 1 и 2 непосредственно следуют из теоремы, так как формации всех π -нильпотентных, всех π -разложимых, всех φ -дисперсивных групп являются наследственными насыщенными $\mathcal{F}$ -формациями Фиттинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Lockett P.** On the theory of Fitting classes of finite soluble groups. – Ph.D. thesis, University of Warwick, 1971. – 32 p.
2. **Amberg B., Hofling B.** On finite products of nilpotent groups // Arch. Math., 1994. – V. 63. – P. 1–8.
3. **Wielandt H.** Über Produkte von nilpotenten Gruppen // Ill. J. Math., 1958. – Bd. 2, № 4B. – S. 611–618.
4. **Шеметков Л.А.** Формации конечных групп. – М., 1978. – 272 с.
5. **Doerk K., Hawkes T.** Finite soluble groups. – Berlin-New York, 1992. – 889 p.
6. **Ballester-Bolínches A., Pérez-Ramos M.D.** Two questions of L.A. Shemetkov on critical groups // J. Algebra. 1996. – V. 179. – P. 905–917.
7. **Шеметков Л.А., Скиба А.Н.** Формации алгебраических систем. – М., 1989. – 253 с.
8. **Семенчук В.Н., Васильев А.Ф.** Характеризация локальных формаций F по заданным свойствам минимальных не F -групп // Исследование нормального и подгруппового строения конечных групп. – Мн., 1984. – С. 175–181.
9. **Amberg B., Franciosi S., de Giovanni F.** Products of Groups. – Oxford, 1992. – 220 p.
10. **Васильев А.Ф.** К проблеме перечисления локальных формаций с заданными свойствами // Вопросы алгебры. – Мн., 1987. – Вып. 3. – С. 3–11.

S U M M A R Y

For soluble saturated Fitting formations F of finite groups the factorability conditions for F -injectors of finite soluble products of F -groups are determined.

Поступила в редакцию 9.06.2005

УДК 621.3.049.73.75:001.2(024)

А.С. Шандриков

Алгоритм разрезания графа методом последовательного назначения вершин

в формируемые куски

На ранних этапах конструкторского проектирования радиоэлектронных средств (РЭС) решается задача компоновки – разбиения принципиальной электрической схемы на отдельные конструктивно законченные части. Решение этой задачи моделируется разрезанием графа $G = (X, U)$, где X – множество вершин, обозначающих радиоэлектронные компоненты (РЭК), U – множество ребер, соединяющих вершины графа в соответствии с принципиальной электрической схемой [1, 2].

Основным критерием качественного разрезания графа является минимальное количество внешних связей, т.е. ребер, соединяющих вершины, принадлежащие разным кускам графа, или максимальное значение коэффициента разрезания, вычисляемого по формуле

$$\Delta(G) = L/K, \quad (1)$$

где L – суммарное количество внутренних связей, K – количество внешних связей.

Разрезание графа на куски является задачей комбинаторно-логического типа. Минимизация внешних связей может быть достигнута полным перебором всех возможных вариантов заданного разрезания и последующим выбором оптимального, однако такой путь чрезвычайно затруднителен даже для современных ЭВМ, и по этой причине для проектирования РЭС неприемлем.

Для разрезания графа на куски разработан ряд алгоритмов, обеспечивающих удовлетворительный с точки зрения практики результат. Наиболее часто используются последовательные и итерационные алгоритмы.

Последовательные алгоритмы являются наиболее простыми и быстрыми в реализации, однако они практически никогда не позволяют получить оптимальный результат [1, с. 61].

Наиболее эффективным по критерию минимума внешних связей является итерационный матричный алгоритм [2, с. 62–78]. Существенным недостатком данного алгоритма, ограничивающим его применение, является большое количество обрабатываемых матриц (до семи на одну итерацию). Для получения требуемого результата при разрезании графа, например, на l кусков с одинаковым количеством вершин, необходимо выполнить

$$c = \frac{n!}{\left(\frac{n}{l}\right)^l \cdot l!} \quad (2)$$

подстановок. Сложившаяся ситуация требует разработки таких алгоритмов, которые были бы просты в реализации как последовательные и эффективны как итерационный матричный алгоритм.

Ниже описывается один из таких алгоритмов, разработанный автором, суть которого заключается в следующем [3].

Куски заданного разрезания графа формируются последовательно поэтапным назначением вершин. На каждом этапе в формируемый кусок назначается одна вершина. Затем строится множество вершин, смежных

только что назначенной вершине, и из него выбирается следующая вершина. Критерием выбора очередной назначаемой вершины является минимум приращения внешних связей, вносимых вершиной в формируемый кусок. Данная процедура продолжается до окончания формирования куска, после чего из исходного графа удаляются вершины, вошедшие в сформированный кусок, и начинается процесс формирования следующего куска.

Кроме описанного принципа формирования куска данный алгоритм предусматривает более гибкий подход к разрезанию графа на неравные по количеству вершин куски. При разрезании графа G , например, на три куска по 3, 4 и 5 вершин, формирование первого куска в классических последовательных алгоритмах заканчивается при выполнении условия $|X_1| = 3$, второго – при

$|X_2| = 4$ и третий кусок формируется автоматически из оставшегося множества вершин $X_3 = X \setminus (X_1 + X_2)$. В описываемом алгоритме с целью минимизации внешних связей непосредственно в процессе разрезания графа выполнение условия $|X_1| = 3$ воспринимается не как окончание формирования первого куска, а только как один из возможных его вариантов. Назначение вершин в первый кусок будет продолжено с тем, чтобы получить и проанализировать все остальные варианты, т.е. $|X_1| = 5$ и $|X_1| = 7$. В результате анализа из трех полученных вариантов выбирается наилучший. Критерием для выбора окончательного варианта первого куска будет служить максимум коэффициента разрезания графа $\Delta(G)$. Используя аналогичный подход к формированию второго и третьего кусков, можно получить иной результат разрезания графа, например, $|X_1| = 5$, $|X_2| = 7$ и $|X_3| = 3$. Такой подход к формированию кусков обеспечивает минимизацию внешних связей непосредственно в процессе разрезания графа. Формально приведенный результат отличается от заданного, но **принципиально** не имеет значения, какой именно кусок содержит то или иное заданное количество вершин, то есть принципиально полученный результат удовлетворяет заданным требованиям. Отличие полученного результата от заданного разрезания заключается только в изменении номеров (индексов) сформированных кусков.

Сформулируем теперь алгоритм последовательного назначения вершин в формируемые куски.

Шаг 1. Построить матрицу смежности и определить локальную степень $\rho(x_i)$ каждой вершины графа. Перейти на шаг 2.

Шаг 2. Выбрать вершину x_i , удовлетворяющую условию

$$\rho(x_i) = \min \rho(x_i). \quad (3)$$

При наличии нескольких вершин с одинаковым минимальным значением локальной степени выбрать вершину с большим количеством петель или инцидентных ей кратных ребер.

Если несколько вершин имеют одинаковое количество петель или инцидентных им кратных ребер, или ни одна из вершин не имеет ни петель, ни кратных ребер, то для однозначности выбора при автоматизированном решении задачи в качестве критерия следует использовать младший (или старший) индекс строки (столбца) матрицы смежности. Перейти на шаг 3.

Шаг 3. Назначить выбранную вершину в множество X_k вершин формируемого куска G_k . Перейти на шаг 4.

Шаг 4. Определить мощность полученного множества вершин, назначенных в формируемый кусок.

Если граф разрезается на равные по количеству вершин куски, то перейти на шаг 5, иначе – на шаг 6.

Шаг 5. Если $|X_k| = n_i$, где n_i – количество вершин, входящих в формируемый кусок, то перейти на шаг 13.

Если $|X_k| < n_i$, то перейти на шаг 8.

Шаг 6. Если $|X_k| = m$, где m – количество вершин, входящих в минимальный на данный момент кусок заданного разрезания, то перейти на шаг 7.

Если $|X_k| < m$, то перейти на шаг 8.

Шаг 7. Определить коэффициент разрезания графа по формуле (2). Полученное значение $\Delta(G)$ зафиксировать.

Если сформированный кусок представляет собой последний из возможных вариантов, то перейти на шаг 12, иначе – на шаг 8.

Шаг 8. Построить множество вершин, содержащее выбранную на шаге 2 вершину x_i и все смежные ей вершины. В результате будет получено множество

$$\Gamma x_i = \{x_i, x_j, \dots, x_n\}. \quad (4)$$

Перейти на шаг 9.

Шаг 9. Объединить множества X_k и Γx_i . В результате будет получено множество

$$X_k \cup \Gamma x_i. \quad (5)$$

Перейти на шаг 10.

Шаг 10. Для каждой вершины множества $\Gamma x_i \setminus X_k$ определить коэффициент связности по формуле

$$\delta(x_j) = \rho(x_j) - z(x_j) = \min \delta(x_j), \quad (6)$$

где $z(x_j)$ – количество ребер, связывающих вершину x_j со всеми вершинами множества X_k , назначенными в формируемый кусок. Перейти на шаг 11.

Шаг 11. Из множества $\Gamma x_i \setminus X_k$ выбрать вершину, удовлетворяющую условию

$$\delta(x_j) = \min \delta(x_j). \quad (7)$$

Если условию (7) удовлетворяют несколько вершин, то выбрать следует вершину с минимальной локальной степенью, а при равенстве значений локальных степеней – младшему (или старшему) индексу строки (или столбца) матрицы смежности. Перейти на шаг 12.

Шаг 12. Из полученных вариантов сформированного куска, отличающихся количеством вершин, выбрать тот, который удовлетворяет условию

$$\Delta(G) = \max \Delta(G). \quad (8)$$

На этом формирование куска следует считать законченным. Перейти на шаг 13.

Шаг 13. Если сформированный кусок является предпоследним куском заданного разрезания, то перейти на шаг 15, иначе – на шаг 14.

Шаг 14. Удалить из матрицы смежности строки и столбцы, соответствующие вершинам, назначенным в сформированный кусок G_k . Перейти на шаг 15.

Шаг 15. Вывод результатов полученного разрезания графа. Перейти на шаг 16.

Шаг 16. Конец работы алгоритма.

Реализацию описанного алгоритма рассмотрим на следующем примере.

На рис. 1 представлен граф $G = (X, U)$, у которого $|X| = 12$, $|U| = 28$. Требуется разрезать этот граф на 3 куска G_1 , G_2 и G_3 с количеством вершин 4, 3 и 5 соответственно. Какие-либо ограничения по закреплению некоторых вершин за определенными кусками отсутствуют.

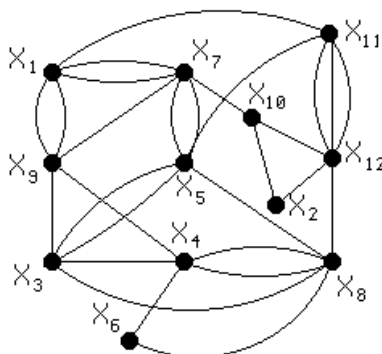

Рис. 1.

Решение.

1. Построить матрицу смежности R и определить локальную степень $\rho(x_i)$ каждой вершины. Значения $\rho(x_i)$ указаны в дополнительном столбце матрицы смежности.

$$R = \begin{matrix} & \begin{matrix} x_1 & x_2 & x_3 & x_4 & x_5 & x_6 & x_7 & x_8 & x_9 & x_{10} & x_{11} & x_{12} \end{matrix} \\ \begin{matrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \\ x_5 \\ x_6 \\ x_7 \\ x_8 \\ x_9 \\ x_{10} \\ x_{11} \\ x_{12} \end{matrix} & \begin{bmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 2 & 0 & 2 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 1 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 2 & 0 & 0 & 1 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 1 & 0 & 2 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 2 & 0 & 0 & 0 & 2 & 1 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 2 & 0 & 0 & 0 & 2 & 0 & 0 & 0 & 1 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 2 & 1 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 2 & 0 & 1 & 1 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 1 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 3 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 1 & 3 & 0 \end{bmatrix} \end{bmatrix} \begin{matrix} 5 \\ 2 \\ 5 \\ 5 \\ 6 \\ 2 \\ 6 \\ 6 \\ 5 \\ 3 \\ 5 \\ 6 \end{matrix} \end{matrix} \quad (9)$$

2. Выбрать вершину x_i с минимальной локальной степенью. Таких вершин две: x_2 и x_6 , у которых $\rho(x_i) = \min = 2$. Эти вершины не имеют петель и кратных рёбер, поэтому выбираем в качестве начальной вершины первого куска, например, вершину x_2 как имеющую младший индекс, и в результате получим одноэлементное множество $X_1^{(1)} = \{x_2\}$.

3. Построить множество вершин, смежных начальной вершине x_2 :

$$\Gamma_{x_2} = \{x_2, x_{10}, x_{12}\}. \quad (10)$$

4. Объединить множества Γ_{x_2} и $X_1^{(1)}$:

$$\Gamma_{x_2} \cup X_1^{(1)} = \{x_2, x_{10}, x_{12}\}. \quad (11)$$

5. Для вершин x_{10} и x_{12} определить коэффициенты связности:

$$\delta(x_{10}) = \rho(x_{10}) - z(x_{10}) = 3 - 1 = 2; \quad \delta(x_{12}) = \rho(x_{12}) - z(x_{12}) = 6 - 1 = 5. \quad (12)$$

6. Назначить в формируемый кусок вершину x_{10} как вносящую минимальное количество внешних связей в формируемый кусок. В результате получим двухэлементное множество $X_1^{(2)} = \{x_2, x_{10}\}$.

7. Так как $|X_1^{(2)}|$ меньше минимальной заданной, то следует продолжить назначение вершин в формируемый кусок. Для этого необходимо построить множество вершин, смежных вершине x_{10} :

$$\Gamma_{x_{10}} = \{x_{10}, x_2, x_7, x_{12}\}. \quad (13)$$

8. Объединить множества $X_1^{(2)}$ и $\Gamma_{x_{10}}$:

$$X_1^{(2)} \cup \Gamma_{x_{10}} = \{x_2, x_{10}, x_7, x_{12}\}. \quad (14)$$

9. Для каждой вершины множества $\Gamma_{x_{10}} \setminus X_1^{(2)}$ определить коэффициент связности:

$$\delta(x_7) = \rho(x_7) - z(x_7) = 6 - 1 = 5; \quad \delta(x_{12}) = \rho(x_{12}) - z(x_{12}) = 6 - 2 = 4. \quad (15)$$

10. Назначить вершину x_{12} в формируемый кусок. В результате будет получено множество

$$X_1^{(3)} = \{x_2, x_{10}, x_{12}\}. \quad (16)$$

11. Мощность полученного множества

$$|X_1^{(3)}| = n_{\min} = n_2 = 3, \quad (17)$$

т.е. соответствует мощности множества вершин, входящих в наименьший кусок G_2 заданного разрезания.

12. По формуле (2) определить коэффициент полученного разрезания

$$\Delta_1^{(1)}(G) = \Sigma L_1^{(1)} / K_1^{(1)} = 3/8 = 0,375, \quad (18)$$

где $\Sigma L_1^{(1)} = [z(x_2) + z(x_{10}) + z(x_{12})]/2 = (2 + 2 + 2)/2 = 3$;

$$K_1^{(1)} = \sum \rho(x_i) - \sum z_i^{(1)} = (2 + 3 + 6) - 3 = 11 - 3 = 8.$$

13. Сформировать следующий вариант куска G_1 , дополнив множество $X_1^{(3)}$ вершинами до значения его мощности, равного $n_1 = 4$. Для этого следует построить множество $\Gamma_{x_{12}}$, содержащее вершину x_{12} и все смежные ей вершины:

$$\Gamma_{x_{12}} = \{x_{12}, x_2, x_8, x_{10}, x_{11}\}. \quad (19)$$

14. Объединить множества $X_1^{(3)}$ и $\Gamma_{x_{12}}$:

$$X_1^{(3)} \cup \Gamma_{x_{12}} = \{x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}\}. \quad (20)$$

15. Для каждой вершины множества $\Gamma_{x_{12}} \setminus X_1^{(3)}$ определить приращение внешних связей:

$$\delta(x_8) = \rho(x_8) - z(x_8) = 6 - 1 = 5; \quad \delta(x_{11}) = \rho(x_{11}) - z(x_{11}) = 5 - 3 = 2. \quad (21)$$

16. Назначить вершину x_{11} в формируемый кусок. В результате будет получено множество

$$X_1^{(4)} = \{x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}\}. \quad (22)$$

17. Мощность полученного множества

$$|X_1^{(4)}| = n_1 = 4, \quad (23)$$

что соответствует мощности множества вершин, входящих в кусок G_1 заданного разрезания.

18. По формуле (2) определить коэффициент полученного разрезания

$$\Delta_1^{(2)}(G) = \Sigma L_1^{(2)} / K_1^{(2)} = 6/10 = 0,6. \quad (24)$$

19. Дополнить множество $X_1^{(4)}$ вершинами до значения его мощности, равного $n_3 = 5$. Для этого следует построить множество $\Gamma_{x_{11}}$, содержащее вершину x_{11} и все смежные ей вершины:

$$\Gamma_{x_{11}} = \{x_{11}, x_1, x_5, x_{12}\}. \quad (25)$$

20. Объединить множества $X_1^{(4)}$ и $\Gamma_{x_{11}}$:

$$X_1^{(4)} \cup \Gamma_{x_{11}} = \{x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}, x_1, x_5\}. \quad (26)$$

21. Для каждой вершины множества $\Gamma_{x_{11}} \setminus X_1^{(4)}$ определить коэффициент связности:

$$\delta(x_1) = \rho(x_1) - z(x_1) = 5 - 1 = 4; \delta(x_5) = \rho(x_5) - z(x_5) = 6 - 1 = 5. \quad (27)$$

22. Назначить вершину x_1 в формируемый кусок. В результате будет получено множество

$$X_1^{(5)} = \{x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}, x_1\}. \quad (28)$$

23. Мощность полученного множества

$$|X_1^{(5)}| = n_3 = 5, \quad (29)$$

что соответствует мощности множества вершин, входящих в третий кусок заданного разрезания.

24. По формуле (2) определить коэффициент полученного разрезания

$$\Delta_1^{(3)}(G) = \Sigma L_1^{(3)} / K_1^{(3)} = 7/14 = 0,5. \quad (30)$$

25. В результате выполненных действий было получено три варианта куска G_1 . Из полученных вариантов следует выбрать тот, который имеет максимальный коэффициент разрезания. Таким вариантом является второй вариант, для которого $\Delta_1^{(2)}(G) = 0,6 = \max$. Окончательно сформированным следует считать кусок G_1 , в который входит множество вершин $X_1 = \{x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}\}$.

26. Удалить из исходной матрицы смежности (9) строки и столбцы $x_2, x_{10}, x_{12}, x_{11}$.

27. Аналогичным образом формируется второй кусок графа. При этом рассматриваются варианты $|X_2| = 3$ и $|X_2| = 5$. В результате выполненных действий было получено разрезание, представленное на рис. 2.

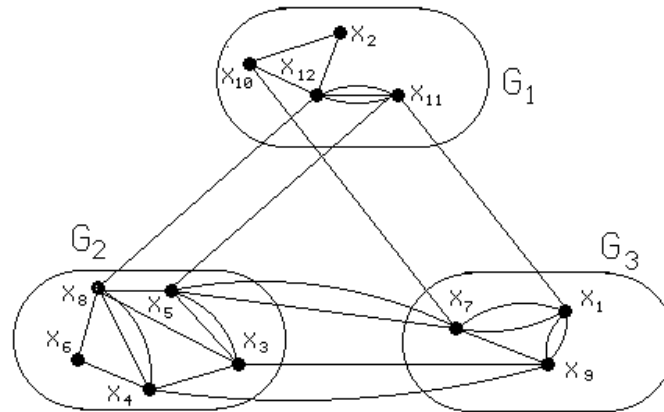

Рис. 2.

Коэффициент разрезания $\Delta(G) = 20/8 = 2,5$. Для сравнения: коэффициент разрезания этого же графа традиционным последовательным методом составил 1,15, а коэффициент разрезания с использованием чисел связности и матричными итерационными методами составил 1,8.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мелихов А.Н., Бернштейн Л.С., Курейчик В.М.** Применение графов для проектирования дискретных устройств. – М., 1974.
2. Методы разбиения схем РЭА на конструктивно законченные части / **К.К. Морозов, А.Н. Мелихов, Л.С. Бернштейн и др.**; под ред. **К.К. Морозова**. – М., 1978.
3. **Шандриков А.С.** Последовательный метод разрезания графа с минимизацией внешних связей // Вестник учреждения образования «Витебский государственный технологический университет». Пятый выпуск. – Витебск, 2003. – С. 94–100.

S U M M A R Y

Algorithm of the cutup graph is described in this article by the method of consequent distribution of tops in formed piece. In the process of the cutup possible variants are defined and the variant, which provides minimization of the external relationships is chosen.

Поступила в редакцию 4.10.2004

В.И. Пискунов, И.А. Солодовников

Новые и малоизвестные для фауны Беларуси виды выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae)

В летнем сезоне 2004 года И.А. Солодовников и учащийся лицея № 1 г. Витебска Е.А. Держинский провели сборы чешуекрылых насекомых с помощью трех светоловушек оригинальной конструкции; описание светоловушки опубликовано [1]. Основной материал собран в Городокском и Витебском районах Витебской области. Весь материал по крупному семейству микрочешуекрылых выемчатокрылые моли из этих сборов смонтирован и определен первым автором. При этом использовались коллекции этих молей биологического музея Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (далее по тексту: БМ ВГУ) и зоологического музея Белорусского государственного университета в г. Минске (далее: ЗМ БГУ). Определенный материал хранится в этих коллекциях, частично также в Лаборатории систематики насекомых Зоологического института РАН в г. Санкт-Петербурге (далее: ЗИН РАН). При определении данного материала использована литература с изображениями генитальных структур выемчатокрылых молей [2–10], в том числе и новейшая [11, 12]. Два определенных вида оказались новыми для фауны Беларуси; ниже они рассмотрены подробно, с приведением рисунков гениталий. Ранее на территории республики было известно 137 видов выемчатокрылых молей [1]; с учетом вышеизложенного в фауне этого семейства теперь насчитывается 139 видов. Просмотр первой из указанных выше коллекций позволил дополнить данные по распространению в Беларуси еще 4 редких видов, ранее уже отмечавшихся на ее территории [13].

Все этикетки коллекционного материала цитируются в подлинниках. Иллюстрации выполнены первым автором с помощью рисовального аппарата РА-4 и микроскопа биологического МБР-1. Коллекционные экземпляры с препаратами гениталий при них в сахаре, использованные при этом, хранятся в БМ ВГУ. Компьютерная обработка рисунков проведена вторым автором в программе Adobe Photoshop CS.

Порядок родов принят по работе первого автора [7], а видов в роде *Scrobipalpa* Janse – по алфавиту. При подготовке данных о распространении видов, кроме цитируемой литературы, использованы сведения с этикеток материалов всех трех вышеупомянутых коллекций, а также данные картотеки литературы по таксонам видового и родового рангов палеарктических выемчатокрылых молей; подробнее об этом говорилось в предыдущей статье авторов [1]. Общее редактирование и подготовка рукописи к печати выполнена вторым автором.

1. *Neofriseria singula* (Staudinger, 1876) [= *suppeliella* Walsingham, 1896, = *ataurella* Rebel, 1927]. Видовая синонимика опубликована [13]. Данный вид

был известен из Беларуси по единственной самке из Докшицкого района Витебской области [13]; в цитируемой работе приведены данные об ареале, кормовых растениях гусениц. Локально встречающийся вид [11]. Новый определенный материал: «Витебск, Беларусь, Piskunov, 16.08.2002», оборот: «опушка парка, песок, кошение по редкой травянистой растительности»,

1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном экземпляре (БМ ВГУ). При определении использована новейшая литература с изображениями имаго и гениталий вида [10, 11]; в последней из цитируемых работ дополнены трофические связи гусениц: на щавельке обыкновенном, или заячьем щавеле (*Acetosella vulgaris*). Таким образом, *N. singula* (Stgr.) сейчас известен в Беларуси из двух местонахождений (Витебская область); впервые в республике пойман самец этого вида.

2. ***Scrobipalpa (Euscrobipalpa) obsoletella obsoletella*** (Fischer von Röslerstamm, 1841) [= *miscitella* Clarke, 1932, = *bipunctella* Hartig, 1941 (pro parte), = *calaritanella* Amsel, 1951 (pro parte)]. Видовая синонимика опубликована [12]. Родовая, подродовая номенклатура данного и следующего видов принята по первому автору [7, 13] с учетом новой монографии о выемчатокрылых молях Центральной Европы [11]. Рассмотренный вид был ранее известен по трем экземплярам из культурного ландшафта г. Витебска [14]; по этим данным, поимкам еще двух экземпляров там же в 1973 и 1996 гг. (БМ ВГУ) он включен, с указанием на Витебскую область, в список видов выемчатокрылых молей Беларуси [13], с приведением данных об ареале, двух подвидов, и трофических связей гусениц. На юге Африки *S. obsoletella* (F.R.) представлен отдельным подвидом [13]. Кратко вся эта зоогеографическая и биологическая информация опубликована и в упомянутой выше монографии о выемчатокрылых молях Центральной Европы [11]. В литературе изображались гениталии самцов [7, 11, 12], самок [11, 12], а также общий вид имаго [11, 12] данного вида. Новый определенный материал: «д. Улановичи, 4 км N Витебска, Пискунов, 28.05.1970», оборот: «над *Calluna vulgaris*, редколесье»,

1 самка, микропрепарат в глицерине, в пробирке под № 258; «Могилевская обл., г. Горки, Лаходанов, 29.07.1972», оборот: «в городе, сквер», 1 самка, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Определения проверены по цитируемой новой литературе [11, 12]. Первое указание для Могилевской области и для белорусского участка бассейна р. Днепр. Таким образом, *S. obsoletella* (F.R.) – вид с очень обширным ареалом, известен в Беларуси сейчас из трех местонахождений (Витебская и Могилевские области).

3. ***Scrobipalpa (Euscrobipalpa) proclivella*** (Fuchs, 1886) [= *rancidella* auctorum et Povolný, 1967]. Видовая синонимика взята по новейшей литературе [12]. Данный вид в Беларуси был известен по единственной самке из окрестностей г. Минска [13], в этой работе приведены данные о распространении вида и кормовом растении гусениц. Новый определенный материал: «д. Шпили, окрестн. Витебска, Пискунов, 31.05.1969», оборот: «сосняк, лесные поляны, *Calluna vulgaris*», 1 самка, микропрепарат в глицерине, в пробирке под

№ 105; «р. Лучоса, 6 км SO Витебска, Пискунов, 6.06.1969» оборот: «у *Alnus*, разнотравье, пойменный луг», 1 самка, микропрепарат в глицерине, в пробирке под № 255 (БМ ВГУ). Определения проверены по цитируемой новейшей литературе с изображением гениталий и имаго данного вида [11, 12] в которой также дополнены трофические связи гусениц: на нивянике (*Leucanthemella*), пижме (*Tanacetum*) и тысячелистнике (*Achillea*). Первое указание вида для Витебской области и для белорусского участка бассейна

реки Западная Двина. Таким образом, *S. proclivella* (Fuchs.), известен теперь в Беларуси из трех местонахождений (Витебская и Минская области).

4. ***Metzneria aprilella*** (Herrich-Schaeffer, 1854) [= *igneella* Tengström, 1859, [= *sanguinolentella* De Joannis, 1910]. Видовая синонимика взята по новейшей литературе [5, 7–9]. «Витебская обл., 5–8 км С Городка, ст. Прудок, садово-огородные участ., 23–27.06.2004, светоловушка, Е. Держинский», 13 самцов,

1 самка, микропрепараты в сахаре при монтированных насекомых (ЗИН РАН, ЗМ БГУ, БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [5, 7, 8, 11]: Великобритания, Западная Европа от Нидерландов, Дании, Швеции, южной Финляндии до Болгарии и Греции включительно, Средиземноморье от Испании, Франции до Турции (азиатская часть), Ближнего Востока (Ливан и сопредельные государства) включительно; Казахстан, пустыни Узбекистана; из сопредельных с Беларусью стран отмечался в России (Карелия, центр и восток европейской части, Среднее и Нижнее Поволжье), Польше, странах Балтии, Украине: Крым. Гусеницы на астровых: разные виды васильков (*Centaurea*, *Calcitrapa*, *Colymbada*) и горчака (*Acroptilon*) [5, 7, 9, 11, 15, 16]. В Казахстане обсуждаемый вид использовался в биологическом методе борьбы с сорной растительностью [16], на юге и юго-востоке этого государства гусеницы *M. aprilella* (Н.-С.) повреждают до 37% корзинок многолетнего корнеотпрыскового сорняка горчака розового (питание семенами) [15]. В литературе изображались имаго [8, 9, 11] гениталии самцов [5–9, 11] и самок [8, 11] данного вида. Приводим оригинальное изображение гениталий самца (рис. 1) и самки (рис. 2) *M. aprilella* (Н.-С.) по новому материалу из Беларуси; в гениталиях самок выявлена и впервые изображена умеренная склеротизация дуктуса (рис. 2). Ранее [13] из Беларуси было известно 6 видов рода *Metzneria* Z.; с учетом вышеизложенного это количество возросло до 7.

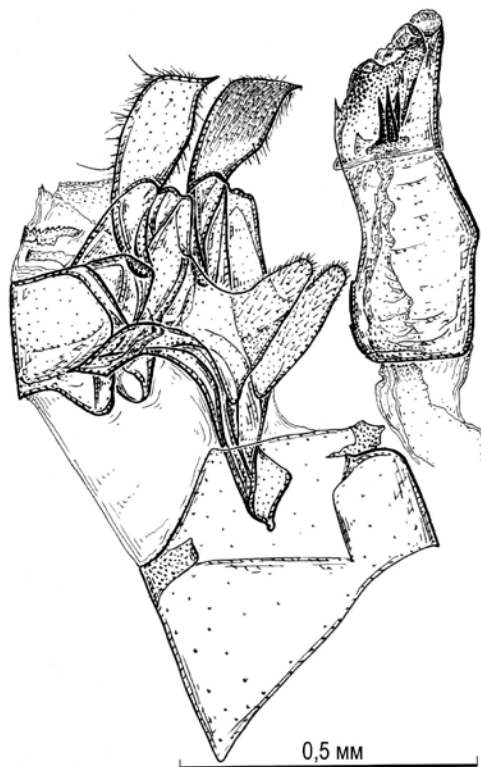

Рис. 1. *Metzneria aprilella* (H.-S.), гениталии самца: слева общий вид латерально, справа – эдеагус, препарат в сахаре, колл. БМ ВГУ.

Витебская обл., Городокский р-н.

5. *Monochroa lucidella lucidella* (Stephens, 1834) [= *sordiscella* Rebel, 1904, = *unipunctella* Amsel, 1935]. Видовая синонимика обсуждалась [17]. «Belarus, vill. Kraevo, 25 km W Vitebsk, 14.07.2004, E.A. Derzhinski», оборот: «огород на опушке заболоченного смешанного леса, на свет», 1 самка, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Указан ранее для запада европейской части СССР (в границах 1990 г.) [7] на основе материала из Литвы, сборы литовского энтомолога

П.П. Ивинскиса (P. Ivinskis), определения первого автора данной работы

(БМ ВГУ). Распространение. Номинативный подвид [2, 3, 7, 11, 17]: Ирландия, Великобритания, Западная Европа от Нидерландов, Фенноскандии, Дании до северной Италии, Венгрии, Боснии и Герцеговины, Румынии включительно; Ближний Восток (Израиль); Россия: Сибирь до востока Забайкалья включительно; из сопредельных с Беларусью стран отмечался в европейской части России (центр, Среднее и Нижнее Поволжье), Польше, Латвии, Литве, Украине, включая Крым. Подвид *M. lucidella immaculatella* Huemer, 1996 [11]: север Италии (южный Тироль). Гусеницы на осоковых: болотнице (ситняге) (*Eleocharis*), камыше (*Scirpus*), схеноплектусе (*Schoenoplectus*) и ситниковых: ситнике (*Juncus*) [3, 7, 11, 17], в стеблях [17]. В литературе изображались имаго [11] гениталии самцов [2, 3, 7, 11] и самок [2, 11]. Приводим оригинальное изображение гениталий самки (рис. 3) *M. lucidella* (Stph.) по новому материалу из Беларуси, так как из опубликованных ранее рисунков для определения вида пригоден лишь один, сделанный на материале из Словении [11]. Ранее [1] из Беларуси было известно 12 видов рода *Monochroa* Hein.; с учетом вышеизложенного это количество возросло до 13.

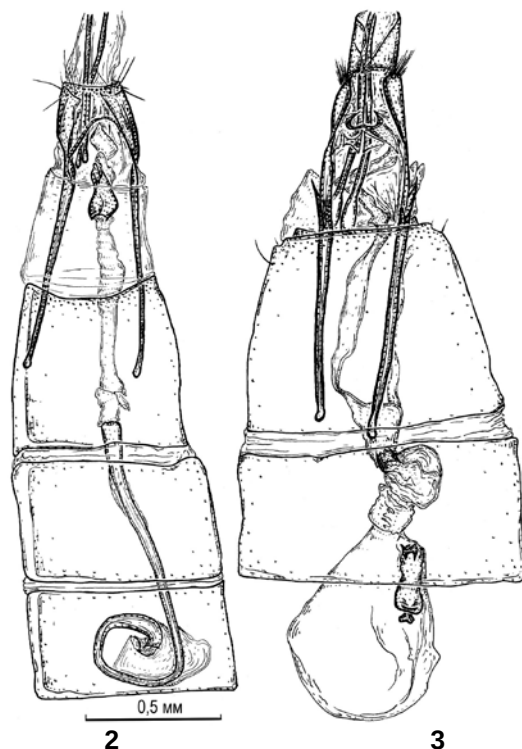

Рис. 2–3. Гениталии самок выемчатокрылых молей (анальные сосочки не изображены), вид вентрально. 2. *Metzneria aprilella* (Н.-С.). Витебская обл., Городокский р-н. 3. *Monochroa lucidella lucidella* (Stph.), Витебская обл., Витебский р-н.

6. *Bryotropha plantariella* (Tengström, 1848) [= *cinerosella* Tengström, 1847]. Видовая синонимика ранее публиковалась [4, 7, 18], при этом в работе первого автора данной статьи [18] этот вопрос рассмотрен подробно. Обсуждаемый вид был известен в республике только по нескольким самцам из трех местонахождений в Мядельском районе Минской области [18], в Шумилинском и Витебском районах Витебской области [13] (ЗИН РАН, БМ ВГУ). Большинство экземпляров пойманы на верховых болотах, а один на свет в сосновом лесу близ крупного озера. В последней из цитируемых работ приведены данные о распространении и предположительных трофических связях гусениц вида. Новый определенный материал: «Belarus, vill. Kraevo, 25 km W Vitebsk, 14.07.2004, E.A. Derzhinski», оборот: «огород на опушке заболоченного смешанного леса, на свет», 1 самка, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Гениталии самок изображались [4, 11], также как и переднее крыло имаго [4], общий вид имаго [11]. Изображения гениталий самцов в литературе [4, 7, 11] сходны и относятся, несомненно, к одному виду. Но изображения гениталий самок, о которых говорилось выше, различаются. Самка из Витебского района, этикетка которой цитировалась выше, полностью по гениталиям совпадает с их изображением шведским энтомологом И. Свенссоном [4] (отсутствие антрума, форма сигны). Так как данная статья И. Свенссона достаточно известна, цитировалась [7, 18], то авторы предпочитают определять самок видов рода *Bryotropha* Hein. по этой работе. Следует учесть, что данный род – один из наиболее сложных для видовой диагностики в семействе выемчатокрылые моли [7]; в Европе он изучен еще недостаточно. Вероятно, с этим и связана неточность в

изображении гениталий самки *B. plantariella* (Tgstr.) в новой монографии по этим молям фауны Центральной Европы [11]. В данной книге ареал рассмотренного вида расширен до Сибири включительно, а трофические связи гусениц прямо указаны со мхами (Musci); ранее [13] питание на мхах предполагалось. Таким образом,

B. plantariella (Tgstr.) известен в Беларуси из четырех местонахождений (Витебская и Минская области); впервые в республике поймана самка данного вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Пискунов В.И., Солодовников И.А.** Уточнение перечня видов выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae) Беларуси // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). – С. 131–138.
2. **Pierce F.N. and Metcalfe J.W.** The genitalia of the Tineid families of the Lepidoptera of the British Islands. – Oundle, 1935. – XXII + 116 p., LXVIII Pl.
3. **Benander P.** Släktet *Xystophora* Hein. och dess svenska arter // Entomol. Tidskr. 1945. Vol. 66, Hf. 3–4. – P. 125–135.
4. **Svensson I.** Nordiska *Bryotropha* Hein. // Flora og fauna, 1962. – T. 68, № 1. – P. 61–69.
5. **Englert W.D.** Revision der Gattung *Metzneria* Zeller (Lepid., Gelechiidae) mit Beiträgen zur Biologie der Arten // Z. angew. Entomol., 1974. Bd. 75, Hf. 4. – S. 381–421.
6. **Jensen H.K.** Lidt om *Metzneria* fundet i Danmark // Lepidoptera, Ny serie, 1975. Bd. II, № 9. – P. 256–257.
7. **Пискунов В.И.** Сем. Gelechiidae – выемчатокрылые моли // Определитель насекомых европейской части СССР. – Л., 1981. – Т. 4. Чешуекрылые. – Ч. 2. – С. 659–748.
8. **Bengtsson B.A.** De nordiska *Metzneria*-arterna // Entomol. Tidskr., 1981. Vol. 102, Hf. 1. – P. 5–12.
9. **Sattler K.** *Metzneria aprilella* (Herrich-Schaeffer, 1854) new to the British fauna (Lepidoptera: Gelechiidae) // Entomol. Gaz., 1981. Vol. 32, № 2. – P. 83–90. – Pl. 6.
10. **Buszko J., Bengtsson B.Å.** First records of some Lepidoptera in Poland // Pol. pismo entomol., 1992. – T. 61, № 3–4. – P. 47–56.
11. **Elsner G., Huemer P., Tokár Z.** Die Palpenmotten (Lepidoptera, Gelechiidae) Mitteleuropas: Bestimmung - Verbreitung - Flugstandort - Lebensweise der Raupen. – Bratislava, 1999. – 208 s.
12. **Povolný D.** Iconographia tribus Gnorimoschemini (Lepidoptera, Gelechiidae) Regionis Palaearcticae. – Bratislava, 2002. – 110 s., 16 Farbtafeln, 87 Tafeln der Genitalien.
13. **Пискунов В.И.** Фауна выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Беларуси // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия, биолог., географ. 1997, № 3. – С. 39–46.
14. **Пискунов В.И.** Новые данные о фауне выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Белоруссии // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия, биолог., геолог., географ. 1973, № 1. – С. 46–48.
15. **Иванников А.И.** Чешуекрылые – враги горчака // Защита раст. (Москва), 1971, № 11. – С. 33.
16. **Иванников А.И., В.Л. Казенас, П.И. Мариковский и др.** Биологический метод борьбы с сорняками в Казахстане / Отв. ред. проф. П.И. Мариковский. – Алма-Ата, 1976. – 107 с.
17. **Sattler K.** New synonyms of European Gelechiidae (Lepidoptera) // Entomol. gall. 1992. T. 3, f. 3. – P. 107–112.
18. **Пискунов В.И.** Новые материалы по фауне выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Беларуси // Фауна и экология насекомых Белоруссии. – Мн., 1979. – С. 168–173.

S U M M A R Y

For the first time for the fauna of Belarus 2 species of the family Gelechiidae: *Metzneria aprilella* (H.-S.) u *Monochroa lucidella lucidella* (Stph.) are indicated. The material was collected in Vitebsk and Gorodok districts (Vitebsk area) by means of light-traps. For 4 rare species: *Neofriseria singula* (Stgr.), *Scrobipalpa* (*Euscrobipalpa*) *obsoletella obsoletella* (F.-R.), *Scrobipalpa* (*Euscrobipalpa*) *proclivella* (Fchs.), *Bryotropha plantariella* (Tgstr.) led new date of distribution in Vitebsk and Mogilev area. The fauna of the Gelechiidae of Belarus now includes 139 species.

Поступила в редакцию 30.03.2005

УДК 594

Г.А. Лешко

Экология лужанки речной (*Viviparus viviparus* L.) в Западной Двине

В макологической литературе, хотя и весьма обширной [1–3], недостаточно освещены вопросы биологии многих видов пресноводных моллюсков. Особый интерес представляют исследования жизненного цикла и развития мелких видов моллюсков, которые служат важным кормовым компонентом для многих бентосоядных рыб и могут иметь значения для биологической оценки качества вод, т.е. играть биоиндикационную роль.

Поэтому нами была поставлена цель – изучить основные характеристики популяций лужанки речной, обитающих в реке Западная Двина, протекающей в зоне крупной городской экосистемы и в 30-километровой зоне за пределами города (д. Придвинье) для выявления морфофизиологического изменения в зависимости от качества воды.

Материал собран в течение мая-июня 2002 года в литоральной зоне реки Западная Двина на глубине 0,5–0,1 м около завода ВЗЭП, около Кировского моста и около завода Вистан в пределах г. Витебска, а также в районе

д. Придвинье на расстоянии 30 км от города Витебска в те же периоды времени. Метод сбора: сплошной отлов на выбранных участках литорали площадью 1 м² в трех повторностях. В качестве орудий лова использовали скребок и драгу [1]. Плодовитость моллюсков определялась путем периодических сборов с последующим их вскрытием и подсчетом числа зародышей. Вес моллюсков определялся их взвешиванием на технических весах с точностью до 0,01 г. В методике изучения биоценозов внутренних водоемов [4] рекомендуется пользоваться сырым весом моллюсков, так как он соответствует их естественному состоянию и связан с прижизненным метаболизмом. Определение размерно-весовой структуры исследуемых популяций проводилось по А.Н. Голикову (1970).

Продукция вычислялась как сумма общего прироста веса тех особей популяции, которые дожили до конца рассматриваемого периода, и прироста веса элиминированных особей:

$$P = N_2 \Delta W_2 + N_e \Delta W_e,$$

где ΔW_2 означает абсолютный прирост особей, выживших к концу периода, а ΔW_e – средний абсолютный прирост элиминированных особей. Определяется ΔW_2 как разность весов $W_2 - W_1$ при условии, что элиминация не зависит от веса особей. Когда отрезки кривых роста и кривых численности популяции за период $(t_2 - t_1)$ достаточно близки к прямым, можно считать, что средний вес одной элиминированной особи равен $W_e = 1/2 (W_1 + W_2)$ и соответственно прирост веса:

$$W_e - W_1 = \Delta W_e = 1/2 (W_2 - W_1).$$

Следовательно, в этом случае

$$P = N_2 (W_1 - W_2) + (N_1 - N_2) 1/2 (W_2 - W_1) = \frac{N_1 + N_2}{2} (W_2 - W_1).$$

Соответственно при простейшем способе расчета, пригодном для достаточно малого периода времени, продукция равна среднему арифметическому из начальной и конечной численностей, умноженному на разность среднего индивидуального веса в конце и начале периода.

Как показано Винбергом, оба варианта определения продукции приводят в принципе к идентичным результатам [5].

Гидрохимический анализ включал определения, позволяющие судить о солевом составе воды, ее кислотности, газовом режиме, динамике органического вещества и самых опасных загрязнителей тяжелых металлов. Анализ проводился стандартными методами, описанными в специальных руководствах [6, 7].

Длительность жизни моллюсков, очевидно, в значительной степени связана с размером животных. Известно, что моллюски большого размера живут по многу лет [1]. У большинства видов размножение происходит весной, в начале лета. Для определения возраста брюхоногих моллюсков пользуются не прямым определением возраста по числу годовых колец, а построением на основе эмпирического материала вариационных рядов для каждого

возраста. У экземпляров с неясными линиями прироста возраст определяют по размерам раковины. Сроки нереста и развитие молоди у большинства видов ограничены и определяются в первую очередь температурой среды. Это отражается на структуре видовых популяций. Так, появившаяся за некоторый промежуток времени в составе популяции молодь, несмотря на возможную растянутость сроков своего метаморфоза и нереста родителей, составляет единую размерно-весовую группу, отделенную от родителей размерным промежутком, превышающим индивидуальные вариации в размерах внутри каждой группы. Особи предыдущей генерации таким же образом отличаются от своих родителей и т.д. [8]. Подсчитав в популяции количество размерно-весовых групп, каждая из которых представляет собой генерацию, не трудно установить приблизительную, предельную и преобладающую продолжительность жизни особей вида в данных условиях. Согласно нашим исследованиям размерно-весовой структуры двух популяций лужанки речной, обитающих в различных экологических условиях (табл. 1), установлено, что в бассейне реки Западная Двина лужанки живут 4 года (рис. 1, 2). Согласно литературным данным [1]

лужанка речная очень изменчивый вид. Каждая станция водоема откладывает на размеры и массу моллюсков свой отпечаток.

Таблица 1

Гидрохимическая характеристика различных местообитаний лужанки речной (средние данные на июнь-июль 2002 года)

Показатели	Биологический оптимум (по Жадину, 1952)	Западная Двина (г. Витебск)	Западная Двина (д. Придвинье)
СГ, мг/л	до 100	45,0	25,5
SO ₄ ²⁻ , мг/л	–	36,3	14,2
Ca ²⁺ , мг/л	25–100	65,6	80,9
БПК, мг О ₂ /л	10,0–15,0	17,3	14,6
pH	7–9	6,0	6,5
Прозрачность, см	50–200	70,0	120,0
t, °C	18–20	20,9	18,5
Скорость течения, м/с	0,1–1,0	0,5	0,5
Соленость, ‰	0,001–0,01	0,006	0,003
БПК ₅ О ₂ , мг/л	4,9	6,4	9,1
Процент насыщения воды кислородом	50% и выше	63,0	85,5
Zn, мг/л	–	0,76	0,41
Pb, мг/л	–	0,23	–

Сравнение размерно-весовых групп моллюска из разных по химическому составу воды местообитаний показало, что масса особей каждой размерной группы, обитающей в районе Придвинья варьирует в более широких пределах и достигает больших значений. Так, масса самых крупных и старых особей в районе Придвинья колеблется в пределах 5,0–6,4 г, а в районе г. Витебска – 4,8–5,8 г, что указывает на более оптимальные условия для роста и накопления зоомассы у моллюсков, обитающих за городской чертой, в зоне наименее загрязненной промышленными и сточными водами. В более чистой воде больше молодежи: на 7%. Это свидетельство более интенсивного размножения лужанок из популяции, обитающей в воде реки около д. Придвинье.

Сравнение полученных нами данных по плодовитости живородок в изучаемых местообитаниях показало, что количество маленьких живородок у самок из окрестностей Придвинья достоверно превышает данный показатель у самок, обитающих в водах реки Западная Двина в пределах городской экосистемы.

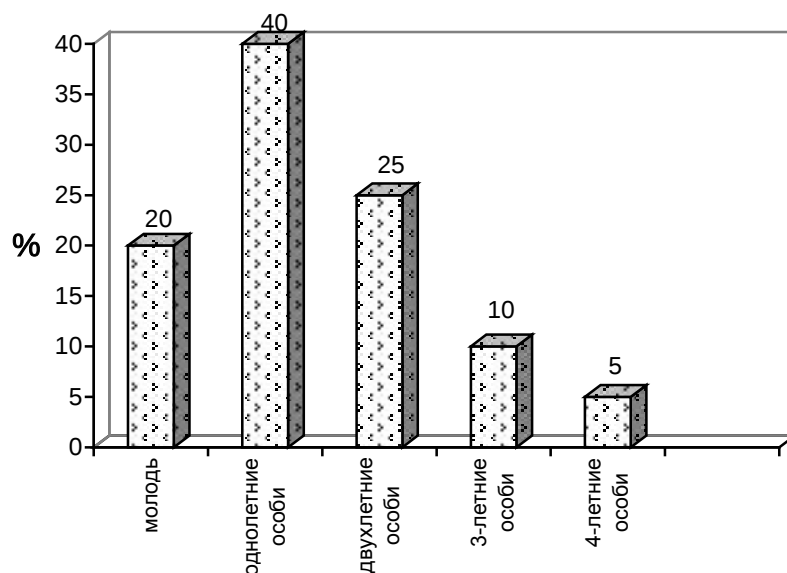

Рис. 1. **Размерно-весовая структура популяции лужанки речной в реке Западная Двина в районе г. Витебска (2002 г.).**

По оси абсцисс размерные группы (классы) в г.

По оси ординат количество животных в % от всей популяции.

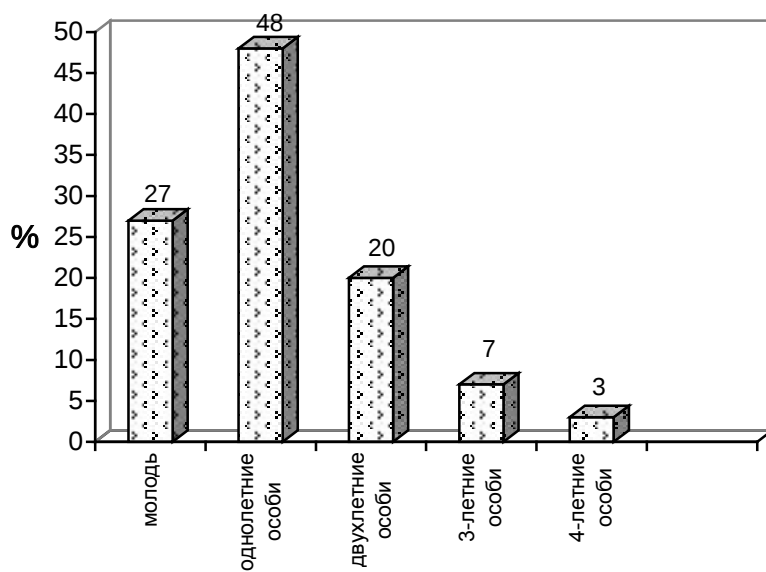

Рис. 2. **Размерно-весовая структура популяции лужанки речной в реке Западная Двина в районе д. Придвинье (2002 г.).**

По оси абсцисс размерные группы (классы) в г.

По оси ординат количество животных в % от всей популяции.

Таблица 2

Плодовитость лужанки речной в разных местообитаниях (экз.)

Западная Двина (г. Витебск)	Западная Двина (д. Придвинье)
16,4 ± 0,49	21,3 ± 0,83

Согласно литературным данным, плодовитость лужанки речной колеблется от 10 до 30 экземпляров молоди [1]. Плодовитость лужанки из местообитания в районе д. Придвинье ближе к максимальным значениям, чем в городском местообитании и в целом на 13% выше плодовитости данного вида в условиях загрязнения воды городскими отходами.

Анализ данных о биомассе, численности и продукции популяции лужанки речной, обитающей в водах Западной Двины в пределах г. Витебска и в

30-километровой зоне за его пределами показал, что численность популяции лужанки в районе Придвинья на 25% больше, чем в пределах города, биомасса на 20,3% больше, а продукция популяции моллюска повышается в районе Придвинья на 18,5% по сравнению с городским местообитанием (табл. 3).

Таблица 3

Численность, биомасса и продукция популяций лужанки речной в зависимости от качества вод

Биотоп	Численность, экз/м ²		Биомасса, г/м ²		Средняя масса особи, г.		Продукция, г/м ²
	май	июнь	май	июнь	май	июнь	
Западная Двина (г. Витебск)	3,6 ± 0,09	4,6 ± 0,05	8,6 ± 0,48	9,1 ± 0,06	1,5 ± 0,05	2,0 ± 0,15	2,05
Западная Двина (д. Придвинье)	3,8 ± 0,10	5,9 ± 0,15	10,7 ± 0,15	13,4 ± 0,25	1,8 ± 0,07	2,3 ± 0,34	2,43

В результате утилизации первичной продукции гетеротрофными организмами происходит образование органических веществ, входящих в состав их тел, или вторичной продукции. Лужанка речная питается водорослями, произрастающими на дне водоема, и частицами детрита, т.е. она является сапро-фитофагом и способствует очищению водоемов от иловых частиц, а также регулирует численность водорослей на мелководье. В то же самое время одноклеточные водоросли поселяются на раковинах лужанок, что создает для водорослей более благоприятные условия для размножения.

В процессе жизнедеятельности моллюски вступают в многогранные связи как с особями своего вида, так и другими видами моллюсков, прочими животными, растениями. Растений в качестве пищи в литоральной зоне реки Западная Двина, по нашим наблюдениям, достаточно для лужанки как в пределах города, так и за его пределами. Но в городе лужанки встречаются массово в литоральной зоне реки, другие моллюски практически отсутствуют. Нет перловиц, прудовиков, есть несколько видов катушек. А в местообитании около д. Придвинье видовое разнообразие моллюсков богаче: там встречаются анцилус, прудовик овальный, прудовик ушковый, перловица,

аплекса, три вида катушек. То есть лужанка речная в местообитании за городом испытывает конкуренцию за пищу и жизненное пространство со стороны других видов брюхоногих моллюсков, но обитание в более чистой воде, очевидно, имеет определяющее значение, так как по всем биологическим показателям особи популяции лужанки речной из окрестностей д. Придвинье достоверно превышают особей из популяции, обитающей в литорали Западной Двины в пределах города.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы.

1. Вода местообитания лужанки речной в реке Западная Двина, протекающей через Витебск, характеризуется повышенным содержанием хлоридов, сульфатов, свинца, цинка, органических веществ, большей соленостью, меньшей концентрацией кислорода и повышенной кислотностью по сравнению с районом Придвинья, что позволяет дать оценку этого местообитания лужанки речной как несоответствующего ее биологическому оптимуму.

2. Сравнения размерно-весовых групп лужанки речной из разных по химическому составу воды местообитаний показало, что по продолжительности жизни особей отличий нет, но масса особей каждой размерной группы, обитающей в районе Придвинья, варьирует в более широких пределах и достигает больших значений, что указывает на более оптимальные условия для роста и накопления зоомассы у моллюсков, обитающих за городской чертой в зоне, наименее загрязненной промышленными и сточными водами.

3. Анализ данных по биомассе, численности и продукции популяций лужанки речной показал, что численность популяции лужанки в районе Придвинья на 25% больше, чем в пределах города, биомасса на 20,3% больше, а продукция популяции моллюска повышается в районе Придвинья на 18,5% по сравнению с городским местообитанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Жадин В.Н.** Моллюски пресных вод СССР. – М. – Л., 1952.
2. **Макрушин А.В.** Библиографический указатель по теме «Биологический анализ качества вод» с приложением списка организмов-индикаторов загрязнения. – Л., 1974. – 53 с.
3. **Уманский С.А., Литвинов А.А., Санин М.В.** Динамика планктона, бентоса и промысловой рыбопродуктивности озера Маныч-Гудило, загрязняемого коллекторно-дренажными водами // Гидробиологический журнал, 1999, т. 4, № 29. – С. 43–53.
4. **Методика изучения биогеоценозов внутренних водоемов.** – М., 1978.
5. **Винберг Г.Г.** Методы определения продукции водных животных. – Мн., 1968.
6. **Алехин О.А.** Химический анализ вод суши. – Л., 1954.
7. **Лурье Ю.Ю.** Аналитическая химия промышленных сточных вод. – М., 1984. – 448 с.
8. **Голиков А.Н.** Метод определения продукционных свойств популяций по размерной структуре и численности // Докл. АН СССР. – Т. 193, № 3.

S U M M A R Y

The state of the habitat of the mollusk Viviparus viviparus L. and its dependence on the industrial contamination of the waters of the Western Dvina were studied. It was found that the water of the river flowing through Vitebsk is characterized by the increased content of chlorides, sulphates, zine, lead, organic substances, greater concentration of salts and lesser concentration of oxygen, by increased acidity comparison with the district of Pridvinye (30 km zone). The mass of the mollusks of rich size group inhabiting Pridvinue varies and reaches high dimensions, population is 25%

and the biomass is 20,3% higher, the reproduction of the population of the mollusk in Pridvinye increases by 18,5% in comparison with the urban habitat.

Поступила в редакцию 31.03.2004

Особенности строения и пространственной изменчивости рельефа Беларуси как фактора формирования инженерно-геологических условий

Современные морфологические особенности рельефа Беларуси и закономерности их формирования рассмотрены многими исследователями

(Г.И. Горецкий, Б.Н. Гурский, В.А. Деметьев, Г.И. Илькевич, А.В. Матвеев, Э.А. Левков, К.И. Лукашев, С.Л. Шиманович, Л.А. Нечипоренко, М.М. Цапенко, О.Ф. Якушко и др.) и отражены на обзорных геоморфологических картах. Однако даже после выхода в свет этих работ некоторые аспекты оценки общерегиональных закономерностей строения земной поверхности остаются дискуссионными. Между тем рельеф является одним из важнейших природных факторов, определяющих современные инженерно-геологические условия территории страны. Морфометрические особенности его учитываются при строительстве промышленных и гражданских сооружений, путей сообщения, мелиоративных систем, разработке месторождений полезных ископаемых и других видах хозяйственного освоения территории. При установлении истории формирования инженерно-геологических условий важным является анализ происхождения и истории развития форм рельефа, современные тенденции развития рельефа должны учитываться при составлении прогноза возможных изменений инженерно-геологической обстановки в процессе строительства и эксплуатации различного рода инженерных сооружений и разработке основ охраны геологической среды [1]. В связи с этим ниже рассмотрены морфологические особенности рельефа территории Беларуси, их причинная обусловленность и осуществлен их учет при геоморфологическом районировании.

Морфографические и морфометрические особенности рельефа.

Территория Беларуси расположена в западной части Русской равнины. В общем виде она представляет собой пологоволнистую ледниково-аккумулятивную равнину, которая осложнена системой гряд и холмов и расчленена долинами рек. Высота дневной поверхности составляет в среднем 160 м над уровнем моря, изменяясь в пределах от 80 до 345 м (рис. 1). Низменные пространства на юге, западе и севере страны находятся на абсолютных отметках 100–

150 м, нередко заболочены. Для них характерно наличие плоских котловин зарастающих озер. Повышенные равнины с высотами 150–220 м над уровнем моря обычно приобретают платообразный характер, лучше дренированы, местами расчленены оврагами и балками. Наиболее высокое гипсометрическое положение занимают холмистые возвышенности и гряды.

Они выделяются над прилегающими равнинами относительными высотами от нескольких десятков до 100 м, реже более, а абсолютными отметками до 300 м и выше. Возвышенности расчленены густой сетью относительно глубоких долин и ложбин, с которыми на севере региона связаны многие озерные котловины.

В целом 60% территории республики занимают равнинно-низменные пространства, 10% – повышенные платообразные равнины и 30% – возвышенности. Расчлененность и углы наклона поверхности этих пространств неодинаковы.

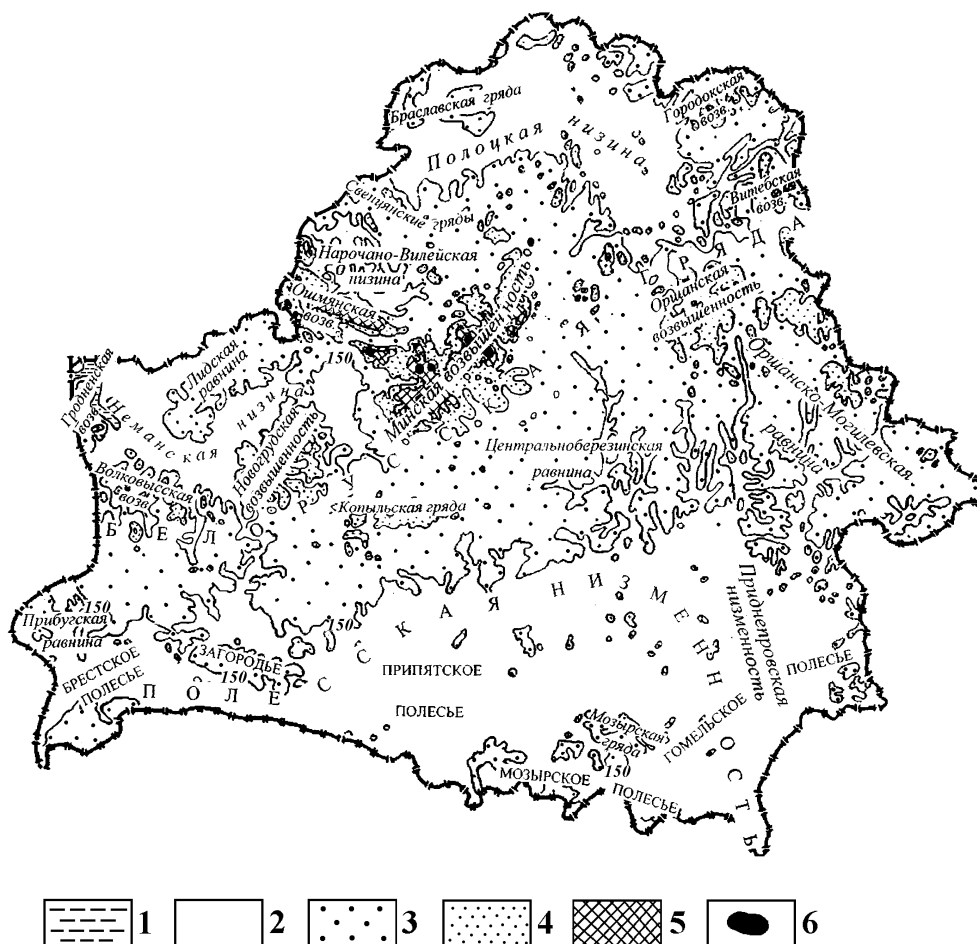

Рис. 1. Гипсометрическая схема территории Беларуси.
Абсолютные высоты: 1 – ниже 100 м; 2 – 100–150; 3 – 150–200;
 4 – 200–250; 5 – 250–300; 6 – выше 300 м.

В пределах низменностей они незначительны. Средняя глубина расчленения рельефа здесь составляет 5–10 м и менее, густота расчленения – 0,2–

0,6 км/км², на более приподнятых территориях – до 0,4–1,0 км/км²; углы наклона поверхности не превышают 2°, а на юге Беларуси – менее 0,5° [2].

Расчлененность возвышенностей и гряд в несколько раз больше. Средняя глубина расчленения здесь довольно часто превышает 20 м, густота

расчленения составляет порядка $1,0\text{--}2,0\text{ км/км}^2$, углы наклона поверхности, в основном, изменяются от 2 до 6° , иногда до 8° . Максимальная амплитуда относительных высот достигает на отдельных участках высоких краевых ледниковых гряд и возвышенностей 80 и даже 100 м , здесь же имеют место и максимальные углы наклона поверхности – 10° и более [2].

Наиболее разнообразен рельеф северо-запада и запада Беларуси, для которых характерны крупнохолмистые возвышенности, чередующиеся с водно-ледниковыми низинами и моренными равнинами. Из всех краевых ледниковых образований самой значительной по протяженности и сложности строения является Белорусская гряда, которая прослеживается от района Гродно – Волковыск до г. Орши и далее на восток, где она соединяется со Смоленско-Московской возвышенностью. Современный облик возвышенности преимущественно сформирован сожским ледником и последующими эрозионно-денудационными процессами. Наиболее высокая часть представлена Минской возвышенностью, к которой приурочены максимальные высоты региона – горы Дзержинская (345 м), Лысая (341 м), Маяк (335 м). Запад-юго-западную ветвь гряды, отделенную от Минской возвышенности Столбцовой моренной равниной, образуют Новогрудская возвышенность (323 м) и более низкие, местами платообразные и расчлененные эрозией Слонимская, Волковысская и Гродненская возвышенности, приподнятые до абсолютных отметок $200\text{--}250\text{ м}$. На северо-запад от Минской простираются Ошмянские гряды, поднимающиеся над окружающими низинами на 150 м , а над уровнем моря до 320 м . Восточная ветвь Белорусской гряды представлена волнисто-платообразной Оршанской возвышенностью (до 255 м) и серией относительно небольших по площади массивов краевых ледниковых образований.

Несколько возвышенностей выделяется на севере Беларуси, в пределах Белорусского Поозерья, с которым совпадает область распространения поозерского оледенения. На юге Поозерья – это Свенцянские гряды (высотой до 226 м), Кубличская (до 239 м) и Лукомльская (до 280 м) возвышенности; на северо-западе – Браславская гряда (до 210 м); на севере – Освейская гряда и Нещердовская возвышенность (до 224 м); на востоке – Городокская (до 265 м) и Витебская (до 295 м) возвышенности.

Между моренными возвышенностями Белорусского Поозерья простираются разнообразные по величине и устройству поверхности низины и равнины, прорезанные сетью террасированных долин. Междолинные пространства плоские и волнистые, если они сложены флювио- или лимногляциальными отложениями. Моренные равнины обычно мелкохолмистые или волнистые. На отдельных участках поверхность их осложняется небольшими прерывистыми грядами.

Наиболее обширной является плоская озерно-ледниковая Полоцкая низина с абсолютными отметками в центральной наиболее пониженной части $130\text{--}150\text{ м}$. На востоке Белорусского Поозерья простираются Суражская и Лучосинская низины, а в юго-западной части, в бассейне верхнего течения Вилии, расположена Нарочано-Вилейская низина.

Рельеф восточной части Беларуси преимущественно равнинный, частью платообразный, возникший благодаря накоплению основной морены, водно-ледниковых и речных отложений, а также лессовидных образований. Общий наклон равнин обращен к югу. Наиболее высоко приподнята над уровнем моря расчлененная овражно-балочными системами Оршанско-Могилевская повышенная равнина или плато (до 233 м в истоках р. Прони). На юге Оршанско-Могилевская равнина сменяется Чечерской, а на западе Центральноберезинской равнинами, в пределах которых высоты в

направлении к югу уменьшаются от 180 до 150 м. Овраги широкого распространения не имеют, встречаются участки с покровом лессовидных пород и невысокие конечноморенные гряды.

На западе Беларуси, кроме краевых возвышенностей и гряд, также распространены равнинные поверхности. К ним относятся Лидская моренная равнина и водно-ледниковая Барановичская равнина, а в междуречье Ясельды и Буга – Прибугская равнина с мелкохолмистым моренным и плоским водно-ледниковым рельефом, с участками денудированных моренных гряд и сетью древних ложбин стока, с высотами до 150–200 м.

Весь юг Беларуси занят обширной Полесской низменностью (низины Белорусского Полесья), в состав которой входят Брестское, Припятское, Мозырское и Гомельское Полесья. Пониженная, заболоченная, пологая, слабоволнистая поверхность низменности сложена водно-ледниковыми и аллювиальными отложениями, с которыми связано распространение золовых дюнно-бугристых форм. Местами над плоской поверхностью возвышаются краевые ледниковые гряды и холмы.

Наиболее низкий гипсометрический уровень занимают озерно-аллювиальные заболоченные низины (Верхнеприпятская, Наревско-Ясельдинская, Случско-Оресская, Уборть-Словечненская и др.), а самый высокий – краевые ледниковые образования Мозырской гряды и Загородья. Основной фон дневной поверхности составляют водно-ледниковые и водно-ледниково-моренные равнины – Брестская, Высоковская, Пружанская (Брестское Полесье), Логишинская, Столинская (Припятское Полесье), Лельчицкая, Хойникская (Мозырское Полесье), Ветчинская, Тереховская, Озаричская

(Гомельское Полесье) и др. Абсолютные отметки поверхности обычно не превышают 150–160 м, за исключением участков, где отмечаются краевые ледниковые формы. Для низин Белорусского Полесья характерны обширные болотные массивы. В их наиболее пониженных местах расположены зарастающие остаточные озера.

Следует также отметить, что кроме ледниковых форм дневной поверхности важным компонентом рельефа республики являются многочисленные речные долины, крупными из которых являются долины Днепра и его притоков – Припяти, Сожа и Березины, а также Западной Двины и Немана.

Генетические и морфоструктурные особенности рельефа. В генетическом и морфоструктурном отношении территория Беларуси также неоднородна. Пространственное расположение различных генетических типов и орографических форм рельефа обусловлено, с одной стороны, строением глубинных зон и характером новейших региональных и локальных тектонических движений, а с другой – экзогенными причинами. Ведущую роль в их формировании сыграли ледниковые покровы и в некоторой степени – эндогенные процессы.

Установлено, что в дневной поверхности территории Беларуси строение глубинных зон и новейшая тектоника проявляется двояким путем: непосредственно, образуя тектоногенные формы или изменяя отдельные части форм другого генезиса, и опосредованно – через характер антропогеновой седиментации и рельефообразующие процессы [3]. Собственно тектоногенные формы выделяются довольно редко и только при детальном исследовании. Такие формы, к примеру, обнаружены в пределах Полесской низменности среди однородных в генетическом отношении аллювиальных, озерно-аллювиальных и флювиогляциальных поверхностей. Они имеют вид пологих поднятий и понижений с амплитудой в первые метры.

Другой формой непосредственного проявления современных движений является изменение уклонов речных русел. Исследования показали, что при пересечении водотоками участков поднятий или зон активизировавшихся разрывных нарушений уклоны заметно возрастают – в 2–5 раз [3, 4]. С тектоническим фактором связано и формирование котловин ряда крупных озер (Споровское, Выгоновское, Червоное и др.).

Однако собственно тектоногенный рельеф для условий Беларуси не столь характерен, как следы опосредованного проявления эндогенного фактора. Для выявления форм этого проявления широко используется сопоставление дневной поверхности с кровлей фундамента и коренных пород. Возможностью проявления глубинного строения в рельефе обусловлена тем, что особенности проявления плана территории региона активно воздействовали прежде всего на общий объем седиментации в четвертичный период и в значительной степени на характер ее проявления, влияя тем самым на важнейшие черты орографии.

Накопление максимальных толщ отложений ледниковой формации связано с участками высокого залегания фундамента и прочных пород платформенного чехла, площадями наиболее пересеченного рельефа кровли коренных пород, зонами активизировавшихся разломов, положительными локальными структурами новейшего этапа и др.

Причины отмеченных закономерностей, по А.В. Матвееву [5] и Э.А. Левкову [6], заключаются в том, что над неровностями ложа, активными разломными зонами возрастала трещиноватость льда, изменялись физические свойства пород и характер динамики ледников, что обуславливало повышенный захват материала, рост мощности мореносодержащего льда, а в последующем и объема вытаявших отложений. С такими причинами связаны повышенные мощности четвертичного покрова у Минска, Полоцка, Бреста, Бобруйска, Орши, Новогрудка, Щучина, Гродно, Коссова и др. Причем возрастание толщи ледниковых образований в перечисленных районах, по сравнению с окружающими территориями, составляет 50–100 м и более. Вместе с тем, проявление новейших движений могло обусловить и иной характер накопления ледниковых образований. Например, устойчивые поднятия значительных площадей (крайний юг и восток Беларуси) определили, наоборот, снижение на этих участках мощности четвертичной толщи.

В отличие от ледниковой формации генетические типы отложений межледниковых и голоценового этапов, а частично и водно-ледниковые отложения в максимальных количествах накапливались на территориях, испытывавших устойчивое прогибание.

Сопряженность седиментации в четвертичный период с особенностями глубинного строения привела к тому, что и своеобразие дневного рельефа оказалось в значительной степени связанным со структурной неоднородностью региона [3]. Так, к Белорусской антеклизе приурочены наивысшие абсолютные отметки дневной поверхности. Снижение высот происходит в тех же направлениях, что и падение кровли фундамента, – к северу, югу и востоку. Обширная Полесская низменность на юге отвечает Подляско-Брестской впадине, Полесской седловине и Припятскому прогибу. Полоцкая низина – пониженным отметкам поверхности фундамента в сторону Латвийской седловины. И только в пределах Оршанской впадины рельеф зачастую является обращенным по отношению к поверхности кристаллических пород, но здесь высоко приподнятым оказался выступ скальных пород девона. Точно так же дневной рельеф соответствует во многих случаях поверхности коренных пород. Витебская, Оршанская и отроги Смоленско-Московской возвышенности отвечают Восточно-Белорусскому

погребенному плато. Положительные формы погребенного рельефа выделяются в основании Новогрудской, Волковысской, части Минской и Лукомльской возвышенностей, соответствуют выступам коренного рельефа и основные возвышенности Полесской низменности. Нет соразмерного цоколя из коренных пород в основании Ошмянских, Свенцянских и некоторых других гряд, но их положение контролируется зонами активизировавшихся разломов. С понижениями в ложе четвертичного покрова увязываются отдельные участки Полоцкой и Средненеманской низин и т.д. [3, 4].

В целом следует отметить, что взаимоотношение между рельефом и тектоническими структурами является достаточно разнообразным и сложным. Тем не менее, расположение практически всех крупных орографических элементов на территории Беларуси в определенной мере можно считать тектонически обусловленным.

По проявлению основных тектонических структур в рельефе ложа четвертичных отложений на территории Беларуси различают следующие морфо-структуры [7].

1. Денудационная столово-останцовая равнина на востоке и северо-востоке Беларуси, соответствует Оршанской впадине. Из-за распространения прочных доломитов и известняков верхнего девона морфоструктура отличается сравнительно слабой расчлененностью и распространением на земной поверхности ряда краевых ледниковых образований (Городокская, Витебская, Оршанская и другие возвышенности) и приподнятых равнин (Могилевская и Горецкая равнины).

2. Денудационная субгоризонтальная равнина, развитая в основном на песчано-глинистых породах девонского, мелового и палеогенового возраста и тяготеющая преимущественно к Латвийской седловине, склонам Белорусской антеклизы и Жлобинской седловине. Для нее свойственна пологоволнистая поверхность как кровли доледниковых пород, так и дневного рельефа; характеризуется преобладанием водно-ледниковых равнин и низин, протягивающихся от Браслава к Полоцку и далее вдоль долины Березины до района Гомеля.

3. Структурно-денудационная равнина, совпадающая с погребенным выступом кристаллического фундамента в пределах Белорусской антеклизы и Полесской седловины. Морфоструктура характеризуется максимальной расчлененностью поверхности дочетвертичных отложений, широким развитием гляциодислокаций и мощных краевых ледниковых образований (Гродненская, Волковысская, Новогрудская, Минская возвышенности; Ошмянские, Свенцянские, Копыльские гряды; Загородье и др.).

4. Пластово-аккумулятивная равнина, сформировавшаяся при дифференцированных неотектонических движениях в пределах внутриплатформенных прогибов и впадин. Морфоструктура приурочена к территориям Подляско-Брестской впадины и Припятского прогиба, отличающихся максимальной мощностью континентальных песчано-глинистых отложений верхнего олигоцена и неогена, выровненностью и значительной заболоченностью поверхности.

5. Цокольная равнина с устойчивыми неотектоническими поднятиями и блоковыми движениями, расположенная на участках неглубокого залегания пород фундамента с маломощным покровом осадочных пород (отроги Украинского кристаллического щита в южной части Белорусского Полесья).

Формирование указанных морфоструктур в ложе четвертичного чехла происходило, в основном, начиная от позднего мела до неогена. В плейстоцен-голоценовое время эти формы развивались унаследованно, что в

значительной степени обусловило их выраженность и в современном рельефе.

Структурно-геоморфологическое районирование. Рельеф Беларуси, как рассмотрено выше, достаточно разнообразен и по генезису, и по возрасту, и по морфологии. Закономерности пространственной изменчивости этих факторов следует учитывать при геоморфологическом районировании. Долгое время специалисты-геологи и географы в обобщающих работах по Беларуси использовали схемы геоморфологического районирования В.А. Дементьева и Л.Н. Вознячука [8, 9]. Выполнение значительного объема геолого-съемочных, поисково-разведочных, инженерно-геологических и других средне- и крупномасштабных работ в 1970–1980-х годах позволило издать в

1986 г. Геоморфологическую карту Белорусской ССР масштаба 1:500000 со схемой геоморфологического районирования масштаба 1:2500000 [10], а в 2002 г. под ред. А.В. Матвеева Геоморфологическую карту (масштаб 1:1250000) и Карту геоморфологического районирования масштаба 1:3000000 [2].

Однако, в рассматриваемых схемах недостаточно отражено единство морфологии рельефа и структурного плана территории Беларуси. Поэтому, используя опубликованные и фондовые материалы и результаты личных многолетних исследований, нами предпринята попытка составить схему структурно-геоморфологического районирования, которая отражала бы совместное воздействие на рельеф различных экзогенных рельефообразующих факторов, развивающихся на фоне региональных и локальных новейших тектонических движений.

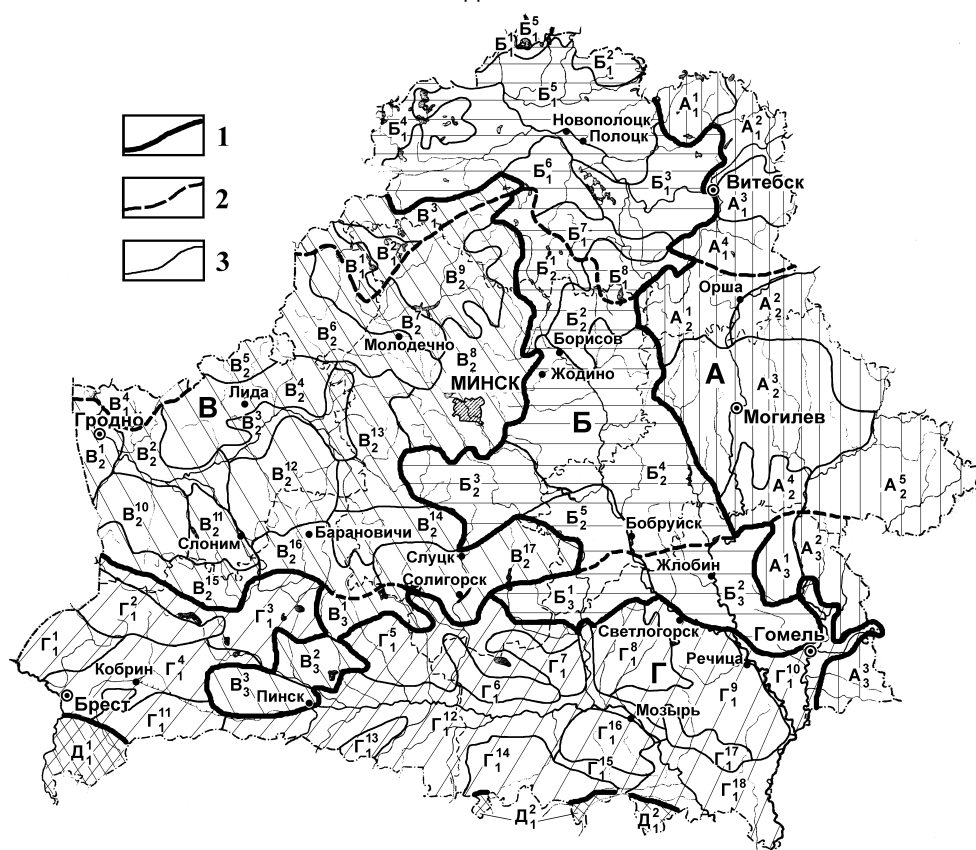

Рис. 2. Схема структурно-геоморфологического районирования

территории Беларуси.

Границы: 1 – геоморфологических областей; 2 – геоморфологических подобластей; 3 – геоморфологических районов (пояснения в тексте).

При составлении этой схемы был принят историко-генетический подход к анализу рельефа, а также учет его морфологических особенностей на определенных этапах дифференциации территории.

В качестве основной геоморфологической таксономической единицы рассматривается область (рис. 2), соответствующая каждой из выделенных морфоструктур. В составе областей по времени формирования и степени сохранности рельефа выделены геоморфологические подобласти. Границы последних фактически соответствуют границам ледниковых покровов поозерского, сожского и днепровского времени. В связи с этим соответственно

выделяются подобласти развития свежего, заметно и сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа. В свою очередь подобласти подразделены на районы (на схеме структурно-геоморфологического районирования области и подобласти выделены как типологические, а районы – как региональные таксономические единицы). При их выделении помимо возраста и генезиса учитывались такие важные с практической точки зрения характеристики рельефа, как гипсометрическое положение и характер эрозионного расчленения. Границы между геоморфологическими районами проведены по более или менее резкой смене морфологических особенностей рельефа.

В целом систематика геоморфологических территориальных единиц, выделенных в пределах Беларуси, имеет следующий вид (рис. 2).

Область денудационных столово-останцовых равнин (А). *Подобласть свежего, преимущественно ледниково-аккумулятивного рельефа (А₁):* А₁¹ – Городокская возвышенность; А₁² – Суражская равнина; А₁³ – Витебская возвышенность; А₁⁴ – Лучосинская равнина.

Подобласть заметно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (А₂): А₂¹ – Оршанская возвышенность; А₂² – Горецкая равнина; А₂³ – Могилевская равнина; А₂⁴ – Славгородская равнина; А₂⁵ – Костюковичская равнина.

Подобласть сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (А₃): А₃¹ – Чечерская равнина; А₃² – Светиловичская равнина; А₃³ – Тереховская равнина.

Область денудационных субгоризонтальных равнин (Б). *Подобласть свежего, преимущественно ледниково-аккумулятивного рельефа (Б₁):* Б₁¹ – Освейская гряда; Б₁² – Заборская равнина; Б₁³ – Шумилинская равнина;

Б₁⁴ – Браславская возвышенность; Б₁⁵ – Полоцкая низина; Б₁⁶ – Ушачская возвышенность; Б₁⁷ – Чашникская низина; Б₁⁸ – Сенненская равнина.

Подобласть заметно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (Б₂): Б₂¹ – Верхнеберезинская равнина; Б₂² – Лукомльская возвышенность; Б₂³ – Пуховичская равнина; Б₂⁴ – Центральноберезинская равнина; Б₂⁵ – Бобруйская равнина.

Подобласть сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (Б₃): Б₃¹ – Светлогорская низина; Б₃² – Стрешинская низина.

Область структурно-денудационных равнин (В). *Подобласть свежего, преимущественно ледниково-аккумулятивного рельефа (В₁):* В₁¹ – Свирская гряда; В₁² – Нарочанская равнина; В₁³ – Свенцянские гряды; В₁⁴ – Озерская низина.

Подобласть заметно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (В₂): В₂¹ – Гродненская возвышенность; В₂² – Скидельская низина; В₂³ – Любчанская низина; В₂⁴ – Лидская равнина; В₂⁵ – Вороновская равнина; В₂⁶ – Ошмянские гряды; В₂⁷ – Вилейская низина; В₂⁸ – Минская возвышенность; В₂⁹ – Кривичская равнина; В₂¹⁰ – Волковысская возвышенность; В₂¹¹ – Слонимская возвышенность; В₂¹² – Новогрудская возвышенность; В₂¹³ – Столбцовская равнина; В₂¹⁴ – Копыльские гряды; В₂¹⁵ – Косовская равнина; В₂¹⁶ – Барановичская равнина; В₂¹⁷ – Солигорская равнина.

Подобласть сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (В₃): В₃¹ – Люсиновская равнина; В₃² – Логишинская равнина; В₃³ – Равнина Загородья.

Область пластово-аккумулятивных равнин и заболоченных аллювиальных и озерно-аллювиальных низин (Г). *Подобласть сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (Г₁):* Г₁¹ – Высоковская равнина; Г₁² – Пружанская равнина; Г₁³ – Наревско-Ясельдинская низина; Г₁⁴ – Брестская равнина; Г₁⁵ – Случско-Оресская низина; Г₁⁶ – Житковичская низина; Г₁⁷ – Ветчинская низина; Г₁⁸ – Озаричская низина; Г₁⁹ – Василевичская низина; Г₁¹⁰ – Речицкая низина; Г₁¹¹ – Верхнеприпятская низина; Г₁¹² – Лунинецкая низина;

Г₁¹³ – Столинская равнина; Г₁¹⁴ – Лельчицкая равнина; Г₁¹⁵ – Уборть-Словечненская низина; Г₁¹⁶ – Мозырская возвышенность; Г₁¹⁷ – Хойникская низина; Г₁¹⁸ – Комаринская низина.

Область цокольных равнин (Д). *Подобласть сильно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа (Д₁):* Д₁¹ – Малоритская равнина; Д₁² – Глушковичский, Александровский и Зосинецкий участки Украинского Полесья.

Составленная схема структурно-геоморфологического районирования является достаточно детальной. Она отражает совместное воздействие на рельеф земной поверхности различных рельефообразующих факторов, развивающихся на фоне региональных и локальных новейших тектонических движений. Именно их совместное влияние определило все особенности современного рельефа территории Беларуси.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Трофимов В.Т.** Закономерности пространственной изменчивости инженерно-геологических условий Западно-Сибирской плиты. – М., 1977.
2. **Нацыянальны атлас Беларусі.** – Мн., 2002.
3. **Матвеев А.В.** История формирования рельефа Белоруссии. – Мн., 1990.
4. **Нечипоренко Л.А.** Условия залегания и тектоническая предопределенность антропогенного покрова Белоруссии. – Мн., 1989.
5. **Матвеев А.В.** Ледниковая формация антропогена Белоруссии. – Мн., 1976.
6. **Левков Э.А.** Гляциотектоника. – Мн., 1980.
7. **Матвеев А.В., Гурский Б.Н., Левицкая Р.И.** Рельеф Белоруссии. – Мн., 1988.
8. **Дементьев В.А.** Основные черты рельефа и геоморфологические районы Белоруссии // Вопросы географии Белоруссии, 1960. – Вып. 1. – С. 5–17.
9. **Вазнячук Л.М.** Геамарфалагічнае раянаванне // Беларус. энцыкл. – Мн., 1975. – Т. 12. – С. 24–27.
10. **Геоморфологическая карта Белорусской ССР** масштаба 1:500000, 1986 / Гл. ред. **Б.Н. Гурский.** – Мн., 1990.

S U M M A R Y

The questions of interrelation of structures of the base and bedrock topography with a day surface are considered. The new scheme of structural geomorphological zoning, which reflects joint influence on a structure of a day surface various of the

factors developing on a certain background regional and local of neotectonic movements is resulted.

Поступила в редакцию 28.06.2005

УДК 314(947.6)

Е.В. Шаматульская

Сельская местность как социально-экономическая система и ее проблемы

Социально-экономическое развитие Беларуси на современном этапе, как и других стран постсоветского пространства, происходит в сложный период. Это проявляется особенно сильно в сельской местности, на территории, составляющей 90% площади страны, где живет почти 30% населения РБ.

И хотя на нее приходится только треть валового внутреннего продукта, по своему социальному и политическому значению она равнозначна городу.

И если город был в центре внимания гуманитарных дисциплин, то СМ, напротив, оказалась на обочине их интересов. Если с изучением города было связано образование новых географических дисциплин и направлений, то по отношению к СМ ничего подобного не возникало. Ответа на вопрос «Что такое сельская местность?» в официальных документах до недавнего времени не было, поэтому этот вопрос является на современном этапе достаточно актуальным и многогранным в плане исследований.

Теоретической и информационной базой данной работы являются труды российских и отечественных ученых, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы, ряд законодательных актов и правительственных постановлений РБ, данные Министерства статистики РБ.

Предметом исследования в широком смысле слова является сельская местность как социально-экономическая система.

Во всех странах подробно регламентируется, какие поселения можно считать городскими, а все остальные населенные пункты, не подходящие под критерии города, считаются сельскими. Но очевидно, что понятие «сельская местность» шире, чем только «сельские поселения». Когда мы говорим «местность», то имеем в виду какую-либо территорию – значительно большую, чем территория отдельного населенного пункта [1]. Не случайно в статистических сборниках и справочниках, когда какой-либо показатель показывается «по городу» и «по селу», употребляются такие выражения: «в городских поселениях» и «в сельской местности». Выражение «городская местность» не употребляется: города занимают слишком малую часть всей территории, чтобы можно было применять к ним термин «местность». По мнению С.А. Ковалева, сельская местность включает в себя «обитаемую территорию вне городов с ее природными условиями и ресурсами, включая сельское население и овеществленные плоды предшествующего труда людей (разнообразные общественные фонды) на этой территории» [2].

В энциклопедическом словаре «Народонаселение» понятие сельская местность трактуется как «вся обитаемая территория стран и районов, находящаяся вне городских поселений, с ее ландшафтами, естественными и

преобразованными человеком (антропогенными), населением и населенными пунктами, которые относятся к категории сельских» [3].

Сельская местность для ряда белорусских ученых – Б.А. Манак, Г.С. Смолякова, А.В. Томашевича, В.С. Фатеева, Н.В. Чепурных и др. – является одной из областей научных интересов. Так, Г.С. Смоляков трактует термин «сельская местность» как «совокупность сельскохозяйственных и аграрно-промышленных предприятий или рабочих мест и локальных систем сельского расселения на определенной территории» [4].

С.А. Ковалев, А.И. Алексеев и другие ученые рассматривают функции СМ, отличающиеся от функций городских поселений:

- 1) сельскохозяйственное производство и частично переработка его продукции;
- 2) лесное хозяйство и лесозаготовки;
- 3) охотничье-промысловое хозяйство;
- 4) часть добывающей и обрабатывающей промышленности, которая не обладает градообразующей силой;
- 5) рекреационное обслуживание населения;
- 6) пространственно-коммуникационная функция – выделение площадей, трудовых ресурсов и пр. для создания и эксплуатации линий электропередачи, водоемов, нефте- и газопроводов, железных дорог и т.д.;
- 7) место жительства части работающих в городах.

На современном этапе уже оформились такие направления, как география сельского хозяйства, география сельского расселения, рекреационная география, но они касаются лишь отдельных компонентов и проблем сельской местности. Это не способствует определению перспектив ее развития, выявлению всей цепочки последствий, связанных с изменением какого-либо одного компонента, всей взаимосвязи региональных проблем. Понимание этой ситуации привело к началу работ по географии сельской местности, однако, лишь в результате активизации комплексных исследований при тесном контакте специалистов различного профиля как внутри географии, так и за ее пределами (экономистов, социологов, экологов и т.д.) развитие географии СМ может быть плодотворным.

Попытка показать, как складывается это направление в социально-экономической географии, как, какими методами географы изучают СМ, какие научно обоснованные выводы делают и какие задачи на их основе решаются, сделана в работе А.И. Алексеева [1]. Рассматривая географию сельской местности, А.И. Алексеев в понятие «сельская местность» включает помимо сельских населенных пунктов все территории, которые лежат за пределами сельских поселений, и используются человеком. Это, прежде всего, сельскохозяйственные угодья – пашня, сенокосы, пастбища; леса, водоемы, карьеры по добыче стройматериалов и т.д. Незаселенные территории (например, острова Северного Ледовитого океана) нельзя включать в «сельскую местность».

По мнению Ю.П. Михайлова, «к сельской местности относятся территории, лежащие за пределами городов, население которых занято в сельском хозяйстве или непосредственно связано с его обслуживанием». Он изучает СМ в социально-территориальной структуре государства, ее отношения с городом, ее проблемы и пути нового обустройства. Он рассматривает СМ как фундамент для города. Она является особым типом социальной и природной среды, вне которой город не может жить и развиваться, без которой он не мыслим». Ю.П. Михайлов называет СМ матерью города, а его отцом – общественное разделение труда. Он подчеркивает, что «город выделился из СМ, но не отделился от нее и

остаётся связанным с ней множеством разнообразных и жизненно важных для него связей. Поэтому поднять экономику страны без учета этих связей и без возрождения самой СМ вряд ли возможно» [5].

Город и село, а шире – город и сельская местность, два важнейших и самых крупных компонента социально-территориальной структуры государства и общества. Они территориально четко обособлены друг от друга и, несмотря на существенные различия между собой, являются частями одной общественно-территориальной системы государства и общества (ОТСГ).

ОТСГ – диалектическое единство этих двух составляющих, которые не могут существовать друг без друга, а поскольку они части одного государственного и общественного целого, они равноценны.

К сельской местности мы относим территории, находящиеся за пределами городов, с их природными условиями и ресурсами, сельскими населенными пунктами, население которых занято в сельском хозяйстве или непосредственно связано с его обслуживанием.

Сельская местность, являясь частью общественно-территориальной системы государства, представляет собой сельскую социально-экономическую систему – ССЭС.

Сельская социально-экономическая система состоит «из сочетания сопряженных разноуровневых функционально-структурных подсистем» [6]. Мы выделяем следующие подсистемы: демографическая (население), трудовая, производственная, природно-ресурсная, расселения, социальная, институционально-управленческая и рекреационная. Все эти подсистемы в своем развитии подчинены единой цели – удовлетворению материальных и духовных потребностей сельского населения при сохранении целостности природной среды, т.е. они антропоцентричны. Между подсистемами нет непреодолимых препятствий – они подчиняются принципам системы (взаимозависимость, структурность, иерархичность, множественность и др.) и все они взаимодействуют друг с другом.

Основу сельской (как и любой другой) социально-экономической системы составляет *население* (социум). Деятельность людей протекает в каждой подсистеме, в свою очередь функционирование подсистем направлено на создание условий жизнедеятельности людей. Важно подчеркнуть, что жизнедеятельность населения существенно меняется в зависимости от природных и социально-экономических условий территории: что хорошо заметно в сельской местности.

В процессе трудовой деятельности людей формируется *производственная подсистема*, ее основная функция – создание экономических условий жизни общества. Эта подсистема существует в форме различных производственных компонентов – отраслевых («вертикальных») и территориальных («горизонтальных»), а сочетание этих компонентов обеспечивает взаимосвязанное и взаимообусловленное сочетание предприятий на территории области.

В соответствии с характером связей сельской производственной подсистемы с природой выделяется *природно-ресурсная подсистема*, основывающаяся на использовании почвенных, земельных, минерально-сырьевых, водных, биологических и других ресурсов. И как подчеркивают Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев, «в качестве профильных форм их организации выступают соответственно сельскохозяйственные, горнодобывающие и перерабатывающие сырье, гидроэнергетические, лесозаготовительные и рыбопромысловые предприятия. Главная особенность природно-ресурсной подсистемы – значительное воздействие на

природу. Поэтому особенно важно совершенствовать технологические процессы, нормативно-правовую базу природопользования и охраны окружающей среды [6]. Таким образом, следует отметить постоянное взаимодействие природно-ресурсной подсистемы с *экологической подсистемой*.

В ходе территориально-производственного комплексообразования складывается региональная *подсистема расселения* сельских населенных пунктов, которые постоянно взаимодействуют с городскими поселениями, отражая социально-экономическую картину конкретной территории, в данном случае, сельской местности. Их объединяющим началом выступает социальная направленность – обеспечение оптимальных условий качества среды жизнедеятельности людей.

Развитие *социальной и институционально-управленческой подсистем* направлено, с одной стороны, на создание условий для успешного функционирования производства и управления, а с другой – на формирование социально-духовной среды жизнедеятельности сельского населения. Соответственно в ССЭС формируется производственная и социальная инфраструктура, предназначенная для создания условий воспроизводства материальных и духовных благ сельского населения.

На данный момент в «Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы» речь идет о развитии и повышении эффективности агропромышленного комплекса, преобразовании сельскохозяйственных предприятий, создании условий для ведения личных подсобных хозяйств и т.д. С этой целью предусматривается улучшить обеспеченность отрасли квалифицированными кадрами, в первую очередь за счет повышения уровня мотивации труда и улучшения социально-бытовых условий.

Для закрепления молодежи на селе намечается ликвидировать дефицит жилья, как за счет нового строительства, так и за счет приобретения и реконструкции на селе пустующих домов. Программа обращает внимание на разработку системы мер, направленных на повышение доходов сельского населения, увеличения доступности социальных и бытовых услуг для сельских жителей, улучшение состояния дорожно-транспортной сети.

При разработке общенациональной стратегии развития сельского хозяйства и СМ не следует учитывать большую инерционность этой отрасли и сельского образа жизни в целом. Решение проблемы возрождения СМ возможно только путем постепенного изменения существующих в ней социально-экономических отношений. Новая социально-экономическая политика в деревне властей всех уровней должна стать важнейшей предпосылкой возрождения.

С 1992 г. в Республике Беларусь действует Закон «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и АПК» (в который периодически вносятся изменения и дополнения). Настоящий закон определяет основные условия и положения приоритетности социально-культурного и экономического развития села и агропромышленного комплекса в целях создания нормальных условий жизни и труда на селе, продовольственного и сырьевого обеспечения республики в условиях рыночных отношений. К общим положениям закона относятся: гарантии государства по обеспечению приоритетного развития села и АПК; формирование социальной сферы на селе и управление ею; социально-культурное, бытовое и торговое обеспечение сельского населения; льготы в жилищном строительстве на селе; льготы на электроэнергию и ответственность за электроснабжение (с ноября 2002 г. отменены); льготы руководителям и специалистам социальной сферы, работающим на селе;

льготы для женщин, работающих в сельской местности; льготы по налогам и кредитам; обеспечение паритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; подготовку кадров для всех форм хозяйствования АПК и др.

В марте 2005 года Президентом страны А.Г. Лукашенко был подписан Указ № 150 «О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы». Проводниками социальных стандартов в деревне определены в нем агрогородки. На их основе предполагается устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий, направленное на формирование необходимых условий для жизни населения. В течение пяти лет в стране предусмотрено создание 1481 агрогородка (в Витебской области уже в нынешнем году запланировано создать 41 агрогородок). Всего на этот статус в области претендует 256 населенных пунктов. Наибольшее количество агрогородков в 2005–2010 годах должно появиться в Дубровенском (20), Докшицком (18), Браславском, Витебском и Сенненском (по 17) районах. В Россонском и Ушачском районах планируется построить по 6 агрогородков, в Шумилинском – 8, Лепельском – 9. В первую очередь такие городки на селе будут создаваться на центральных усадьбах наиболее крепких и устойчивых в экономическом смысле сельскохозяйственных организаций – там, где имеются современные молочно-товарные фермы и мастерские, предприятия бытового обслуживания и учреждения здравоохранения, школы и прочая развитая коммунальная и социальная инфраструктура.

Надо признать, что проблема СМ в настоящее время – это проблема не только экономическая, но еще в большей степени социальная и демографическая. Недопустимо «забрасывать» территориальные и другие ресурсы СМ, представляющие национальное достояние (на включение которых в орбиту государственных интересов был затрачен труд многих поколений прошлого). Общество и государство обязаны трезво и непредвзято взглянуть на эту

исключительно сложную и жизненно важную проблему. Можно не сомневаться, что в XXI в. она станет главной для Беларуси, и от того, как она будет решена, зависит судьба нашего государства.

Таким образом, развитие СМ нашей страны еще раз доказывает необходимость изучения этих свойств территории и их учета при принятии управленческих решений. Нельзя управлять сельской местностью из какого-либо центра – страны, области, района – без учета территориальных различий: то, что хорошо на юге, не совсем приемлемо на севере, что необходимо в пригороде, бесполезно в глубинке. И также нельзя управлять каким-либо одним компонентом СМ, будь то земельные угодья, население, техническая оснащенность, без учета сложных взаимосвязей между ее компонентами.

И как подчеркивает Г.С. Смоляков, «...отрыв главной производительной силы – человека – от среды обитания не позволит отразить существующие связи на конкретных территориях. Необходимость комплексного подхода к исследованию и планированию развития сельской местности обуславливается ее развитием как устойчивой системы» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев А.И.** География сельской местности. – М., 1989. – 48 с.
2. **Ковалев С.А.** Изучение сельской местности в экономической и социальной географии // Вопросы географии. – Сб. 115, 1980.

3. **Народонаселение.** Энциклопедический словарь / Гл. ред. **Г.Г. Меликьян**; ред. коллегия: **А.Я. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалова, Д.К. Шелестов.** – М., 1994. – 425 с.
4. **Смоляков Г.С.** Географические особенности сельской местности Беларуси // Вестник БГУ. Сер. 2, 2001, № 3. – С. 112–115.
5. **Михайлов Ю.П.** Сельская местность в социально-территориальной структуре России и ее проблемы // География и природные ресурсы, 2000, № 3.
6. **Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.** Регионоведение: Учебник. – М., 2002. – 384 с.

S U M M A R Y

The problems of rural area, which are burning are touched upon at present article. The author represents rural area as a component of social-administrative system of the country.

Поступила в редакцию 26.11.2005

**Ж.А. Рупасова, В.А. Игнатенко, Н.П. Варавина,
Р.Н. Рудаковская, А.П. Яковлев**

Накопление углеводов в плодах голубики высокорослой при разном уровне минерального питания в Белорусском Полесье

В связи с введением в культуру в южных районах Беларуси североамериканского вида – голубики высокорослой, возникла необходимость в разработке агротехники ее выращивания, важнейшим элементом которой является оптимизация режима минерального питания на основе внесения удобрений. Вместе с тем использование данного агроприема, способствующего повышению продуктивности культивируемых растений, не всегда сопряжено с улучшением качества их продукции, тем более, если речь идет о малоизученных интродуцентах. Особый интерес в этой связи представляет исследование углеводного комплекса плодов голубики высокорослой, основные компоненты которого в значительной мере определяют их органолептические свойства и оказывают на организм человека разнообразное физиологическое действие.

Для решения этой задачи в 2001–2004 гг. в Малоритском р-не Брестской обл. были выполнены соответствующие исследования на примере 3-х модельных сортов голубики высокорослой – Дюк (из раннеспелых), Блюкроп (из среднеспелых) и Нельсон (из позднеспелых) в долгосрочном полевом эксперименте на среднеокультуренной дерново-подзолистой песчаной почве с

8-вариантной схемой внесения N_{60} , P_{60} , K_{60} (кг/га д.в.) при схеме посадки опытных растений 2,5×2,0 м. По достижении плодами голубики, во 2-й половине июля, состояния съемной зрелости, в их усредненных пробах, высушенных при температуре 60°C, определяли содержание растворимых сахаров, пектиновых веществ и целлюлозы по общепринятым методам [1]. Все определения выполнены в 3-кратной биологической повторности и обработаны статистически с использованием указаний Г.Ф. Лакина [2]. При этом среднеквадратичная ошибка среднего не превышала 1,5–2%.

Было установлено, что плоды модельных сортов голубики высокорослой в условиях Белорусского Полесья характеризуются весьма высоким содержанием углеводов. Так, по нашим оценкам, диапазон изменений усредненных в рамках полевого опыта показателей суммарного накопления растворимых сахаров в их сухой массе в 4-летнем цикле наблюдений составлял 18,9–27,1%, при абсолютно доминирующем положении моносахаридов, особенно фруктозы, содержание которых в 8–24 раза превышало таковое дисахарида. Общее содержание в плодах пектиновых веществ при преобладании протопектина составляло 3–6%, целлюлозы – 5,8–

7,9%. Сахаро-кислотный индекс, определяемый кратным размером отношения суммы растворимых сахаров к содержанию в плодах свободных органических кислот, и косвенно характеризующий их вкусовые качества, при этом изменялся в пределах от 2,4 до 10,0.

В результате проведенных исследований было выявлено весьма значительное влияние комплекса биотических и абиотических факторов на углеводный состав плодов голубики, что обусловило наличие в нем существенных и сортовых, и межсезонных различий в вариантах полевого опыта.

Для установления величины интегрального эффекта от внесения минеральных удобрений на конкретном агрофоне в многолетнем цикле наблюдений были установлены средние за 4 года показатели накопления в плодах углеводов во всех удобрявшихся вариантах опыта, и оценена степень их различий с контролем по t-критерию Стьюдента при 95%-ном уровне доверительной вероятности. При этом отмечено крайне малое число статистически значимых различий.

В определенной мере это обусловлено недостаточной продолжительностью наблюдений, ограниченной всего 4-мя сезонами, что при установленной нами более выраженной зависимости исследуемых показателей от атмосферных воздействий, нежели от состояния минерального фона, и предопределило уровень их дисперсии, позволившей получить достоверные различия с контролем только для наиболее значимых эффектов. Подавляющее большинство из них отмечено у раннеспелого сорта, главным образом, для пектиновых веществ. У среднеспелого сорта подобные различия с контролем наблюдались в основном для сахарокислотного индекса плодов. У позднеспелого сорта они проявились лишь в единичном случае. Тем не менее, для суждения о направленности тенденций в изменении содержания углеводов в плодах голубики в результате внесения удобрений были определены относительные размеры расхождений с контролем их содержания во всех вариантах опыта, в том числе и статистически не подтвержденных (таблица). Оказалось, что независимо от сортовой принадлежности растений, обогащение минерального фона способствовало усилению накопления в плодах голубики растворимых сахаров на 3–17%, особенно при комбинированном внесении удобрений. При этом у ранне- и позднеспелого сортов отмечено увеличение содержания как обеих моноз, так и дисахарида. В отличие от них, у среднеспелого сорта наблюдалось незначительное ослабление накопления глюкозы, на фоне его активизации у фруктозы и, главным образом, у сахарозы. Диаметрально противоположные тенденции при внесении удобрений характеризовали комплекс пектиновых веществ, для которых было показано снижение содержания в плодах на 4–20%, в основном, за счет их нерастворимой фракции, причем наиболее отчетливо это проявилось у раннеспелого сорта. Что касается гидропектина, то в характере изменений его содержания при усилении минерального питания не наблюдалось однотипных тенденций. Так, у раннеспелого сорта они имели преимущественно позитивную направленность, у среднеспелого отмечено чередование усиления и ослабления накопления, у позднеспелого – главным образом, его ослабление. Подобно растворимым сахарам, для параметров накопления в плодах целлюлозы, равно как и для величины их сахарокислотного индекса, на удобренном агрофоне были установлены позитивные сдвиги относительно контроля, носившие в ряде случаев, особенно у среднеспелого сорта, статистически достоверный характер. При этом наиболее выраженные подвижки отмечены при комбинированном внесении удобрений. Для выявления вариантов опыта с наибольшим позитивным влиянием минеральных подкормок

на углеводный состав плодов голубики в каждом из них было определено количество сдвигов у усредненных значений содержания в них его компонентов, превышавших контрольные показатели более чем на 10%. Оказалось, что максимальное число таких сдвигов характеризует варианты опыта $N_{60}P_{60}$ и $N_{60}P_{60}K_{60}$.

Таблица

Степень отклонений от контроля средних в 4-летнем цикле наблюдений характеристик углеводного комплекса плодов голубики высокорослой в вариантах полевого опыта, в %

Вариант опыта	Глюкоза	Фруктоза	Сахароза	Сумма сахаров	Гидропектин	Протопектин	Сумма пекти-н. веществ	Сахарокислотный индекс	Целлюлоза
Сорт Дюк									
2- N_{60}	+10,8	+3,9	+16,4	+6,8	+4,3	-20,4*	-14,1	+6,0	+2,5
3- P_{60}	-0,3	+11,2	+3,3	+7,2	+35,9	-22,2*	-7,6	+29,3	+8,6
4- K_{60}	+12,8	+11,1	+3,9	+11,1	+6,0	-27,4*	-18,9*	+18,1	+8,6
5- $N_{60}P_{60}$	+18,6	+15,6	-5,9	+14,9	-6,0	-24,2*	-19,6*	+36,0	+18,6
6- $N_{60}K_{60}$	+9,6	+1,8	+22,4	+5,6	+18,8	-31,8*	-18,9*	-34,9*	+11,1
7- $P_{60}K_{60}$	+17,8	+8,4	+9,9	+11,2	+22,2	-4,4	+2,4	-18,4	+15,4
8- $N_{60}P_{60}K_{60}$	+22,3	+14,9	+15,8	+17,1	-6,8	-17,2*	-14,3*	-2,0	+19,6
Сорт Блюкроп									
2- N_{60}	-4,3	+10,2	+32,6	+6,9	-1,2	-12,3	-8,9	+82,4	+3,3
3- P_{60}	-1,2	+10,5	+9,6	+6,6	+28,0	-5,0	+5,1	+78,6	+8,5
4- K_{60}	-5,1	+7,0	+9,6	+3,3	+14,3	-15,0	-6,0	+0,6	+6,8
5- $N_{60}P_{60}$	+7,1	+14,3	+45,2	+13,9	-11,9	-19,4*	-17,1	+112,3*	+10,4
6- $N_{60}K_{60}$	-1,8	+17,2	+45,2	+12,8	-6,5	-21,0*	-16,8	+110,1*	+5,4
7- $P_{60}K_{60}$	-12,4	+17,4	+42,2	+9,4	+4,2	-8,1	-4,6	+103,8*	+15,6
8- $N_{60}P_{60}K_{60}$	-1,5	+15,6	+28,1	+10,9	-3,6	-12,1	-9,5	+102,2*	+19,3
Сорт Нельсон									
2- N_{60}	-0,2	+3,1	+16,5	+3,4	-5,0	+4,0	+0,7	-8,4	0
3- P_{60}	+15,1	-11,7	+6,7	-3,8	+3,8	+13,6	+9,7	-2,2	+2,7
4- K_{60}	+21,8	+6,3	+26,8	+11,7	-7,5	-2,2	-4,2	-9,2	-1,6
5- $N_{60}P_{60}$	+9,4	+5,3	+20,7	+7,5	-22,5	0	-8,3	+13,1	+6,6
6- $N_{60}K_{60}$	+13,6	-2,5	+17,1	+2,9	-16,2	-13,6	-14,6	+0,6	+0,4
7- $P_{60}K_{60}$	+21,4	+9,3	+29,3	+13,9	-12,5	-15,1	-14,1	0	+8,1
8- $N_{60}P_{60}K_{60}$	+21,2	+5,8	+37,2	+12,0	-14,4	-11,4	-12,5	+10,3	+10,5

* Статистически достоверные различия при $p < 0,05$.

Таким образом, в результате исследования реакции углеводного комплекса плодов голубики высокорослой на внесение минеральных удобрений в условиях Белорусского Полесья было установлено, что независимо от сортовой принадлежности растений, обогащение минерального фона в большинстве случаев способствовало усилению накопления в плодах голубики растворимых сахаров и целлюлозы при снижении содержания в них пектиновых веществ, в основном, за счет их нерастворимой фракции. Показано, что относительные размеры расхождений с контролем параметров накопления в плодах модельных сортов голубики углеводов составляли 5–20%, причем наиболее выраженные подвижки отмечены в вариантах опыта с комбинированным внесением минеральных удобрений, особенно в $N_{60}P_{60}$ и $N_{60}P_{60}K_{60}$.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ермаков А.И., Арасимович В.В., Ярош Н.П. и др.** Методы биохимического исследования растений. – Л., 1987. – 430 с.

2. **Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М., 1980. – 293 с.

S U M M A R Y

In conditions of the Byelorussian Polesye for the first time is fixed the change in a carbohydrate complex of fruits early-, moderate- and late-maturing cultivars of a highbush blueberry on fertilization's background of the N_{60} , P_{60} and the K_{60} along the classical 8-variant's schema, in a 4-years development cycle.

Поступила в редакцию 6.06.2005

УДК 947.6+364:368.4

Ю.И. Венгер

Социальная помощь государственным структурами пострадавшим от аварии на ЧАЭС

Чернобыльская катастрофа – крупнейшая по своим масштабам техногенная катастрофа из когда-либо имевших место на планете. Она затронула практически все северное полушарие. Одним из ее последствий стало появление новой массовой категории беженцев – экологических. По их числу к чернобыльской катастрофе могут быть приравнены только войны. Ученые в результате споров и научных анализов так и не смогли прийти к выводу, какое же количество радионуклидов было выброшено в окружающую среду после взрыва ядерного реактора. По самым скромным подсчетам оно сравнивается с эффектом от взрыва двух десятков атомных бомб. Ущерб, нанесенный республике чернобыльской катастрофой, оценивается в 32 доаварийных годовых бюджета в расчете на 30-летний период. В значительной степени пострадали почти четверть территории и пятая часть населения страны. Масштабы катастрофы потребовали принятия чрезвычайных мер.

Руководство по проведению защитных мероприятий и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в апреле-мае 1986 года осуществлялось Правительственной комиссией Совета Министров СССР и Минздравом СССР. В течение года из белорусской зоны аварии эвакуировано 24,7 тысячи жителей из

107 наиболее пострадавших поселков. На самых загрязненных территориях силами инженерных войск и гражданской обороны проводилась массовая дезактивация населенных пунктов. Только за пределами 30-километровой зоны было дезактивировано около 500 населенных пунктов, причем 60% из них – 2–3 раза.

В результате удалось достичь некоторого смягчения радиационной обстановки. Однако проведение полной дезактивации населенных пунктов, сельскохозяйственных и промышленных объектов для создания нормальных условий жизнедеятельности оказалось нереальным вследствие того, что необходимые объемы работ намного превышали возможности их реализации.

Белорусским правительством за период с 5 по 9 мая 1986 года было разработано и утверждено 32 нормативных документа, направленных на проведение защитных мероприятий. Следует отметить, что на момент аварии в республике отсутствовала как нормативная база, так и опыт по осуществлению работ в таких ситуациях [1].

Выработка и реализация государственной политики в области преодоления последствий чернобыльской катастрофы осуществляется при непосредственном участии Президента Республики Беларусь. В деятельности

Президента и его Администрации установилась система контроля за реализацией чернобыльского законодательства и Государственных программ минимизации последствий чернобыльской катастрофы. Она включает периодические (не менее двух раз в год) рабочие поездки Президента в загрязненные радионуклидами регионы страны и рассмотрение на месте проблем социальной защиты пострадавшего населения; разработку конкретных мероприятий по реализации поручений Президента с указанием сроков исполнения, ответственных за исполнение должностных лиц, формы контроля и прочее. По результатам поездок в пострадавшие районы (с 1995 года их было 12) сделано значительное число протокольных поручений по корректировке действий государственных органов и исполкомов по минимизации последствий катастрофы [2].

Анализ состояния здоровья участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, проведенный по данным Государственного регистра, показал нарастание у них заболеваемости по целому ряду болезней. Число зарегистрированных болезней у ликвидаторов уже через 5 лет после катастрофы увеличилось в 2,7 раза.

После катастрофы наряду с медицинскими и экологическими проблемами нашей республике пришлось столкнуться с целым рядом социальных вопросов. На загрязненных территориях до сих пор проживает 1,6 млн. человек (из них почти 0,4 млн. детей и подростков в возрасте до 18 лет). Из наиболее сильно загрязненных регионов переселено более 135 тыс. жителей из 471 населенных пункта (295 – в Гомельской, 174 – Могилевской, 2 – Брестской областях). Вследствие этого «чернобыльские» регионы характеризуются искажением демографической ситуации. Более 200 тыс. человек стали вынужденными беженцами, покинувшими загрязненные районы неорганизованно. Наиболее интенсивно уезжали молодежь, интеллигенция, квалифицированные специалисты. В некоторых наиболее пострадавших районах доля лиц пенсионного возраста составила около 70% от численности населения, что значительно больше, чем в целом по стране. Мероприятия по отселению граждан из зон первоочередного и последующего отселения практически завершены (кроме Гомельской области). Все они были обеспечены квартирами либо домами усадебного типа, санаторно-курортным лечением и др.

Для смягчения последствий чернобыльской аварии в республике проделана огромная работа. Гражданам, переезжающим из зон обязательного отселения, гарантировалась компенсация расходов, связанных с переселением и устройством на новом месте жительства. За период с 1990 по 1999 г. в Беларуси для переселенных семей построено 40 тыс. жилых домов и квартир общей площадью 3,5 млн. кв.м. Введено в эксплуатацию общеобразовательных школ на 30 тыс. мест, дошкольных учреждений на 12 тыс. мест, больниц на 3,5 тыс. коек и амбулаторно-поликлинических учреждений на 15 тыс. посещений в смену. Постепенно снижаются объемы капиталовложений, планы строительства жилья для переселенцев и живущих на загрязненных территориях из года в год выполняются на 40–60% и недостроенное жилье переносится в планы следующей Госпрограммы. Несмотря на ввод значительного числа школ, детских садов, больниц и поликлиник, обеспеченность кадрами в этих учреждениях составляет менее 90%. Высокая текучесть кадров не позволяет в должной мере оказать пострадавшему населению необходимые услуги.

В целях обеспечения безопасных условий проживания на загрязненных территориях построено и введено в эксплуатацию 4 тыс. 700 км автомобильных дорог с твердым покрытием, 1300 км сетей водопровода, 300 км канализации, 1850 км газовых сетей, проведено благоустройство ферм и других объектов производственной деятельности. Следует отметить, что

требуется пробурить еще 140 артезианских скважин, сдать в эксплуатацию 42 водозаборных сооружения, проложить 1288 км водопроводов, 480 км газопроводов-отводов, 2780 км распределительных газовых сетей с целью газификации населенных пунктов загрязненных районов.

Оздоровление пострадавших от последствий катастрофы осуществляется круглогодично. Путевки для матерей с детьми выделяются преимущественно в весенне-летний период. Для детей школьного возраста в оздоровительных учреждениях создаются условия для прохождения учебы. Для лечения и отдыха пострадавших используются 59 санаториев и пансионатов на

14,4 тыс. мест (из них 27 детских), 121 санаторий-профилакторий на 14,3 тыс. мест, 17 домов отдыха и пансионатов на 3,6 тыс. мест и 163 оздоровительных и туристических лагеря на 13,3 тыс. мест. При Комчernoбыле функционируют 7 детских реабилитационно-оздоровительных центров и реконструируется еще 5. Однако республика не располагает возможностью отправлять в санатории всех пострадавших граждан. Ежегодно оздоравливается только 40–50% нуждающихся в этом. Например, для полного выполнения Закона «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС», необходимо более 700 тыс. путевок в санаторно-курортные и оздоровительные учреждения в год. Практически на протяжении 1990-х годов выделяемое финансирование позволяло оплатить не более 300 тыс. путевок.

Следовательно, необходимо пересмотреть выделение некоторых льгот, в частности, доплат населению за проживание на загрязненных территориях и направить их на коллективные меры его защиты в населенных пунктах. Нуждается в улучшении условий и оздоровление пострадавшего населения. Целесообразно увеличить размеры выделяемых средств на оздоровление детей и использовать для этой цели санаторно-курортную базу стран СНГ.

В республиканском бюджете затраты на чернобыльскую программу составляли: в 1991 г. – 16,8%, 1992 г. – 12,6%, 1993 г. – 9,6%, 1994 г. – 6,9%, 1995 г. – 7,3 %,

1996 г. – 10,9%, 1997 г. – 9,9%, 1998 г. – 8,9%, 1999 г. – 8,7%, 2000 – 6,6%. Ежегодно 30–50% этих средств направляется на социальную защиту пострадавшего населения. Однако острый дефицит финансовых ресурсов, выделяемых на минимизацию и преодоление негативных последствий катастрофы, отрицательно сказывается на масштабах и темпах проведения защитных и реабилитационных мероприятий. Так, в среднем за 1991–1995 годы бюджетные и иные расходы на преодоление последствий катастрофы составили менее 15% общей суммы социально-экономического ущерба, приходящегося на данный пятилетний период. Не улучшилось положение и в следующие пять лет (1996–2000 годы).

Одним из источников средств для финансирования выполнения заданий Государственной программы является введенный с 1992 г. чрезвычайный налог. До 1994 года его размер составлял 18% от фонда оплаты труда всех предприятий, расположенных на территории Беларуси (за исключением колхозов, совхозов, фермерских хозяйств). Однако эти средства покрывали лишь 65–70% расходов бюджета на ликвидацию последствий катастрофы. Остальные 30–35% потребностей финансировались из республиканского бюджета.

С 1994 г. правительство было вынуждено пойти на снижение ставки чрезвычайного налога до 12%, а в 1998 году – до 4%, сократив тем самым многие виды расходов на ликвидацию последствий катастрофы на ЧАЭС [3].

Итоги реализации государственных программ показывают, что проблема преодоления последствий чернобыльской катастрофы объективно имеет долговременный характер, и есть уверенность, что эта проблема и впредь будет в числе приоритетных для нашего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беларусь и Чернобыль* / Под ред. **И.А. Кеника**. – Барановичи, 1998. – 92 с.
2. *Научное решение проблем чернобыльской катастрофы* / Под ред. **И.В. Ролевича, Е.Ф. Конопки**. – Мн., 1998. – 191 с.
3. *15 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление* / Под ред. **В.Е.Шевчука, В.Л. Гурачевского**. – Мн., 2001. – 118 с.

S U M M A R Y

The object of research is the social aid of the state provided for the people who suffered from the Chernobyl tragedy. The following aims have been achieved: firstly. The author studied the social status of the people who suffered from the Chernobyl tragedy; secondly the measures taken by the state to solve the issues arising in this sphere were characterised.

Поступила в редакцию 3.10.2005